26
П 685

ПРАВО и ЖИЗНЬ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

профессоров А. М. Винавера, М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина

ЖУРНАЛ

посвященный вопросам права и экономического строительства.

Год издания 5-й.

1926 г.

Книга вторая-третья.

Кооперативное Издательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ".
МОСКВА,
ул. Кропоткина (б. Пречистенка), 17. Телефон 1-63-64.

Издательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ“.

Москва, ул. Кропоткина (б. Пречистенка), 17. Телефон 1—63—64.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1926 г.

НА ЖУРНАЛ

„ПРАВО и ЖИЗНЬ“.

Под редакцией профессоров

А. М. Винавера, М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина.

Журнал посвящен вопросам права и экономического строительства.

В выпущенных №№ журнала помещены статьи авторов: проф. М. М. Агаркова, И. И. Аншелеса, Ю. Ю. Бехтерева, И. Л. Брауде, проф. Н. Г. Вавина, П. В. Верховского, проф. А. М. Винавера, проф. В. Ю. Вольфа, Н. Н. Гедеонова, проф. М. Н. Гернета, В. П. Голубева, проф. Н. Н. Голубева, Л. Гольдина, проф. А. В. Горбунова, А. Н. Граниной, проф. М. М. Гродзинского, Н. П. Дмитревского, проф. А. А. Жижиленко, проф. Н. А. Захарова, проф. М. Д. Загряцкого, М. В. Зимелевой, Д. И. Иваницкого, проф. М. М. Исаева, Я. А. Канторовича, А. Д. Кейлина, Кильби, проф. Г. М. Колоножникова, А. Н. Колосова, акад. А. Ф. Кони, проф. С. А. Котляревского, проф. А. Э. Кристера, проф. К. А. Кузнецова, О. М. Купера, В. И. Куфаева, проф. Liepmann (Гамбург), проф. А. М. Ладыженского, И. А. Лури, проф. П. И. Люблинского, проф. А. Н. Макарова, проф. И. А. Малиновского, В. С. Малченко, проф. А. А. Мануилова, Нежданова, проф. Э. Я. Немировского, проф. И. Б. Новицкого, А. Н. Одарченко, В. Н. Ошерова, проф. М. Я. Пергамента, Л. И. Поволоцкого, проф. Н. Н. Полянского, проф. Б. В. Попова, проф. Б. Д. Плетнева, Н. Н. Рейнке, Д. П. Родина, проф. В. И. Серебровского, В. Соловьевой, А. С. Тагера, проф. Л. С. Таля, А. А. Тарнопольского, проф. Н. М. Тоцкого, проф. А. Н. Трайнина, проф. В С. Трахтерова, И. Н. Трепицына, Л. И. Фишмана, В. В. Хижнякова, проф. Б. Б. Черепахина, И. В. Шерешевского, проф. В. Н. Ширяева, проф. Т. М. Яблочкова, проф. А. И. Яковлева, В. Р. Якубсон и др.

Условия подписки:

На 1 год с доставкой и пересылкой . . . . . 10 руб.
„ 1/2 года „ „ . . . . . 6 „

Комплекты журнала: за 1922 г.—4 р. 50 к., за 1923, 1924 и 1925 г.г. по 6 руб.

МАЙ 2008

ПРАВО и ЖИЗНЬ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

профессоров А. М. Винавера, М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина

ЖУРНАЛ

посвященный вопросам права и экономического строительства.

Год издания 5-й.

1926 г.

Книга вторая-третья.

Кооперативное Издательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ“
МОСКВА,
ул. Кропоткина (б. Пречистенка), 17. Телефон 1-63-64

Главлит № 59753, 1926 г. Москва. — Тираж 2.000

Р Ж Е В.
Типография Общего Отдела Уисполкома
1926.

Законодательная техника.

По всей вероятности, ни в одной отрасли общественной деятельности ошибка или неточность в слове не влечет за собой таких значительных, а часто и печальных последствий, как в области законодательствования, где приходится особенно точно и четко формулировать юридические понятия и веления, обращенные к широким народным массам. Непонятый или превратно истолкованный, а потому неправильно примененный закон—большое зло. А между тем, прислушиваясь к слову и стремясь уразуметь чужую мысль, мы нигде не ошибаемся так часто, как при толковании законов.

Об умышленном извращении смысла закона, о соблазнах „обманчивого непостоянства самопроизвольных толкований" много говорить не приходится. Мы обычно в таких случаях обретаем то, чего ищем. Такова природа человека. Der Wunsch ist Vater des Gedankens. Ищущий глаз заинтересованного „потребителя закона" в мало-мальски неясной редакции юридической нормы легко намечает опору и орудие для защиты или, смотря по обстоятельствам,—для нападения.

Но такие кривотолки в юриспруденции не всегда бывают преднамерены и недобросовестны. Часто мы извращаем смысл закона bona fide. Стремясь к овладению его истинным смыслом и сталкиваясь с неясностями, неполнотой, неточностями, недоговоренностью, со всякого рода трудностями, мы невольно начинаем примирять противоречия и прибегаем к сложным построениям; мы пытаемся логически „свести концы с концами". Но добытые с таким трудом результаты не всегда прочны и долговечны. Бывают случаи, когда мы под влиянием новых убедительных для нас соображений отказываемся от прежнего толкования, идем против прежних своих же собственных доводов и принимаем новое толкование, вливаем в те же формы новое содержание. Так зачастую делает юрист-теоретик, так должен действовать судья и любое другое должностное лицо. Результаты же получаются весьма печальные. Резкие сдвиги в понимании действующего права и колебания в его практическом применении потрясают устойчивость гражданского оборота и дискредитируют идею законности. Со стороны, с точки зрения широких народных масс непонятны эти переходы от черного к белому и обратно—от белого к черному. Создается разрыв между жизнью и юриспруденцией. Отсюда подозрительное недоверие к юристам и всей юриспруденции. Вспомним старинные, сделавшиеся историческими словечки и поговорки в роде „крючкотворство", „не бойся закона, бойся законника". Подобных нелестных отзывов и характеристик более чем достаточно. Некоторые из них весьма язвительны. Например, „закон паутина: шмель проскочит, муха увязнет", „закон—дышло: куда хочешь, туда и воротишь", „в земле черти, в воде черти, в лесу сучки, в суде крючки, куда же уйти"? Нелюбовь народа к юристам „крючкотворам" вызывалась различными причи-

нами: в значительной мере,—историческим разладом между консервативным официальным правом и народным правосознанием—„справедливым правом“; нередко чувство ненависти к юристам или, вернее, к лицам, применявшим закон, пробуждалось от непосредственного лицезрения вопиющих примеров беззакония и субъективной недобросовестности. Но в сонме ненавистных „законников“ с судьями и подьячими неправедными разделили место и праведные,—именно те, которые по крайнему своему разумению и с полной добросовестностью старательно „пересматривали вопросы—на предмет окончательного установления истинного смысла закона“. Юридическое буквоедство и самая возможность толкования закона вкривь и вкось—мишень, в которую не раз попадали отравленные стрелы лучших классиков-писателей. Даже для достижения благородных целей юриспруденция, в их описании, должна прибегать к софистике, к лукавым изворотам. Пример—витиеватое схоластическое заключение по делу Шейлска с Антонио, вложенное гениальным писателем в уста „юриста-спеца“ в лице прекрасной Порции[1]). Да, трудно, очень трудно, как доказал Шекспир, понять закон Венеции... Но одной ли только Венеции?

Несколько маленьких справок из истории нашего отечественного законодательства.

12-го марта 1891 г был издан закон о детях, узаконенных и усыновленных. Через шесть лет после этого, т. е. в 1897 г., министр юстиции, смущенный „немалым количеством вопросов, возбуждающих на практике сомнение и получающих вследствие сего противоречие и не всегда правильное решение“,—обратился к обер-прокурору Сената и поручил последнему на основании действовавшего в ту пору закона („Учреждение судебных установлений“, ст. 259[1]) предложить на „обсуждение и законное постановление Правительствующего Сената“ недоуменные вопросы, связанные с применением и толкованием упомянутого закона о детях.

Таких вопросов набралось не мало: число почти апокалиптическое: 66 (см. полн. свод решений гр. кас. департ. Сената 1897 г.).

Вот другой подсказываемый памятью пример из недалекого прошлого.

Вслед за опубликованием закона 3-го июня 1912 г. „о расширении прав наследования по закону лиц женского пола“ существовавшие в то время в Москве судебные места умышленно поспешили возможно скорее довести до высшей инстанции (Сената) первые же спорные дела, вызванные неясностью нового закона, а рассмотрение целого ряда аналогичных дел они отложили до получения сенатского толкования и создания, таким образом, важного по тем временам судебного прецедента.

Западно-европейские скептики и хулители парламентской формы законодательствования зло острят на тему о том, что „парламент портит законы“. А что сказали бы эти остряки, если бы до сведения их дошло то, чему московские обыватели были свидетелями лет 13 тому назад? Когда был опубликован закон 23-го июня 1912 года о праве застройки, он оказался весьма неясным и сбивчивым. Один из членов государственной думы (притом, если не ошибаемся, член той самой комиссии, которая закон этот разрабатывала) счел поэтому своим

[1]) Что этот казус может быть разрешен вполне успешно и к общему благополучию без хитроумных приемов, недостойных суда и юриспруденции, доказал Иеринг, противопоставив „негодным увертками“ истинно юридические доводы (см. „Борьба за право“).

гражданским долгом через посредство одной из больших существовавших тогда в Москве газет обратиться к согражданам с печатным предостережением, призывающим лиц, владевших домами на арендованной земле, обращаться с новым законом осторожно и, как он писал тогда, „держать оба уха востро". В законе этом действительно многое было неудобно и загадочно, и трудно было предугадать, как, в случае спора, суд истолкует эти темные места.

Но довольно примеров. Мысль, ищущая точного воплощения в слове, и слово, способное четко формулировать мысль—это всем известная Метерлинговская трагедия из мира „душ, еще не родившихся". Это страдания двух сердец, любящих и тяготеющих друг к другу, но обреченных роком на страдания искать друг друга всю жизнь, и не находить.

В силах ли, по состоянию нынешней законодательной техники, современный законодатель трагедию мысли и слова совершенно устранить в области „писанного закона"?

Конечно, нет. Норма, находящая свое выражение *в слове*, подчинена общему закону—печальной необходимости облечься в форму, заведомо неточную и несовершенную.

Но никто не ставит так вопроса:—либо *все*, либо *ничего*. Проблема должна быть формулирована иначе. Нужно спросить себя: можно ли путем применения соответствующих технических приемов усовершенствовать ныне существующий способ выражения мысли законодателя? Что необходимо для того, чтобы смысл закона, каково бы ни было его содержание,—был удобопонятен и не порождал бы сомнений и колебаний?

Не настала ли пора заняться этим делом, делом, которое до сих пор почти никого не интересовало? Отвлеченный мыслью о том, *что* должна провозгласить новая юридическая норма, вступающая в мир, законодатель недостаточно считается с тем, *как* именно будет выражена идея этого нового закона. Между тем, к вопросу об усовершенствовании законодательной техники нас в конце концов приводят как соображения о необходимости беречь время (вот благодарное поприще для применения принципов НОТ'а), так и стремление приблизить закон к жизни, к широким кругам населения. Наука права мало занималась проблемой законодательной техники. История вела научную юриспруденцию другими путями. Не технике законодательствования учила нас юриспруденция, не умению формулировать новое право, а искусству толкования старого права, права, уже сложившегося в данные словесные формулы. Деятельность юристов, как в жизни, так и в теории, сводилась к изъяснению того закона, который давался в законченном виде, приходил откуда-то извне в застывшей словесной оболочке. Из закона этого, как из песни, по пословице, „слова не выкинешь".

Научная юридическая мысль выросла и воспиталась на пандектах и кодексах римского права, нормы которого еще недавно (в некоторых частях Германии, например, еще 25 лет тому назад) были действующим правом, регулировавшим общественные взаимоотношения. Рецепировав римское право, получив богатое наследство, юрист только разбирался в готовом и формально законченном материале.

Не только чисто цивилистические конструкции, но и юридические проблемы общего характера (общая теория права) разрешались на основании римского закона: общая часть пандектного римского права была в то же время и общей теорией права вообще. Вспомним,

что первые главы учебника римского права Регельсбергера (Pandekten) еще сравнительно недавно были переведены на русский язык (перевод Базанова под редакцией Гамбарова) и вышли у нас под заглавием „Общее учение о праве". Книга эта охватывает вопросы об основных понятиях, о юридических нормах, в частности, о применении норм права, о толковании закона, о субъективных правах и проч.

Таким образом, юристу мало приходилось соприкасаться с процессом создания новой юридической нормы. Рамки законодательственной деятельности были довольно узки и, главным образом, ограничивались областью публичного права. Но туда юрист-теоретик заглядывал реже и с меньшим интересом, а, может быть, и с меньшей для себя пользой, чем в толстые фолианты пандектного права.

Мы, современные юристы, без сомнения, в праве утверждать, что изучение материалов римского права чрезвычайно обогатило многие отрасли научной юриспруденции. Но самая рецепция римского права безусловно является причиной отсутствия у нас науки (или искусства) законодательствования. А между тем научиться законодательствовать нам необходимо. Особенно важно было бы приобрести этот навык нам, переживающим революционную полосу, когда в корне обновляются все без исключения уголки действующего права. Приступать к изучению техники законодательства с голыми руками, не имея ни предшественников ни готовой литературы, которая могла бы дать руководящие указания в этом новом деле,—очень трудно. Но, тем не менее, трудности эти не должны нас пугать. Мы не имеем литературы, мы не обладаем опытом, но за то мы можем с успехом использовать один весьма поучительный метод: нам следует учиться на своих и чужих ошибках. „Богаты мы ошибками отцов"—в достаточной степени. В этом отношении дореволюционное русское законодательство дает нам обильный материал. Многие дореволюционные законы, с точки зрения технических способов их изложения, дают классические образцы „отрицательного идеала". На этих законах можно с успехом поучиться тому, как не следует писать законы. Но не безгрешны и мы сами. И в современных нам законодательных материалах можно было бы найти такие технические несовершенства, изучение которых было бы весьма полезно. Но как подойти ко всем этим материалам? Что с ними сделать и как их использовать для нашей цели? Думается нам, что ответ на этот вопрос напрашивается сам собой.

I. Мы берем любой закон, любую статью любого кодекса. Выясняем, какие сомнения и трудности данная статья в своей редакции вызвала на практике. Затем выясняем какой оборот речи, какое неудачное выражение, какой редакционный промах вызвал в практике данные сомнения и колебания. Чем несовершеннее в техническом отношении рассматриваемый закон, тем поучительнее будут результаты нашего исследования. Каждую ошибку, каждый промах мы учитываем и обращаем в предмет наших дальнейших манипуляций.

II. Полученные в результате предыдущей операции образцы ошибок мы классифицируем по определенным типам и видам. В результате такой классификации из пестрой картины отдельных промахов, ошибок и неясностей получится довольно полная схема топких и опасных мест.

III. Типичные ошибки приводятся в стройную схему, которая может быть использована для выработки правил техники законода-

тельствования. Правила эти укажут путь, по которому можно пройти, не спотыкаясь и предостерегут от путей скользких и ненадежных.

IV. Проект закона в последней стадии своего творения, т. е. в момент претворения мысли в слово, должен из рук законодательной инстанции попасть в руки спеца, но не просто юриста, а юриста овладевшего искусством законодательной техники.

Законодательный орган должен в общедоступных, понятных всем словах и выражениях, не зашифровывая свою мысль в отдельных статьях и параграфах, дать лишь декларацию и содержание будущего закона. Переработку же этой декларации следует возложить на техников-юристов. Такая реформа в области законодательствования дала бы несомненные преимущества в сравнении с тем, что мы видим сейчас.

Первое преимущество заключается в том, что при составлении текста закона (редактировании его) техники-юристы могли бы избежать типичных, уже изученных ошибок. Закон был бы пущен в обращение в таком виде, в котором он способен вызвать наименьшее количество случаев непонимания, превратного толкования и неправильного применения.

Второе преимущество. В сомнительных случаях, когда не ясна цель закона, когда необходимо установить в точности ratio legis, можно обратиться к декларативной части и из простых „общечеловеческих“ слов законодателя заимствовать живой смысл и вдунуть его в мертвую букву сухой „юридически-бездушной“ статьи закона.

Пора отказаться от синайских методов законодательствования: всякому овощу свое время. В древности при полном почти отсутствии письменности, при скудном количестве юридических норм, регулирующих примитивно-простые общественные отношения, закон стремились изложить возможно короче. Текст закона приходилось зазубривать на память. Римские школьники так изучали законы Двенадцати таблиц. То была эпоха, когда сложилось нелепое, с точки зрения современных условий жизни, правило legem brevem esse oportet quo facilius ab imperitis teneatur (закон должен быть краток для того, чтобы малоопытным гражданам было легче его запомнить).

Современный человек черпает юридические указания не из собственной памяти, сохраняющей буквальный текст библейских заповедей или Двенадцати таблиц, а из сборников и книг. В его сознание юридические правила входят не через краткую лапидарную формулу, заповедь, а в большинстве случаев, в виде сложной ассоциации целого ряда образов и идей, знакомых ему по его общественному опыту, из прессы, дискуссий и проч. Мы запоминаем не краткую формулу закона, а его идею. Идея же закона, конечно, лучше познается из декларации принципиального значения, чем из кратких выражений препарированных, разбитых на статьи и переномерованных в параграфах.

Третье преимущество. Современный способ законодательствования основан на своеобразной иллюзии. В основе своей он имеет не только ничем не доказанную, но обратно, всеми данными нашего опыта опровергнутую презумпцию: будто всякий член многолюдного законодательного органа, голосуя за тот или другой сложный закон, при его постатейном чтении, вполне точно и до конца уясняет себе смысл каждой статьи со всеми ее оттенками и особенностями.

Но все мы знаем, что расшифрование законов, изложенных по системе статей и параграфов,—труд чрезвычайно сложный. Не только

рядовой гражданин, чуждый тонкостей юриспруденции, но и юрист, если только он недостаточно образован и опытен, не в силах успешно справиться со сложною задачей реконструирования живой мысли по статейным и параграфным фрагментам закона. Лучшее доказательство тому мы видим в высших юридических школах. Студенту преподносится связное построение системы, пересказывающей „своими словами" смысл закона, а потом уже его подводят к „источникам", т.-е. к сборнику статей того или другого кодекса. Часто в таких случаях студент, усвоивший содержание данной главы кодекса по теоретическому пособию или живой речи преподавателя, читает малопонятные ему слова закона, испещренного техническими терминами и прочею юридическою премудростью, как отрывок из книги, написанной на малопонятном ему языке и ищет в нем то, что в идее ему заранее известно. Происходит своеобразный процесс: в тексте подыскиваются слова, соответствующие понятиям, уже существующим в нашем сознании.

Никто ни на одну минуту не допустит мысли, будто, например, все члены германского рейхстага, пропустившего 2385 параграфов гражданского уложения, проделали работу по реконструированию этих статей. А между тем без такой реконструкции и без сведения полученных результатов в стройную систему, истинное познание юридического института не мыслимо.

Реформа законодательной техники уменьшила бы на одну единицу количество подобных „общественных условностей". Было бы совершенно ясно для всякого, что член законодательного коллектива воспринимает, усваивает и санкционирует своим голосованием ту или другую общую идею, тот или другой основной принцип, а техническую обработку закона вверяет подготовленным специалистам под их личную ответственность.

V. Само собой разумеется, что новое дело изучения юридической техники, самоподготовки в этой отрасли и обучения других такому искусству требует соответствующей организации и надлежащих условий. Практически задачу эту мог бы разрешить специальный научно-кодификационный институт, объединяющий юристов, желающих посвятить свои силы разработке этой научной отрасли юриспруденции.

VI. По всей вероятности, в любой стране, а в частности и у нас нашлись бы „юристы-словесники" и „юристы-логики", которые могли бы сорганизоваться и положить начало этому делу.

VII. В краткой заметке трудно останавливаться на конкретных примерах, иллюстрирующих тот или другой *тип* кодификационной ошибки, могущий послужить объектом внимания с точки зрения законодательной техники. Тем не менее, чтобы не быть совсем голословным, упомянем о некоторых распространенных случаях кодификационной аберрации.

1) Очень часто при редактировании закона упускается из виду то обстоятельство, что веление законодателя может быть либо безусловно обязательным (прецептивные, безусловно принудительные нормы), либо диспозитивным (условно-принудительные нормы), т.-е. допускающие замену закона свободным соглашением сторон. Примеры неясностей с точки зрения прецептивности и диспозитивности в изобилии рассеяны в гражданских законах, где коллизия этих двух начал встречается особенно часто.

2) Многочисленные недоразумения возникают при толковании закона в тех случаях, когда при редактировании его текста недо-

статочно отчетливо оттенено, является ли данное действие правом или, обратно, обязанностью. Например, ст. 140 Кодекса Законов об актах гражданского состояния гласит: „Забеременевшая и не состоящая в браке женщина не позднее, как за три месяца до разрешения от бремени, подает заявление в местный орган Записей Актов Гражданского Состояния по своему местожительству, указывая время зачатия, имя и местожительство отца".

Что перед нами? Право ли женщины, которая может впоследствии потребовать, чтобы указанный ею мужчина принял участие в расходах, связанных с беременностью, родами и рождением ребенка, или обязанность матери перед будущим ребенком, имеющим право на алиментирование со стороны отца?

3) Мысль закона недостаточно отчетлива потому, что в нем вместо отчетливого выражения определенного хорошо известного принципа, имеются лишь косвенные указания. Не зная, какой основной принцип лежит в основе данной нормы, ее начинают толковать вкривь и вкось. Поучительный пример тому ст. 683 X т. 1-ой части Свода Законов, действовавшая в России до Октябрьской революции.

Закон этот, изданный в январе 1878 года, по всей вероятности, с самого начала имел в виду применительно к железнодорожным и пароходным предприятиям провозгласить, так называемый, принцип *причинения* в отличие от принципа вины, лежащего в основе деликтных обязательств. Но принцип не был подчеркнут, и текст закона вследствие этого дал основание сенату в 1894 году истолковать закон в том смысле, что он „вовсе не увеличивает гражданской ответственности железнодорожных и пароходных предприятий против ответственности других лиц за вред и убытки": „существенная особенность этого закона", говорил сенат, „заключается лишь в распределении между сторонами тяжести представления доказательств" (см. решение сената 1894 г. № 7). Но в том же 1894 году в решении № 103 тот же сенат уже утверждал диаметрально противоположное: „В основание ответственности по ст. 683 лежит не вина или упущение" (очевидно, следует понимать так: не *умысел* и не *неосторожность*) „самого владельца дороги, а самый факт принадлежности ему железнодорожного предприятия".

Такое недоразумение, конечно, не могло бы иметь места, если бы в законе был точно указан основной принцип (вина или причинение).

Ст. 403 действующего Гражданского Кодекса, как известно, в настоящее время толкуется различно Верховным Судом РСФСР и Верховным Судом Украины. Первый видит в ней выражение принципа причинения, а второй — принципа вины (см. Сборники Определений Верхсудов РСФСР и Украины). Различные толкования получились в результате отсутствия прямого указания на принятый в основу принцип.

Теми же причинами вызвана и неясность в ст. 151, ч. 2 Гражданского Кодекса, где выражение „сторона, ответственная за обстоятельство, вызвавшее заблуждение, обязана возместить контрагенту ущерб"—порождает сомнение. Кто отвечает? Тот ли, кто *виноват* в недоразумении (принцип вины), или тот, кто, хотя бы случайно, вызвал заблуждение (теория причинения)?

4) Часто пробелы и неясности в законе объясняются его казуистичностью. Законодатель реагирует исключительно на явления, бросавшиеся ему в глаза, и не задается целью явления эти обоб-

щить. Классическим примером такой ошибки является знаменитый древне-римский закон: si pater filium suum ter venum duit, filius a patre liber esto (если отец сына трижды продаст в кабалу, то он лишается отеческой власти над сыном). Известно также, к какому курьезному выводу, с точки зрения законов логики, пришли под влиянием требований изменившихся условий жизни римские юристы, поставленные в необходимость пользоваться этим старым, уже отжившим законом. Им надлежало разрешить вопрос относительно дочерей и внуков, и они, отдавая дань гуманным воззрениям своего времени, закон этот истолковали тенденциозно. В результате установилось толкование, согласно которому дочь или внук, проданные в кабалу, хотя бы один раз, уже объявлялись свободными в смысле подчинения отцовской власти.

Иеринг упоминает о правиле, установленном железнодорожными властями, согласно которому в зал железнодорожной станции воспрещалось вводить собак; компания шутников-студентов ввела в этот зал теленка, создав своей шуткой юридический вопрос.

Согласно распоряжению, опубликованному несколько лет тому назад (еще до революции), в Москве *мальчикам* воспрещалось ездить на буферах вагонов трамвая.

Декретом, который появился задолго до издания Уголовного Кодекса, производство аборта дозволялось лишь врачам при условии совершения операции в обстановке советских больниц; акушерки, повивальные бабки и фельдшера за совершение аборта лишались диплома и предавались уголовному суду. Но в декрете вовсе не были предусмотрены случаи совершения этого деяния лицами других профессий.

5) Бывают случаи, когда законодатель, стремясь дать определение юридического понятия, логически его полностью не охватывает. Напр., ст. 26 Гр. Кодекса говорит, что сделки — это „действия, направленные на установление, изменение и прекращение гражданских правоотношений"; здесь упущено указание на то, что сделками считаются лишь *дозволенные законом* действия; преступное деяние, даже влекущее за собой гражданско-правовые последствия, сделкой не является. В заголовке главы XIII Гражд. Кодекса имеется подобная же погрешность против правил систематики: „Обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда". Здесь пропущено указание на то, что вред этот должен быть причинен *недозволенным* деянием или упущением и, во-вторых, что деяние это или упущение не является только нарушением заключенного данными сторонами договора.

Ст. 180 Гр. Код. дает неправильное с точки зрения ст. 60 Гр. К. определение договора купли-продажи. Ст. 30 Гр. Код. и особенно ст. 147 того же Кодекса дают основание предположить, что сделка, направленная к явному ущербу для государства, сама по себе не является незаконной, но лишь влечет за собой те же последствия, что и сделка незаконная.

6) Неточности в законе иногда объясняются невыдержанностью идеи или термина в разных кодексах или разных статьях одного и того же кодекса. Так в русском дореволюционном законодательстве термин *находка* имел одно значение в законе гражданском и другое — в уставе о наказаниях.

7) Иногда законодатель действует в предположении, что все граждане знают историю данного закона и потому свяжут его со смыслом другой, уже существующей нормы и в результате получат

правильный вывод. Так, примечание 2 к ст. 60 Гр. Код. правильно будет понято лишь в том случае, если при чтении его будет учтено, что оно имеет целью сузить для некоторых вещей возможность виндикации и ни в коем случае не расширять ее.

К этой же области следует отнести недоразумение существовавшее в царской России в законах о престолонаследии. Ст. 30 закона о престолонаследии имела совсем не тот смысл, который в ней находил читатель, не знавший ее сложной и своеобразной истории. За неправильное ее истолкование в свое время один товарищ министра юстиции царствования Николая II поплатился своей карьерой. А вся вина его заключалась лишь в том, что он понял текст закона так, как с точки зрения правил логики ее должен был понять всякий здравомыслящий человек.

Для законов, как и для многого другого, существуют две логики: одна формальная, другая—генетическая.

8) Иногда закон ставит нас перед трудно разрешимым вопросом: что здесь, numerus clausus или примерное только перечисление. См. ст. 142 Гр. Код., по поводу которой могут возникнуть (фактически действительно возникают) сомнения по вопросу, можно ли снизить неустойку по причине, в ст. 142 прямо не указанной.

Приведенных примеров, взятых почти случайно на „выдержку", по всей вероятности достаточно для того, чтобы иллюстрировать нашу мысль о типичных ошибках, встречающихся в законодательном материале и о возможности их классифицировать и изучить.

Александр Винавер.

Юридическая природа Обществ Взаимного Кредита.

Было бы излишне совершать длительный экскурс в область исторического прошлого Обществ Взаимного Кредита.

Вместе с тем прикрепление вопроса об исследовании их юридической природы к известной хронологической дате, так сказать, к начальному моменту возникновения их на территории СССР, в значительной степени облегчит намеченную нами задачу.

Такой датой можно считать 2/IX—1922 г.[1]), когда волей законодателя, в условиях новой экономической политики, Общества Взаимного Кредита вновь были призваны к жизни.

Организация Обществ Взаимного Кредита, имеющих своей целью „доставление своим членам необходимых для их оборотов капиталов" (§ I Уст.), равно как и направление их деятельности на первых порах существования представляли собой задачу исключительной трудности. Не касаясь специальных условий кредитования (как выходящих за пределы настоящей статьи), надлежит отметить всю трудность подхода к разрешению весьма сложных кредитно-правовых взаимоотношений, заново слагавшихся в строющемся, в переходное время, торговом обороте страны.

Трудность вопроса в значительной степени осложнялась тем, что возникновение Обществ Взаимного Кредита предшествовало утвер-

[1]) Устав О-в Взаимн. Кр-та, утвержден. СТО—2/IX—22 г. „Вестник Финансов" № 31 от 28/IX—22 г.

ждению Гражд. Кодекса, принятого, как известно, IV сессией IX Созыва ВЦИК лишь 31/X—22 г. и введенного в действие с 1-го января 1923 года [1]).

Приведенным выше Нормальным Уставом круг деятельности этих учреждений определяется рядом кредитных операций, исчисленных в подлежащих его параграфах.

В частности, к числу таких операций относятся: 1) учет векселей; 2) выдача срочных ссуд под обеспечения; 3) открытие кредитов по ремонту и благоустройству строений под векселя (с дополнительным обеспечением указанных кредитов); 4 и 5) инкассовые и комиссионные поручения; 6) перевод денег; 7 и 8) прием вкладов и прием на хранение государственных ценных бумаг; 9) переучет учтенных векселей и 10) перезалог принятых залогов (§ 19 Уст.).

Само собой разумеется, что означенные операции неизбежно предполагают наличность предприятия, организованного в учреждение со всеми необходимыми предположениями и последствиями этого понятия. Это учреждение покупает и продает, выступает комиссионером, поручителем, страхует, принимает на сохранение.

В процессе действования сложность правоотношений, связанных с деятельностью всякого кредитного учреждения, логически и неизбежно увеличивается еще целым рядом других вспомогательных правоотношений.

Что же представляет собой эта форма кредитной организации, чем нормируются взаимоотношения ее членов между собой и „третьими лицами“, к какой категории образований, предусмотренных Гр. Код., она должна быть отнесена и какова юридическая сила ее устава? Вот вопросы, на которые надлежит ответить.

I.

Мы знаем, что каждое торговое заведение представляет собою юридический центр, вокруг которого группируются все правоотношения данного (юридического) лица, как субъекта торгово-промышленного оборота. Каждое торгово-промышленное заведение имеет многие общие черты с другими заведениями и в то же время, взятое в отдельности, представляет некоторые особенности.

Если при этом все торгово-промышленные заведения представляют собою комплекс правоотношений в том смысле, что в обстановке заведения и по связи с ним совершается ряд сделок, при коих каждая способна основать самостоятельное предприятие, то относительно кредитных организаций (банков) сказанное приобретает особое значение.

Однако, кредитные учреждения, действующие под общим именем банков, не представляют собою однообразного типа и существенно рознятся как по *способу их организации* и сфере деятельности, так равно и по *составу членов*, форме образования основного капитала и способу оказываемого кредита.

В этом смысле Общества Взаимного Кредита, как учреждения кредитные *по способу их организации* представляют собою не что иное, как один из видов Товарищества, в коем *единственным* основанием взаимных прав и обязанностей товарищей по делам товарищества, служит заключенный между ними *договор*, условия коего изложены в *уставе* товарищества.

---

[1]) Постановлен. ВЦИК от 11/XI—22 г., распублик. в № 256 „Известий“ от XI—22 г.

По целевому назначению они представляют собою такое товарищество, которое, действуя *под общей фирмой в составе непостоянного числа членов и с переменным складочным капиталом*, имеет целью содействовать кредиту, промыслу или хозяйству своих членов.

Приведенные три признака, взятые вместе, в значительной степени способствуют выделению этого вида товариществ из круга всех остальных, известных нашему Гражданскому Кодексу.

Близко примыкая к категории, так наз., „т-в с ограниченною ответственностью“ (ст. 318 Гр. К.), они по целому ряду признаков существенно отличаются от этой группы товарищеских образований. Объединяя „совместно действующих лиц, соединивших свои вклады для достижения общей хозяйственной цели“ (ст. 276 Гр. К.), Общества Взаимного Кредита, тем не менее, характеризуются: 1) *непостоянным числом членов* так как выход товарищей и вступление новых членов не влечет за собой ни прекращения ни изменения товарищества (§§ 8, 12 Уст. О-ва); 2) *изменчивостью складочного капитала*, так как выходящий товарищ может не только передать свой взнос другому лицу, но и востребовать его обратно (§ 13 Уст.), и 3) как указано было выше, *целью, ради которой* эти товарищества *учреждаются*.

Рассматривая особенности такого вида товарищеских образований, большинство европейских законодательств [1]) ограничивается указанием первого и третьего их признака, т.-е. непостоянного числа членов и сцециальной цели образования, предполагая, очевидно, что изменение числа членов само по себе всегда влечет за собой—увеличение или уменьшение оборотного капитала. В большинстве случаев такое соответствие между колебаниями числа членов и величиной оборотного капитала действительно существует. Возможны, однако, случаи, когда оборотный капитал подвергается изменениям, несмотря на то, что число товарищей остается неизменным, или когда меняется число товарищей в то время, как капитал остается без изменения. Такое положение возможно в наших обществах Взаимного Кредита, где, по Нормальному Уставу, открытый отдельному члену кредит, определяющий право его участия, может быть уменьшен или увеличен как по собственному его желанию, так и по усмотрению Приемного Комитета или Совета О-ва (§ 63 Уст.), при чем в этом случае состав членов остается без изменения.

Однако, несмотря на указанное, пропуск промежуточного признака навряд ли может быть признан целесообразным.

Еще менее правилен в этом случае прием французского права, сосредоточивающего весь центр тяжести на одном лишь капитале. Упоминая только о капитале и целиком относя О-ва Взаимного Кредита к категории товариществ—Société à capital variable, французское законодательство затемняет сущность и экономическое значение их, как образования чисто кооперативного.

Мы полагаем, что по отношению к О-вам Вз. Кредита наиболее правильным будет постоянное соединение этих двух признаков как в отношении состава, так и изменчивости капитала, поскольку такая изменчивость является весьма типичной в обоих случаях.

Не ограничивая свободы выхода, Устав тем не менее преграждает доступ в ряды О-ва в тех случаях, когда наличный состав О-ва, в лице представительных его органов, того не пожелает. „В

---

[1]) Германск. Зак. 1 мая 1889 г., ред. 1898 г., ст. 1; Швейц. Зак. ст. 678; Французск. зак. ст. 48.

случае отказа просителю в принятии его в члены О-ва, читаем мы в § 64 Устава, все представленные им документы возвращаются ему через правление *без объяснения причин отказа*".

Такое ограничение доступа представляется вполне естественным, если принять во внимание, что фактически наличные товарищи вполне правомочны беречь престиж своей организации и блюсти ее интересы. На ряду с указанным особое значение приобретает § 17 Устава, в силу коего „всякий член О-ва, объявленный несостоятельным должником или допустивший свой вексель к протесту, подлежит исключению из числа членов".

Иначе ставится вопрос о выходе. Ошибаются те, кто видит ограничение этого права в § 13-м Устава, регулирующем лишь порядок расчета с выходящим членом. Наличие какого-либо запрета, ограничивающего права свободного выхода, раньше всего противоречило бы прямому требованию ст. 291 Гр. К., за силой коей „недействительно соглашение, которым отменяется и *ограничивается* право на заявление отказа от участия в товариществе", а затем и самому уставу, силой коего это право установлено за каждым членом О-ва. „Член, желающий выбыть из общества, может подать заявление о том в Правление *во всякое время*". (§ 12 Уст.).

Поскольку же, за силой § 3 Устава и применительно к ст. 318 Гр. К., каждый член О-ва „помимо ответственности по своим личным долгам обществу принимает на себя также ответственность по операциям Общества в размере, равном сумме открытого ему кредита", ответственность эта, в случае объявления О-ва несостоятельным, настигает выбывшего члена в течение одного года, со срока возврата выбывшему члену его членского взноса (§ 14 Уст.).

Никакой иной ответственности ни по Уставу, ни по прямому смыслу ст. 319 Гр. К. выбывший член *ни перед кем не несет*. При таком положении ни о каком ограничении свободы выхода говорить не приходится. Это тем более очевидно, что остающиеся члены и *фактически* ничем не могут препятствовать желанию уходящего, хотя бы потому, что всякое ограничение свободы выхода было бы недействительным и незаконным. Недействительными также были бы в данном случае и всякие постановления общих собраний, которые, допустим, попытались бы удержать уходящего под страхом всевозможных невыгодных для него последствий, как, напр., потери взноса, удержания обеспечения и т. п. [1]).

Таким образом высказываемое предположение о запретности выхода лишено всякого основания, противоречит действительности и покоится видимо на явном недоразумении.

Выше было уже нами указано, что, применительно к ст. 318 Гр. Код., О-ва Взаимного Кредита по юридической их природе должны быть отнесены к категории т-в, известных действующему праву под именем „товариществ с ограниченною ответственностью". На ряду с этим были отмечены и особенности этого вида кредитных учреждений, действующих на началах существующего для них нормального Устава [2]).

Согласно упомянутой статье, участники т-ва с ограниченной ответственностью, помимо внесенных ими вкладов, отвечают и остальным своим имуществом в кратном отношении к сумме вклада.

---

[1]) Ср. Entscheidungen d. Reichsgerichts in Civilsachen т. XXX, стр. 81.

[2]) Поскольку юридический термин, обнимающий все признаки этого вида т-в—т-во „с переменным составом"—неизвестен действующему праву и литературе, мы не считаем возможным им пользоваться.

Отсюда, применительно к § 3 Устава, каждый вступающий в О-во член обязан: 1) внести наличными деньгами 10% с суммы кредита и 2) выдать товариществу обязательство в том, что, помимо ответственности по своим личным долгам О-ву, он принимает на себя также ответственность по операциям О-ва в размере, равном сумме открытого ему кредита.

Сумма сделанных членами взносов образует складочный капитал, а сумма выданных ими обязательств—капитал обеспечения (§ 4 Уст.).

Из приведенного выше § 3 Уст. можно сделать тот вывод, что принимаемое на себя вступающим членом обязательство относится не только к верителям О-ва, *но и к самому о-ву*, чем существенно и отличается от ответственности за обязательство, напр., членов ссудосберегательных товариществ, где всякий член, оплативший свой пай, не может быть принужден к каким-либо дальнейшим взносам в счет капиталов товарищества, и ответственность его по обязательствам т-ва обусловлена только лишь несостоятельностью последнего. Напротив, одна из обязанностей членов О-в Взаимн. Кредита заключается в участии их в убытках О-ва не только сделанными ими первоначально взносами (10% с суммы открытого кредита), но и своим личным имуществом, поскольку оно не превышает размера кредита; поэтому от наличного числа членов, по мере обнаружения понесенных О-м убытков [1]), могут быть потребованы дальнейшие взносы наличными деньгами под страхом исключения неисправных членов (§ 11 Уст. Прим.).

Таким образом, в силу указанных особенностей лежащей на членах О-в Взаимн. Кредита ответственности за убытки, вполне правильной должна быть признана существующая терминология, согласно которой,—на ряду со складочным капиталом, образуемым из сделанных взносов, различается и капитал обеспечения, устанавливающий совокупность тех дальнейших взносов, которое О-во может истребовать от своих членов.

Что же касается ответственности членов О-ва перед „третьими лицами“ (верителями О-ва), то таковая возникает лишь в случае несостоятельности или ликвидации О-ва, при наличии условий, предусмотренных § 80-м Устава.

Обращаясь к кругу лиц, в пределах которого замыкается деятельность О-в Вз. Кр., можно сказать, что безусловное проведение здесь какого-либо более не менее твердого ограничительного принципа навряд ли представляется возможным. По целевому назначению О-ва Вз. Кр. призваны „доставлять своим членам необходимые для их оборотов капиталы“. Отсюда, казалось бы, что и все деловые отношения О-в, насколько это возможно, должны ограничиваться исключительно кругом своих членов. В действительности, конечно, это не так. Для получения, напр., ссуд, перезалога обеспечений, найма помещений, выполнения поручений по отправке товаров и т. д. О-ва входят в договорные отношения с казной, другими кредитными учреждениями, общественными и кооперативными организациями и частными лицами.

Таким образом, положение о замкнутом круге деятельности О-в Взаимн. Кредита применительно к действующему уставу должно понимать в том смысле, что выдача ссуд и открытие спец. текущих счетов допускается только своим членам.

---

[1]) Ср. прим. к § 4 „Если бы в том встретилась надобность...“

Что же касается всевозможных комиссионных поручений, инкассовых операций, переводов, приема вкладов для обращения из $^0/_{00}$, на бессрочное время, на сроки, а также на текущий счет на разных условиях и прием на хранение бумаг и других ценностей, то, по прямому указанию Устава, таковые в равной степени допустимы как по поручению своих членов, так и посторонних лиц (п.п 4, 5, 6, 7 и 8 § 19 Уст.).

Вообще же, говоря об общем характере нынешних советских О-в Взаимного Кредита,—как кредитной организации, можно сказать, что уже на первых порах и в первые годы существования, расширение их деятельности в области чисто банковских операций достигло в различных обществах весьма разнообразных пределов. Некоторые из них занимаются преимущественно ссудными операциями за счет своих клиентов, принимая вклады до востребования и давая ссуды для торговых операций только в известных пределах, другие действуют скорее как банки, и, наоборот, их операции носят характер более случайный. Между этими пределами можно провести, конечно, много градаций.

II.

Переходя к вопросу о том, к какой категории образований, предусмотренных Гражданским Кодексом должны быть отнесены О-ва Взаимного Кредита и какова юридическая сила их устава, обратимся к ст. 52 Гр. К.

Согласно этой статье в действующем праве различаются три вида собственности: а) государственная, б) кооперативная и в) частная. Содержание понятия этого права для каждого из указанных видов—не одинаково и определяется не по объему ее, а *по собственникам*. Таким образом, содержание права собственности различно в зависимости от носителя этого права, т. е. его субъекта.

Самое широкое и наилучшим образом обеспеченное право собственности принадлежит государству. Затем следуют кооперативные организации и наиболее узким правом собственности пользуются частные лица [1]).

Устанавливая объем права собственности по ее субъектам, законодатель тем не менее выносит за скобки понятие собственности государственной и частной (ст. ст. 53—56 Г. К.), оставляя совершенно невыясненным правовое понятие кооперативной собственности.

„Законно существующие кооперативные организации,—читаем мы в ст. 57 ГК,—могут владеть всякого рода имуществом наравне с частными лицами“... Из приведенного текста путем исключения можно сделать вывод, что объектом права кооперативной собственности не могут лишь быть предметы, составляющие монополизированное право собственности государства и исчисленные в ст. 53 Гр. К.

Столь же неясными в данном случае являются и приводимые к указанной статье комментарии. „Кооперативная организация, говорят комментаторы Гражданского Кодекса, *является юридическим лицом с ограниченной правоспособностью* (курсив наш. И. А.) и может обладать имущественными правами лишь в пределах, предусмотренных законом или уставом для данного вида кооперативных организаций“ [2]). Но ведь и всякое иное юридическое лицо, действующее

---

[1]) Ср. Гражд. Код. Ком. Изд. Инст. Сов. Пр. Вып. II стр. 6.
[2]) Комментарий к ст. 57 ГК. Изд. Института Сов. Права.

на основании устава, является ничем иным, как „организацией, ограниченной в своей правоспособности законом или уставом". Таким образом и в том и в другом случае *устав* является тем документом, который определяет права данной организации, как участника гражданского оборота, и круг ее функций, т. е. служит легальной базой для всей ее деятельности.

Однако, если статьей 13 Гр. К. юридическим лицом признается *все то*, что не будучи физическим лицом, выступает в гражданском обороте самостоятельным субъектом (обособленным центром) прав и обязанностей,—то отнюдь не одинакова правовая „эквивалентность" того или иного юридического лица, обусловливаемая: а) целью его возникновения; б) составом образующих его членов и в) родом его деятельности.

Не ограничивая общей правоспособности и дееспособности кооперативных организаций, как юридических лиц в гражданском обороте, но даже расширяя их правоспособность в области владения промышленными предприятиями (ст. 52 и 57 Гр. К.)—по сравнению с остальными частно-правовыми организациями и частными лицами,—законодатель ставит осуществление предоставленных кооперативным организациям прав *в зависимость от достижения* намеченных ими целей, что, по существу, конечно, находится в полном соответствии с общими началами ныне действующего гражданского права [1]).

Само собой разумеется, что кооперативное т-во, как и всякое иное юридическое лицо, возникает для вполне определенной цели, которая находит себе ясное выражение в акте об его утверждении—уставе. Наряду с этим представляется необходимым и в самом законе исчислить те цели, ради которых могут возникать кооперативные товарищества. Кооперативное т-во не есть торговое предприятие, *его цель не улучшение экономического положения членов посредством предоставления им денежной прибыли, а содействие* товарищам в *ведении их промысла* и хозяйства. Таким образом т-ва, облегчающие своим членам занятие их промыслом, улучшением условий работы и сбыта, либо представлением им дешевого кредита, равно также дающие своим членам возможность за сравнительно небольшую плату иметь хорошего качества предметы первой необходимости, вполне отвечают намеченной цели, хотя бы они вовсе не приносили прибыли.

Вместе с тем, при отсутствии легального определения кооперативного товарищества, точное установление юридической его природы представляется, подчас, весьма трудным. Трудность вопроса осложняется тем, что, как замечает автор цитированной книги, говоря о наличии правовых признаков в действующих кооперативных товариществах, мы прекрасно понимаем, что установление их не должно происходить только по формальному методу, но путем *анализа действительного содержания* работы кооперативной организации и соответствия ее внутреннему *содержанию правовых принципов* [2]).

Что же представляют собою в этом отношении О-ва Взаимного Кредита? Являются ли они одной из форм кооперативных товариществ, и к какой категории таких образований они могут быть отнесены?

---

[1]) См. Л. И. Поволоцкий „Основные начала кооперативного права СССР". Гл. IV, стр. 66.

[2]) Л. И. Поволоцкий. Opus. cit. стр. 91.

Мы знаем, что во всяком кооперативном т-ве складочный капитал необходим только как условие более успешной его деятельности, но, сравнительно с *числом членов*, он может быть очень невелик; так, напр., нам известно из прошлого, что в одном из самых больших бывших в России ссудо-сберегательных товариществ—Гребеневском (Опочецкого уезда)—9038 членам соответствовал капитал в 142000 руб., или в другом случае, при наличии 3354 членов потребительного о-ва Коломенского машиностроительного завода—складочный капитал равнялся 95188 р. [1]).

Заглянув в прошлое, мы могли бы продолжить нашу выборку соответствующими указаниями в отношении Обществ Взаимного Кредита, но, ограничиваясь приведенным примером, отсылаем читателя к специальным трудам по этому вопросу [2]).

Здесь отметим лишь, что в простейшем виде кооперативного товарищества—в русской народной рабочей артели—имеют значение исключительно личность товарищей и их совместная работа.

Само собой разумеется, что в более развитых видах кооперативного товарищества, „к категории коих должны быть отнесены и О-ва Взаимного Кредита“ [3]), складочный капитал необходим, как залог прочности товарищеского предприятия и большей солидарности членов.

Останавливаясь на экономических признаках понятия кооперативного т-ва, М. И. Туган-Барановский определяет таковое „как хозяйственное предприятие нескольких добровольно-соединившихся лиц, которое *имеет целью не получение наибольшого барыша* (курсив наш И. А.) на затраченный капитал, но доставление его сочленам, благодаря общему ведению хозяйства, каких-либо выгод иного рода“ [4]).

В приведенном определении М. И. Туган-Барановский, конечно, не претендовал на его исчерпывающий правовой характер, а на ряду с этим в указанное определение не вошел ряд признаков, присущих современности. Да и, вообще, русская специальная литература досоветского периода по вопросам кооперативного права весьма небогата.

Интерес к изучению этих вопросов сильно возрос лишь в последнее время. В работах, появившихся в 1924 году, дан ряд определений кооперативного товарищества на основе анализа действующего законодательства и вырабатываемых законопроектов [5]).

Минуя, однако, теоретические споры по вопросу об определении понятия „кооперативного т-ва“, остановимся на некоторых основных принципах советского кооперативного права. Особенностью этого права, как указывает Л. И. Поволоцкий, является то, что советское кооперативное право признает единственным актом для кооперативных организаций *устав, зарегистрированный установленным порядком.* (Договор, как учредительный акт не признается). Принимая далее во внимание, что кооперация расчитана на массового участника, равно и отличные ее особенности, заключающиеся в *переменности*

---

[1]) Ср. XXII и XXIII Отчеты Комитета о Сельских Ссудо-сберегательных и иных т-вах. 1897 г. (стр 22 116).

[2]) Голубев. А. К. Русские банки. Справочные и статистические сведения о всех действующих в России государственных, частных и общественных кредитных учреждениях. СПБ. 1908 г.

[3]) См. Проект Гражданского Уложения, кн. V, гл. XVIII, отд. 6.

[4]) М. И. Туган-Барановский. „Экономическая природа кооперативов и их классификация“. Курсы по кооперации т. I, стр 10. М. 1906 г.

[5]) См. Л. И. Поволоцкий. Opus cit. стр. 94 и сл.

состава и капитала (курсив наш И. А.), автор приходит к выводу, что приведенные признаки могут найти свое наиболее четкое и правильное выражение и осуществление в жизни только в уставной форме [1]).

Обращаясь с тем же масштабом к Обществам Взаимного Кредита, находим, что согласно § 3 „Инструкции о порядке утверждения уставов и регистрации кредитных учреждений“ [2]) и, применительно к § 13 той же инструкции, О-ва Взаимн. Кредита действуют на основании вышеприведенного нормального устава от 2/IX 22 г. и приобретают права юридического лица с момента их регистрации в установленном порядке (§ 17 Инст.). Два других признака—переменность состава и капитала, как нами было уже указано, в полной мере присущи Обществам Взаимн. Кредита и являются как бы неотъемлемой их сущностью. Остается, следовательно, вопрос о „цели“.

По этому вопросу обратимся к циркуляру НКФ по отделу Валютного управления от 28/IV 23 года за № 388 „О праве служащих правительственных учреждений участия в кредитных организациях“ [3]).

Как известно, согласно „Правил о службе в государственных учреждениях и предприятиях“—„лицам, состоящим на государственной службе, *воспрещается* лично или через подставных лиц быть участниками какого-либо *частного* торгового или промышленного предприятия“ (ст. 3 „Правил“ — „Собр. Узак.“ № 1/23 г. ст. 8). Безапелляционность приведенного запрета не подлежит никакому сомнению, и всякое нарушение его предварено карательной санкцией по 114 и 114а ст. ст. Уг. Код. Не подлежит сомнению, что весь смысл ст. 3 „Правил“ заключается в предупреждении участия служащих государственных учреждений в *частных* предприятиях.

Однако в п. 1-м вышеприведенного циркуляра НКФ читаем: „*так как общества взаимного кредита* и ссудо-сберегательные кооперативные товарищества ставят своей главной целью удовлетворение *нужд в кредите своих членов* (курсив И. А.) на основании взаимной ответственности, *а не получение прибыли* (курсив И. А.), то запрещение лицам, состоящим на государственной службе, быть участниками частных торговых и промышленных предприятий (ст. 3 „Врем. Правил“ С. У. 23 г. № 1 ст. 8) *не распространяется* на участие госслужащих в качестве членов в обществах взаимного кредита“.

Отсюда, следовательно, можно сделать один лишь вывод: поскольку участие госслужащих в частных учреждениях безоговорочно воспрещено законом, а приведенный запрет к обществам Взаимного Кредита *не относится*—О-ва Взаим. Кредита, равно как и сберегательные кредитные товарищества, не являются учреждениями частными в том смысле, как понимает частную собственность ст. 52. Г. К.

Занимая промежуточное положение между государственной и частной собственностью О-ва Взаимного Кредита целиком укладываются в понятие кооперативной собственности. Поскольку же безошибочно можно утверждать, что самая идея О-в Взаимного Кредита находится в резком противоречии с понятием частно-капиталистического предприятия,—таковые по прямому их назначению, по социально-экономической сущности, а также по целому ряду правовых моментов должны быть отнесены *к категории кредитной кооперации.*

И. М. Альтшулер.

---

[1]) Ср. Op. cit. стр. 100.
[2]) „В. Ф.“ № 19/23 г. стр. 44. Приложение 2-ое.
[3]) „Вест. Фин.“ № 18 от 4/V 23 г. Прилож. I.

О договоре комиссии.

Единственными законодательными актами, до сего времени регулирующими отношения по договору комиссии, являются: положение СНК РСФСР от 2 января 1923 г. „о порядке учреждения и регистрации комиссионных предприятий“ и положение от того же числа „о мерах к урегулированию торговых операций государственных учреждений и предприятий“, попутно затрагивающее вопрос о частном посредничестве. Но оба эти положения не содержат в себе ни определения договора комиссии, ни правил, регулирующих отношения между комиссионером и комитентом.

После появления в печати проекта Торгового Свода Наркомвнуторгом СССР выработаны проекты некоторых законодательных актов, регулирующих отношения по торговле. Одним из таковых является проект постановления „о договоре торговой комиссии“, принятый коллегией Наркомвнуторга 27 сентября 1924 г. и до сих пор еще не рассмотренный законодательными органами СССР. На рассмотрении этого проекта мы и остановимся.

I. В основу проекта, как видно из содержания его, положен дореволюционный закон от 21 апреля 1910 г. „о договоре торговой комиссии“, в который проектом внесены некоторые изменения. Согласно 1 ст., проект различает *торговую и неторговую* комиссии, при чем первой считается комиссия в том случае, когда комиссионер занимается исполнением поручений в виде промысла. В дальнейшем своем изложении проект не делает никаких различий между тем и другим видом комиссии, и правила проекта относятся к торговой и неторговой комиссии; поэтому, название проекта „о договоре торговой комиссии“ представляется нам неправильным повторением ошибки закона 1910 г.; более правильным представлялось бы нам название проекта „о договоре комиссии“, как это предполагалось проектом Русского Гражданского Уложения 1905 г.; иностранные законодательства также знают только договоры комиссии, а не торговой комиссии, и это правильно, ибо в таком случае правила могут распространяться на оба вида комиссии: торговую и неторговую.

1-ая статья проекта содержит определение договора комиссии, из коего видно, что комиссия есть двусторонний договор, возлагающий на комиссионера обязанность совершить по поручению препоручителя определенную сделку, от своего имени, но за счет препоручителя; на препоручителе же лежит обязанность уплатить комиссионеру вознаграждение. Здесь устанавливается отличие договора комиссии от договора поручения: 1) хотя оба договоры двусторонние, но по договору поручения поверенный исполняет поручения за счет и от имени доверителя, по договору же комиссии — за счет препоручителя, но от *своего* имени; 2) договор поручения может быть возмездным или безвозмездным, договор же комиссии обязательно возмездный. Это определение договора комиссии, являющееся дословным повторением ст. 2076 Гражд. Улож. 1905 г. и 115 ст. проекта Торгового Свода, выгодно отличается от 1 ст. закона 1910 г., которая опустила обязанность препоручителя уплатить вознаграждение комиссионеру, предоставляя, таким образом, сторонам возможность заключить и безвозмездный договор комиссии. Но и редакция

1 ст. проекта представляется нам недостаточно правильной; так, ошибочным представляется указание, что комиссионер обязывается по договору совершить определенную сделку, а не сделки, почему для каждого отдельного поручения потребуется заключение отдельного договора комиссии, что не вызывается никакими потребностями. Желательным представлялось бы также включение в текст 1-ой ст. указания об обязанности препоручителя уплатить комиссионеру *условленное* вознаграждение, ибо указание ст. 14 проекта, что размер вознаграждения определяется соглашением, а при отсутствии такового—по нормам, принятым в местном биржевом обороте,—представляется нам неправильным; при неопределенности условий биржевого оборота и отсутствии строго-определенных комиссионных отношений норма вознаграждения будет определяться по каким-либо случайным обстоятельствам, что навряд ли правильно.

По второй части I-ой статьи договором торговой комиссии считается такой, в котором в качестве комиссионера выступает лицо, занимающееся в виде промысла комиссионной деятельностью или торговлей. Определение это в части, касающейся занятия торговлей, нельзя назвать удачным. Некоторые иностранные законодательства (Германское и Австрийское торговые уложения, Цюрихское гражданское уложение) одним из обязательных признаков договора комиссии устанавливают требование занятия комиссионной деятельностью, в виде промысла. Рецепция этого правила проектом объясняется налоговыми интересами, ибо по ст. 21 проекта комиссионер, как самостоятельный торговый деятель, подчиняется соответствующим правилам о торговых предприятиях в отношении выборки патента, уплаты промыслового налога, ведения торгового счетоводства и пр.; но нет никакого основания считать торговой комиссией и распространять на нее правило ст. 21—случайную единичную комиссионную сделку торговца, занимающегося в виде промысла не комиссионной, а торговой деятельностью.

Рассматриваемый проект не содержит указаний, что может быть предметом договора комиссии; следовательно, предметом договора комиссии могут быть всякого рода законом дозволенные сделки, если только исполнение их не требует обязательного личного участия препоручителя; к числу таких сделок могут быть отнесены и сделки экспедиторские (по отправке грузов), по оплате грузов таможенной пошлиной, по получению платежей, производству расчетов по поручению комитета и пр. В этом отношении проект совершенно правильно не прибегает к методу перечисления объектов договора комиссии, к каковому прибегают некоторые иностранные законодательства (по 383 и 400 ст. ст. Герм. тор. улож., предметом комиссии может быть покупка и продажа товаров, ценных бумаг и векселей; 430, 444 и 448 ст. ст. Швейцарского Союзного закона об обязательствах к этому списку добавляют еще пересылку товаров).

2 ст. проекта, делая логический вывод из установленного в ст. 1 определения договора комиссии, правильно устанавливает, что по договору комиссионера с третьим лицом приобретает права и становится обязанным комиссионер, хотя бы препоручитель и был назван в договоре или вступил в непосредственное сношение с третьими лицами по исполнению договора, заключенного комиссионером с этим третьим лицом. В установлении таких обязательственных отношений между третьим лицом комиссионером, а не препоручителем, заключается разница между договором комиссии и договором препоруче-

ния, где договор заключается от имени доверителя, возлагая на него же и ответственность.

Заканчивая рассмотрение общих положений проекта, нужно отметить отсутствие установленной формы этого договора; только в ст. 22 проекта относительно обслуживания комиссионерами государственных предприятий устанавливается, что в таких случаях должны быть заключаемы письменные договоры; отсюда нужно сделать вывод, что, вообще, допускается различная форма заключения договора комиссии: письменная или устная. К таким договорам комиссии относятся правила Гр. Кодекса об общих положениях обязательственного права; существенными в данном случае являются правила о договорах между отсутствующими.

II. Основная обязанность, возлагаемая проектом на комиссионера, заключается в исполнении поручения комитента, согласно указаний препоручителя; если же указаний препоручитель не даст, или же таковые будут недостаточно определенными, то комиссионеру предоставляется поступить по своему усмотрению, но соблюдая *интерес препоручителя*. Эта редакция 3-ей ст. проекта заменяет собою 3 и 4 ст. ст. закона 1910 г. и 117 ст. проекта Тор. Свода, устанавливающих обязанности комиссионера исполнять поручение на условиях, указанных препоручителем и наиболее выгодных для препоручителя. Эта последняя редакция является более точной и определенной, ибо интерес препоручителя может быть понят комиссионером различно. Понятие „интерес“ субъективно, и этот интерес может быть понят различно в зависимости от состояния рынка, наличия спроса, предлагаемых условий, всякого рода побочных условий и пр.; понятие „наиболее выгодные условия“ достаточно объективно для того, чтобы избежать недоразумений, с одной стороны, и злоупотреблений, с другой.

Если комиссионер, в отступление от сделанных ему препоручителем указаний, заключит договор на условиях более выгодных, чем были ему указаны препоручителем, то вся прибыль поступает к препоручителю; если же от такого отступления от указаний препоручителя последним будут понесены убытки, то комиссионер ответствует перед препоручителем за эти убытки. Для освобождения от этой ответственности комиссионер должен доказать, что исполнение сделки по указаниям препоручителя было невозможно и что он не имел возможности своевременно получить новое указание препоручителя (ст. 4 проекта).

Редакция 4-ой статьи является недостаточно ясной; не установлено, во-первых, значение невозможности исполнить сделку по указаниям препоручителя; имеется ли в виду объективная или же субъективная невозможность в смысле невозможности охранить интерес препоручителя [1]). Кроме того, ст. 4 ничего не говорит об обязательности для препоручителя договора, заключенного комиссионером на условиях, не соответствующих указаниям препоручителя и убыточных для последнего; напр., комиссионер получил поручение продать

---

[1]) Как закон 1910 г., так и некоторые иностранные законодательства (Итальянские торг. ул., Швейцарский Союзный закон об обязательствах) освобождают комиссионера от ответственности за исполнение сделки с отступлением от указаний препоручителя также в случае доказательства того, что таким действием предотвращены еще большие убытки для препоручителя. Рассматриваемый же нами проект, останавливаясь в ст. 8 на субъективном признаке соблюдения интереса препоручителя, в ст. 4-ой совершенно непоследовательно отказывается уже от этого признака, выдвигая о б ъ е к т и в н у ю невозможность исполнения.

партию товара по определенной цене со сдачей через некоторое время; комиссионер, в отступление от указаний препоручителя, запродал товар по ценам более низким; обязан ли препоручитель сдать товар, взыскав затем разницу в цене с комиссионера, или же он может не сдать товар, отказаться от исполнения договора? Между тем, вопрос этот чрезвычайно важен: признание судом свободы отказа препоручителя от договора, заключенного комиссионером в нарушение указаний препоручителя, приведет к полному отказу от заключения договоров с комиссионерами, людьми по большей части мало обеспеченными, ибо третье лицо, не имея возможности знать содержание указаний препоручителя [1]), соглашается на заключение договора в расчете на исполнение его и на то, что за спиной комиссионера стоит материально обеспеченный препоручитель, могущий возместить убытки на случай неисполнения договора.

Далее, отметим неопределенность содержания ст. 12 проекта, по которой препоручитель не обязан принять на себя последствия *неправильно* исполненного поручения; такое понятие неправильного исполнения весьма растяжимо и может вести ко всякого рода уклонениям: комиссионер заключил договор по указанной ему цене, но оговорил иной срок сдачи или приемки товара; или иной порядок сдачи или приемки товара, иные условия относительно качества товара, погрузки, упаковки, перевозки и т. д.; и это все при желании препоручителя может служить для него основанием для отказа от исполнения договора. В отношении цены есть еще некоторая возможность сравнить цены комиссионера с ценами на рынке, проконтролировать правильность данных препоручителем комиссионеру указаний и пр. При неопределенности же содержания ст. 12 проекта, когда правильность или неправильность исполнения поручения придется решать в каждом отдельном случае в зависимости от всей совокупности обстоятельств, сопровождавших совершение сделки, препоручителю предоставляется чрезвычайный произвол, и колебания цен на рынке дадут ему возможность как угодно менять свою линию поведения и отказываться от исполнения менее выгодных для него сделок при изменившейся ситуации.

Проект устанавливает ответственность комиссионера за утрату или повреждение находящихся у него товаров препоручителя только в том случае, если он не докажет, что при хранении товаров он проявил необходимую предусмотрительность (ст. 6). Но нигде проект не возлагает на комиссионера обязанности хранить находящийся у него товар; выражение же ст. 6: „комиссионер при хранении находящегося у него товара препоручителя ответствует“... очень неопределенное, и можно его понимать как в смысле обязательного, законного хранения, так и в смысле хранения только в случае особого об этом условия; следовательно, при отсутствии указаний в договоре относительно обязанности комиссионера хранить товар — такая обязанность на нем не лежит. Поэтому, желательно было бы установление 6 ст. проекта по аналогии со ст. 12 закона 1910 г. 2086 ст. проекта Гр.

---

[1]) Такие указания препоручителя, естественно, должны оставаться тайной, ибо не в интересах препоручителя, чтобы третьи лица, будущие его контрагенты, знали о его планах, расчетах и указаниях комиссионеру относительно цен и других существенных условий сделки. И свобода отказа препоручителя от совершения сделки, заключенной комиссионером, может привести к постоянным злоупотреблениям, ибо препоручитель, пользуясь тайной данного им комиссионеру поручения, всегда сможет утверждать, что комиссионером договор заключен в нарушение указаний препоручителя.

Улож. в следующей редакции: „комиссионеор твечает за гибель [1]) или повреждение находящегося у него товара препоручителя“.., а дальше идет изложение обстоятельств, освобождающих комиссионера от ответственности.

Комиссионер по ст. 7 проекта обязан страховать находящееся у него имущество препоручителя только при наличии соответствующего поручения препоручителя; поэтому, комиссионер несет ответственность за незастрахование имущества только при неисполнении им прямого распоряжения препоручителя.

К дальнейшим обязанностям комиссионера относится, — при приеме им присланного препоручителем для продажи или для дальнейшей отправки товара с повреждениями или недостатками, которые могут быть замечены при наружном осмотре, — под страхом ответственности за убытки охранение прав препоручителя, собрание доказательств относительно повреждения или недостатков товаров и извещение немедленно препоручителя (ст. 8). Это правило является целесообразным, охраняя интересы как препоручителя, так и комиссионера.

Согласно ст. 9 проекта, комиссионер не в праве без разрешения препоручителя оказывать другим лицам кредит или производить вперед платежи. Это правило целесообразно, так как предоставление кредита часто сопряжено с риском неуплаты долга; кроме того, вопрос о времени получения или платежа денег имеет значение для расчетов препоручителя. Недостатком же ст. 9 является отсутствие указаний на последствия такого нарушения комиссионером означенного запрета; между тем, могут быть различные случаи нарушения комиссионером запрета, в результате коих у препоручителя будет ущерб. В каких пределах устанавливается ответственность комиссионера,--неизвестно, и необходимо для разрешения этого вопроса обратиться к правилам Гр. Кодекса.

Наконец, по ст. 13 проекта к обязанности комиссионера относится немедленное извещение препоручителя о заключенной за его счет сделке, представление отчета и передача препоручителю всего причитающегося по исполненному поручению. Если препоручитель не отправит комиссионеру возражений против представленного отчета в течение 2-х недель со дня получения его, то отчет считается принятым препоручителем. Эта обязанность комиссионера не только соответствует общей обязанности поверенного по 253 ст. ГК, но содержит также специальную обязанность комиссионера передать препоручителю все причитающееся по исполненному первым поручению, т.-е. передать товары, деньги, обязательства и пр. Поэтому, странным является выделение в особую — 16 статью правила о том, что препоручителю предоставляется право требовать уступки ему требований комиссионера к третьим лицам по заключенным за счет препоручителя договорам, по которым препоручитель не получил еще удовлетворения. Хотя в торговом обороте сроки должны быть по возможности короткими, в частности сроки для представления возражений

---

[1]) Понятие „г и б е л ь“ шире понятие „у т р а т а“, ибо в последнем случае комиссионер отвечает только за небрежность хранения в смысле ограждения от похищений, при чем возлагается почему-то ответственность на препоручителя за такие случаи несохранности товара, как, напр., вследствие сырости помещения, плохого обращения с ним комиссионера или его служащих; затем, не подойдут под понятие „утрата“ и не будут возмещены убытки препоручителя, в случае неуплаты страховщиком страхового вознаграждения из-за неосторожного обращения с огнем комиссионера, из-за хранения им взрывчатых веществ, из-за поджога товара ребенком и пр.

против представленного комиссионером отчета,—но все же устанавливаемый ст. 13-ой двухнедельный срок является слишком коротким, так как у препоручителя может не быть возможности в столь короткий срок собрать сведения, необходимые для суждения о правильности или неправильности данных в отчете сведений, указанных комиссионером продажных цен и пр. Представлялось бы необходимым срок удлинить до 4 недель.

III. Что касается прав комиссионера, то, первым делом, ему принадлежит право на получение вознаграждения, при чем проект предоставляет ему право на получение вознаграждения только в случае исполнения поручения; в случае же, если поручение неисполнено по независящим от комиссионера причинам, то он имеет право на получение части комиссионного вознаграждения, а также на возмещение сделанных им расходов (ст. 14). С таким правилом ст. 14 согласиться нельзя; если комиссионером сделано все необходимое для исполнения поручения и таковое не было исполнено по обстоятельствам, находящимся вне зависимости от комиссионера, то он должен получить все обусловленное вознаграждение; хотя препоручитель платит комиссионное вознаграждение преимущественно за результаты исполнения поручения, а не за труды комиссионера, все же необходимо оплатить понесенный комиссионером в указанном случае труд. Кроме того, едва ли будет справедливо оплачивать только часть вознаграждения комиссионера, если поручение не исполнено по вине самого препоручителя; да и самое определение проекта „право на получение *части* комиссионного вознаграждения" является слишком неопределенным.

Проект ничего не говорит о праве комиссионера требовать от препоручителя вознаграждения за пользование складами комиссионера или его перевозочными средствами, каковое право признается и иностранными законодательствами (§ 396 Герм. торг. ул., § 371 Австр. торг. ул., § 377 Венгерс. торг. ул.) и 2090 ст. проекта Гр. Улож. 1905 г. Только в ст. 12 проекта имеется указание на обязанность препоручителя, при его распоряжениях товаром, которого не мог продать комиссионер по назначенной препоручителем цене, отвечать перед комиссионером за все убытки, а также возместить ему все расходы, понесенные в интересах препоручителя, как то: расходы по перевозке, упаковке, очистке от пошлин, хранению и т. д. Отсутствие такого указания в ст. 14 мы считаем пробелом, подлежащим восполнению, ибо в противном случае самый размер комиссионного вознаграждения, часть которого пойдет на покрытие этих расходов, значительно уменьшится.

Ст. 17 предоставляет комиссионеру право зачесть свои денежные требования к препоручителю всеми поступающими к нему за счет препоручителя суммами. Правило это должно, повидимому, заменить устанавливаемое иностранными законодательствами, проектом Гр. Уложения и дореволюционным законом 1910 г. *залоговое право* комиссионера. Но это право зачета никаких преимуществ ему не дает, вызывая в то же время целый ряд вопросов, объясняющихся неразработанностью в нашем праве вопроса о зачете [1]). Для предоставления комиссионеру такого права зачета, совершенно не разработанного, достаточно было сослаться на 129 ст. ГК. Правило ст. 17

---

[1]) Подробно о зачете по ГК см. нашу статью в журнале „Рабочий Суд" за 1924 г. № 13—14, стр. 35—50.

совершенно не обеспечивает интересов комиссионера, ибо стоит только кому-либо из лиц или учреждений, имеющих по ст. 101 ГК и 266 ст. ГПК право преимущественного удовлетворения, обратить взыскание на находящиеся у комиссионера товары или деньги препоручителя, чтобы комиссионер лишился предоставленного ему права зачета. Далее, зачет может быть осуществлен при условии наступления срока по предъявляемому к зачету требованию; допустим, что комиссионером понесены расходы в интересах препоручителя; до окончательного выполнения поручения комиссионер права на получение комиссионного вознаграждения не имеет и зачета произвести не может; и, если на товары обращены взыскания кредиторами препоручителя, то комиссионер, понесший труд по исполнению поручения, имеющий право на вознаграждение, зачета произвести не может, и вынужден обратиться в суд с иском к препоручителю. Кроме того, зачет допустим только при бесспорности предъявляемого к зачету требования; стоит только препоручителю заявить возражение против предъявляемого комиссионером к зачету требования, чтобы комиссионер лишился права зачета. Всех этих неудобств можно было бы избегнуть путем установления залогового права комиссионера на получение причитающихся ему сумм по комиссионному вознаграждению и расходам и включения прав комиссионеров в 101 ст. ГК в очередь после госорганов.

Далее, комиссионеру принадлежит право приобрести для себя или поставить препоручителю товары, если комиссионеру дано поручение продать или приобрести товары, имеющие биржевую или рыночную ценность; по ст. 10 проекта для совершения комиссионером таких сделок требуется соблюдение двух условий: 1) отсутствие противных распоряжений препоручителя; 2) определение по этим сделкам цен, какие будут существовать в день отсылки препоручителю извещения о приобретении или поставке им товара. Такое правило весьма целесообразно; единственный пробел, какой имеется в ст. 10,— отсутствие указания на то, что при принятии комиссионером на себя исполнения сделки с препоручителем за ним сохраняется право на получение комиссионного вознаграждения. Это последнее правило о сохранении за комиссионером права на вознаграждение принято некоторыми иностранными законодательствами, проектом Гр. Улож. и законом 1910 г., и является весьма справедливым, ибо комиссионер не должен лишаться того, что препоручитель должен был бы уплатить ему при совершении сделки с третьим лицом, раз интересы препоручителя от этого не страдают; кроме того, введение такого правила желательно во избежание злоупотреблений; желая получить вознаграждение, комиссионер будет совершать сделки на имя подставных лиц, что совсем нежелательно.

Из содержания 10 ст. проект делает соответствующий вывод, что, если комиссионер, уведомляя препоручителя об исполнении поручения, не назовет лица, с которым сделка заключена, то препоручитель имеет право считать самого комиссионера вступившим в сделку. Таким образом, проект заставляет комиссионера обязательно сообщать препоручителю, с кем совершена сделка, возлагая в противном случае на комиссионера обязанность исполнить сделку, как если бы комиссионер был сам контрагентом-покупателем или продавцом.

В случае исполнения комиссионером поручения в соответствии с указаниями препоручителя, комиссионер никакой ответственности за исполнение договора третьим лицом-контрагентом не несет, если

не принял на себя ручательства перед препоручителем (del credere) [1]); в случае же принятия на себя такого поручительства, комиссионер обязан доставить препоручителю все, что тому следует по неисполненному третьим лицом договору, при чем получает за это ручательство с препоручителя особое вознаграждение (ст. 11).

IV. Что касается обязанностей препоручителя, то об одной обязанности-принять на себя последствия правильно исполненного комиссионером поручения мы уже говорили; по ст. 12 неисполнение этой обязанности влечет за собой ответственность препоручителя перед комиссионером за понесенные последним от сего убытки, а также обязанность уплатить комиссионеру вознаграждение в обусловленном или принятом в местном биржевом обороте размере (14 ст.). Право собственности на находящиеся в распоряжении комиссионера товары как присланные ему препоручителем для продажи, так и купленные им для последнего, принадлежат препоручителю (ст. 15). Это правило—логическое последствие совершения комиссионером сделок хотя и от своего имени, но за счет препоручителя; последствием этого, как мы уже видели, является и право препоручителя по ст. 16 требовать уступки ему комиссионером требований к третьим лицам. Права препоручителя сохраняются также при несостоятельности комиссионера, и в этом случае препоручителю принадлежит право на получение как принадлежащего ему имущества, так и требований на третьих лиц или же денег по этим требованиям без поступления этого имущества в ликвидационную массу комиссионера.

V. Проектом предусмотрено только два случая прекращения договора комиссии: в случае смерти комиссионера или лишения его правоспособности: но, согласно ст. 20, правило о прекращении договора комиссии не применяется, если правопреемники или представители комиссионера продолжают ведение его торгового предприятия; в таком случае договор комиссии продолжается до тех пор, пока препоручитель не даст надлежащих указаний. В случае же смерти препоручителя или лишения его правоспособности, договор комиссии продолжается до получения комиссионером указаний от правопреемников и представителей препоручителя (ст. 19).

Вследствие отсутствия указания на другие случаи прекращения договора комиссии, а также отсутствия указания на применение к этим договорам правил о договорах поручения,—непонятным является, служит ли основанием для прекращения договора комиссии: а) отмена препоручителем данного им поручения, или же он от такового отказаться не может; б) объявление препоручителя или комиссионера недееспособным (душевно-больным, расточителем) или несостоятельным; в) отказ комиссионера от исполнения данного ему поручения или от договора комиссии.

VI. Необходимо, кроме изложенного, отметить отсутствие в проекте указаний по следующим вопросам: а) в праве ли комиссионер отказаться от данного ему поручения, каковы его обязанности в таком случае в отношении препоручителя и несет ли он какую-нибудь ответственность перед препоручителем? б) Проект ничего не говорит о сроке договора комиссии. В праве ли препоручитель в таком случае отказаться в любой момент от договора комиссии и каковы последствия этого? в) Обязан ли комиссионер исполнить договор лично или

---

[1]) Собственно говоря, del credere называется не ручательство комиссионера, как принято называть, а получаемое комиссионером вознаграждение за это ручательство.

в праве передоверить исполнение поручения другому лицу? Хотя договор комиссии является договором личным, но могут быть обстоятельства, заставляющие комиссионера передать исполнение поручения другому лицу, напр., комиссионер заболел и боится, что промедление в продаже портящегося товара или в покупке возрастающего в цене товара повлечет за собой убытки для препоручителя и, в целях охраны интересов последнего, он поручает исполнение поручения другому лицу.

Если бы в проекте было установлено, что вопросы, не предусмотренные законом о договоре комиссии, регулируются законами о поручении, тогда бы все сомнения отпали.

По ст. 22 комиссионеры могут обслуживать госучреждения при условии заключения типовых договоров, выработанных Наркомвнуторгом. Следовательно, никаких условий для обслуживания комиссионерами госучреждений, кроме условий проекта, выполнять не приходится. Между тем, в проекте Наркомвнуторга постановления „о частном посредничестве при совершении сделок государственными торговыми и промышленными предприятиями“ устанавливается, что частное посредничество по торговым сделкам между госпредприятиями допускается только на основах рассмотренного нами выше проекта положения о договоре комиссии и при непременном условии, что в договор, предусмотренный ст. 22, будет внесена оговорка об обязанности комиссионера обслуживать *исключительно данное* госпредприятие. Ныне действующие постановления СНК РСФСР от 2 января 1923 г. такого прикрепления комиссионера (комиссионного предприятия) к госпредприятию *не знают*.

Таким образом, рассмотрение проекта Наркомвнуторга показывает, что прежде, чем стать законодательным актом, удовлетворяющим нужды все расширяющейся хозяйственной жизни, он нуждается в переработке.

Л. И. Фишман.

Отличительные признаки трудового договора [1]).

Какие же факты при анализе отношений между контрагентами по договорам о труде могут служить указанием существования тех „невидимых нитей“, о которых говорит Маркс?

1) Лицо, обязующееся к труду для другого „по найму“, превращается в *служебное звено* в предприятии или в хозяйстве нанимателя. Вступая в хозяйственную сферу своего хозяина, оно попадает не только в экономическую, но и в личную зависимость от последнего. При трудовом договоре рабочий предоставляет в распоряжение патрона свою активность и знание своего ремесла; хозяин дает приказания и решает, какое применение сделать из работы нанявшегося. *Техническая несамостоятельность* трудящегося—непременная составная часть трудового отношения. Она является прямым и неизбежным последствием того, что его обязанности по договору определены лишь в общих чертах, *родовыми* признаками. Трудящийся знает, какого *характера* работу он должен производить, но действительно лежащая на нем повседневная работа определяется конкретизирую-

[1]) См. журн. „Право и Жизнь“, 1926 г., № 1.

щей волей нанимателя [1]). Наоборот, лицо, обязующееся к выполнению какой-либо работы в качестве самостоятельного предпринимателя, относительно свободно в выборе времени, места, а также ближайших подробностей исполнения. Как бы ни была конкретизирована работа, как бы детально ни были обусловлены договором требования заказчика о сроке окончания работы, о способах ее исполнения, у выполняющего остается еще довольно значительная область для личного самоопределения. Швея, принимающая работу по изготовлению определенного количества белья на дому у заказчицы, выполняет работу по указаниям последней. Ее техническая несамостоятельность совпадает с родовым характером обещанных ею услуг и подтверждает их родовой характер. Швея, принимающая заказ на изготовление белья в своей мастерской или у себя на дому—может быть связана сроком исполнения заказа и требованиями заказчицы о качестве и виде работы, но она остается самостоятельной в распоряжении временем работы и порядком таковой, и ее самостоятельность совпадает с индивидуально определенным характером ее труда.

2) Зависимость трудящегося „по найму" выражается обычно в том, что он становится составным элементом предприятия или хозяйства, покупателя его рабочей силы. Если обусловленная по договору работа в хозяйстве нанимателя, составляя единственный или главный источник существования трудящегося, поглощает всю или значительную часть его рабочей силы, то мы, конечно, имеем дело с трудом зависимым или служебным [2]).

Не всякое поглощение рабочей силы трудящегося, однако, является фактом, свидетельствующим о трудовом договоре, а лишь поглощение ее *„в хозяйстве"* нанимателя, то-есть, другими словами, признак этот имеет значение лишь в связи с установленным выше признаком обещания услуг родового характера. Индивидуально определенная работа, обещанная по договору, может тоже поглощать время исполняющего работу (строительный подряд), но это обстоятельство не делает подрядчика „служащим по найму".

3) Превращение исполнителя работы в служебное звено предприятия или хозяйства его контрагента происходит чаще всего вследствие того, что работодатель обладает теми *средствами труда*, которыми не располагает сам трудящийся. Этот факт имеет решающее значение, так как именно из него вытекает резкая противоположность между капиталистом и рабочим.

Однако, обладание отдельными и, в особенности, простыми орудиями труда (наличие собственных лопат у наемного огородника, собственных бритв и машинок для стрижки у мастера в парикмахерской, собственной пишущей машины у конторской машинистки) не лишает само по себе трудящегося качеств наемного рабочего или служащего [3]). Оно указывает на наличие предпринимательского, а не служебного труда только в том случае, если обладатель таких орудий труда обязуется к *индивидуально определенной* работе. Сле-

---

[1]) H. Hoeniger в цит. труде; P. Cuche, Du rapport de dépendance, élément constitutif du contrat de travail (Revue critique de législation et de jurisprudence. 1913 г. стр. 426).

[2]) Составители законопроекта Временного Правительства о трудовом договоре совершенно справедливо подчеркивали, что трудовыми не признаются „договоры, которыми обещаются услуги, не поглощающие всей или большей части хозяйственной деятельности трудящегося". (Текст законопроекта напечатан полностью в кн. Л. С. Таля „Очерки Промышл. Рабочего Права" М. 1918 г. стр. 179—195).

[3]) Этот случай предусмотрен Код. Зак. о Труде в ст. 85.

сарь, изготовляющий замок для заказчика собственным инструментом является самостоятельным предпринимателем.

С другой стороны, отсутствие у трудящегося орудий производства, вне связи с родовым характером исполняемой им работы, само по себе не служит доказательством наличия трудового отношения. Тот же слесарь, изготовляющий или исправляющий замок при помощи инструментов, принадлежащих заказчику, остается самостоятельным предпринимателем [1]). Он—не рабочий, потому что предмет его обязательства — выполнение индивидуально определенной работы, имеющей случайный, разовый характер. Наоборот, крестьянин, обязующийся на своей лошади подвозить лес к месту сплава [2]) (родовая работа), должен рассматриваться как служащий по найму [3]).

4) Вступление трудящегося в хозяйственную сферу того лица, которому он отдает свой труд, не связано с определенным *способом вознаграждения*. Вопреки утверждению Лотмара, возведшего таковое в особую теорию, вознаграждение, обусловленное по трудовому договору, может определяться как временем, так и сдельно. Тот или иной способ оплаты труда не является характеристическим признаком, разграничивающим области предпринимательского и служебного труда. Наемный труд мирится с обоими указанными формами вознаграждения. Но с другой стороны предпринимательский труд почти никогда не вознаграждается по времени, затраченному на работу. Поэтому вместе с другими фактами и вознаграждение труда по времени может подтвердить в сомнительных случаях родовой, а вместе с тем и зависимый характер обещанного по договору труда.

5) Вступление трудящегося в хозяйственную сферу нанимателя обычно предполагает известную *длительность* отношения. Только в длительном и постоянном отношении получает свое выражение экономическая зависимость рабочего и служащего от хозяина. Лицо, обязующееся к выполнению работы разовой или случайной (уборка квартиры, сноска и распилка дров), не связывается организационно с хозяйством, для которого исполняется работа. Обещание индивидуально-определенных услуг совпадает с отсутствием экономической зависимости трудящегося от лица, приглашающего его для выполнения работы: кто зависит от всех, тот не зависит ни от кого. Длительность отношения свидетельствует о трудовом характере такового тоже лишь при исполнении работы, определяемой по роду. Поэтому продолжительность работы не делает рабочим или служащим строителя, обязавшегося к возведению постройки, и, наоборот, подчеркивает трудовой характер договора с каменщиками, выполняющими при той же постройке работы, определяемые родовыми признаками.

6) Наличие *дисциплинарной власти* у предпринимателя не является непременным отличительным признаком трудового отношения. В условиях Советского хозяйства о дисциплинарной власти частного предпринимателя говорить вообще не приходится, а такая же власть руководителей государственных предприятий—весьма ограничена. Где, однако, такая власть допущена законом и проявляется, она в достаточной мере доказывает несамостоятельность и личную зависимость трудящегося.

---

[1]) Противоположное, по нашему мнению, совершенно неправильное, утверждение у П. Каминской „Советское Трудовое Право". Харьков, 1925 г. стр. 89.

[2]) Пример, почему-то особенно смущающий Варшавского.

[3]) Конечно, если он при этом не эксплоатирует чужого труда. Ср. Разъясн. Отдела Законод. Предпол. в Еженедельн. Советск. Юстиции 1925 г. № 19.

Так при помощи, с одной стороны формально-юридического различия между обещанием труда, определяемого индивидуальными или родовыми признаками [1]), а, с другой стороны—установления в процессе анализа договорного отношения наличия „контрольных“ фактов, определяется в каждом данном случае служебный или предпринимательский характер труда, затрачиваемого одним лицом для другого.

Все сказанное выше относится к *предмету* трудового договора. Поскольку таковым признан исключительно труд *зависимый*, из сферы договорных трудовых отношений исключается вся область предпринимательской деятельности лиц, самостоятельно эксплоатирующих свой труд: подрядчиков, поверенных, комиссионеров, маклеров, хранителей, лиц „свободных профессий“, ремесленников и т. п. [2]).

Из последних особую группу образуют, так называемые, „квартирники“. По своему экономическому положению эта категория „самостоятельных“ ремесленников находится в такой же зависимости от других предпринимателей, как и наемные рабочие. Производя работу у себя на дому, квартирник обычно обслуживает только одного или нескольких предпринимателей, обязываясь к выполнению по их требованию работ определенного рода (к труду, определяемому *родовыми* признаками) и лишая себя права на обслуживание клиентуры „с улицы“. Несмотря на то, что квартирники обладают собственными орудиями производства и некоторой долей технической самостоятельности, они состоят почти в полной экономической и личной зависимости от своих заказчиков, которые становятся по отношению к ним хозяевами. Эта зависимость, ставящая квартирника в положение, аналогичное положению рабочего, побуждает законодателя распространить на него защиту, предоставляемую законодательством о труде наемному рабочему [3]). Этой защитой не пользуется обыкновенный ремесленник-кустарь, хотя и не эксплоатирующий чужого труда, но обслуживающий неопределенное число лиц (заказчиков) выполнением отдельных индивидуально-определенных работ [4]).

---

[1]) Для правильного усвоения различия между трудом, определяемым родовыми признаками, и индивидуально определенным необходимо помнить, что обязанность изготовления определенного п р е д м е т а не всегда указывает на наличие обещания индивидуально-определенного т р у д а. Монтеру может быть поручена сборка определенной машины, а труд его по выполнению этого задания может быть родовым: исполнение по чужим указаниям в с е х в о о б щ е действий, в каких встретится надобность при сборке.

[2]) Законодательство о труде капиталистических государств исключает из области договорных трудовых отношений соглашения о труде, заключаемые с г о с у д а р с т в е н н ы м и ч и н о в н и к а м и, по тому выражению, что обязанности государственных служащих покоятся будто бы не на частно-правовом договоре, а на публично-правовом отношении (см. Hueck. Handbuch d. Arbeitsrecht, B. I, стр. 24). Действительное основание такого изъятия заключается в стремлении не допускать объединений государственных служащих и конфликтов их с государственной властью (подробное изложение вопроса—в книге E. Wanderwelde, Socialisme contre l'Etat, 1919 г.). Советское законодательство о труде, в частности правила о трудовом договоре, распространяется на в с е категории наемного труда (ст. 1 Код. Зак. о Труде), в том числе и на государственных служащих.

[3]) Код. Зак. о Труде распространяется лишь на „квартирников“, „вырабатывающих изделия, предназначенные нанимателем для продажи“ и не распространяется на квартирников, берущих на дом заказы, „предназначенные исключительно для удовлетворения личных нужд заказчика или членов его семьи“. (Постановл. СНК от 2 июля 1923 г.).

[4]) По тому же основанию могут быть подведены под действие законов о труде и другие группы самостоятельных тружеников (напр., члены артелей ответственного труда). Но это может явиться результатом лишь специальных велений и нисколько не опорачивает правильности деления труда на предпринимательский и служебный. (Ср. К. Варшавский. Трудовое Право СССР, стр. 48, прим. 2).

Предмет трудового договора—зависимый труд. Для сущности этого договора совершенно безразлично, каков род обещаемой работы, т. е. идет ли речь при заключении соглашения между сторонами о труде промышленном, торговом, сельско-хозяйственном или каком-либо ином. В частности безразлично, обязуется ли трудящийся к производству работы физической или умственной, также лишено значения место исполнения работы.

Наоборот, существенное значение для договорного трудового отношения имеет *возмездность* труда. Этот признак отделяет трудовой договор как от области внедоговорного представления труда, так и от договоров о труде безвозмездном. Работа, выполняемая лицами, отбывающими наказание в местах заключения или выполняющими определенный курс лечения в санаториях, не может быть подведена под действие правил, регулирующих отношения сторон по трудовому договору, как не может быть подчинена этим правилам и работа членов семьи в домашнем их хозяйстве [1]) или работа, производимая гражданами в порядке выполнения общественной повинности. Область договоров о безвозмездном труде чрезвычайно ограничена. Она вся исчерпывается отношениями, возникающими на основах дружеских и случайных услуг (поручение, ведение дел без поручения, дарение в виде исполнения какой-либо работы и т. п.) Договоры же, признаваемые трудовыми, не могут быть безвозмездными. Это совершенно понятно, так как именно в заработной плате, составляющей источник существования трудящегося, заключена основа экономической зависимости его от нанимателя. Из этого же следует, что возмездность является не отличительным признаком, а *последствием* трудового договора. Если анализ данного договорного отношения приводит к выводу, что это отношение покоится на трудовом договоре, то возмездность обещанного по договору труда вытекает из квалификации договора как трудового. Соглашение о безвозмездности таких услуг—просто недействительно. Таков подлинный, логический смысл определения трудового договора в Код. Зак. о Труде: „Трудовой договор есть соглашение двух или более лиц, по которому одна сторона (нанимающийся) предоставляет свою рабочую силу другой стороне (нанимателю) *за вознаграждение*". Истолкование этого определения по грамматическому его смыслу, возводящему вознаграждаемость труда в отличительный признак трудового договора, противоречило бы целям и содержанию правил закона об оплате труда (обязательный госминимум и пр.). Чтобы разрешить вопрос о том, подлежит ли труд в данном отдельном случае вознаграждению или нет, необходимо предварительно установить тип заключенного договора, и в случае признания такового договором, напр., поручения — считать труд безвозмездным (если не обусловлено вознаграждение—ст. 251 Гр. Код.), а в случае признания его трудовым договором—считать труд возмездным (даже при наличии соглашения сторон о безвозмездности [2]).

Другое последствие отнесения договора к числу трудовых, также признаваемое традиционным учением отличительным признаком трудового договора, заключается в том, что *риск*, связанный с исполнением работы, при трудовом договорном отношении лежит на

---

[1]) Работа членов семьи может иметь в своем основании и договор. В этом случае применяются правила о трудовом договоре.

[2]) Возмездность не может быть отличительным признаком трудового договора уж по одному тому, что и большая часть предпринимательских договоров о труде (подряд, договоры посредничества) сопровождаются условием о вознаграждении.

нанимателе, а не на трудящемся. Это последствие логически вытекает из факта зависимости труда, затрачиваемого во исполнение трудового договора. Момент риска в качестве критерия для отделения одного из видов договоров о *предпринимательском* труде от соглашения о труде *служебном* выдвигает Гражданский Кодекс в определении договора *подряда* (ст. 220): „По договору подряда одна сторона (подрядчик) обязуется *за свой риск* выполнить определенную работу по заданию другой стороны (заказчика), последняя же обязуется дать вознаграждение за выполнение задания". Указание на носителя риска, как на обстоятельство, определяющее отнесение договора к тому или иному типу—несостоятельно, так как для того, чтобы найти настоящего носителя риска, необходимо *предварительно* знать, с каким типом договора мы имеем дело. Если речь идет о договоре подряда, мы скажем, что риск, по общему правилу, несет подрядчик, если же—о трудовом договоре, мы признаем носителем риска нанимателя.

Отличительный признак всякого договора, отмежевывающий его от других договоров, заключается всегда в *предмете* соглашения. Предметом *трудового* договора является *предоставление* одною из договаривающихся сторон (нанимающимся) своей *рабочей силы* другой стороне (нанимателю). В капиталистическом отношении такое предоставление рабочей силы происходит в форме зависимого, *наемного* труда, в форме, предполагающей включение нанимающегося в качестве служебного звена в сферу хозяйства или предприятия нанимателя [1]). Следовательно, предметом трудового договора является труд зависимый, или служебный [2]). Выражением зависимости труда является тот факт, что как самая работа, так и ее выполнение определяются волею не трудящегося, а его хозяина. Такое направление труда, выполняемого по договору, чужою волею имеет место всюду, где договором обусловливается только *род* работы. Родовой характер обещаемых по договору услуг и конкретизация работы волею нанимателя—два взаимно обусловливающих одно другое предположения трудового договора. Отсюда ясно, что „предоставление рабочей силы" выражается в обязательстве нанимающегося исполнять работу определенного рода *по указаниям нанимателя*.

Предоставление рабочей силы, вынуждаемое силой обстоятельств, не позволяющих трудящемуся самостоятельно использовать совокупность своих физических или умственных способностей, создает определенную обстановку, в которой происходит „потребление рабочей силы" ее покупателем. Условия, характерные для этой обстановки и отмеченные выше в качестве контрольных признаков трудового договорного отношения, дают возможность установить наличие такового там, где способ обещания труда не поддается распознанию, где связь между нанимателем и нанявшимся скреплена „невидимыми нитями".

Илья Шерешевский.

---

[1]) Несостоятельность отделения подряда от трудового договора по признакам обещания результата труда (подряд), либо просто труда (труд. договор)—показана германским юристом Рюмелином в его известной работе (Dienstvertrag und Werkvertrag) и обнаруживается хотя бы в том факте, что обещание результата труда заключено часто в типических трудовых договорах.

[2]) „Капиталистическая эпоха характеризуется... тем, что рабочая сила приобретает для самого рабочего форму принадлежащего ему товара, а труд его, следовательно, форму наемного труда" (К. Маркс. Капитал, т. I, СПБ. 1899, стр. 120).

Понятие страхового договора в Советском праве.

Несмотря на громадную литературу, посвященную выяснению понятия страхового договора [1]), среди исследователей этого вопроса единодушие далеко не достигнуто.

Спорят о том, можно ли говорить о едином понятии страхового договора, или надо различать два самостоятельных страховых договора—договор страхования имущества и договор страхования лица, и можно ли вообще считать страхование лица подлинным страхованием.

Спорят также о том, что является характерными признаками страхового договора (его цель, характер события, предусмотренного договором, необходимость заключения договора с планомерно организованным крупным предприятием и др.).

Как совершенно правильно отметил еще *Геккер* [2]), нет ничего ошибочнее при определении понятия страхового договора, как исходить из альтернативы: или исключать из области страховых договоров все сделки хозяйственной предусмотрительности и заботы о будущем (договоры страхования жизни), или насильственно подводить их под договоры страхования убытков. Тем не менее, и та и другая ошибка в литературе страхового права делались очень часто.

Существовало научное течение, и довольно сильно представленное (*Тель, Лаванд* и др.), которое признавало подлинными договорами страхования только договоры страхования имущества, в страховании же лица это научное течение вообще не видело договора страхования, а только разновидность займа, мены, товарищества, сбережения и т. п. [3]).

Противоположный этому научному течению взгляд усматривал в страховании лица вид страхования имущества. Сторонники этого последнего взгляда (*Левис, Гольдшмидт,* ранее *Эренберг* и др.) [4]) учили, что договор страхования лица в сущности также имеет целью возмещение убытков, как и договор страхования имущества. Между этими видами страхования есть, конечно, некоторая разница, но в общем и целом, оба эти вида страхования преследуют одну цель—возместить страхователю тот ущерб, который он понесет от предусмотренного в договоре события. В последнее время этот взгляд получил поддержку у *Вольфа* [5]), утверждающего, что страхование во всех своих проявлениях имеет целью возмещение вреда: отличие страхования имущества от страхования лица заключается только в том, что при страховании имущества возмещается индивидуальный конкретный вред, при страховании же лица происходит возмещение

---

[1]) Указания литературы у Hupka, Zeitschr. f. H. R. B. 66, S. 546. В позднейшей литературе—M. Wolf, Holzendorff's' Enz. B. II, s. 418, I. Gierke, Z. f. H. R., B. 86, S. 146 flg.

[2]) Hecker, Zut Lehre v. d. rechtlichen Natur d. Versicherungs Verträge, 1892. Цитирую по А. Г. Гойхбаргу, „Единое понятие страхового договора", Право, 1914 г., № 10, стр. 761; также В. Идельсон, Записки Харьк. Ун-та, 1903 г., № 1, стр. 14.

[3]) Гергард в Комм. Manes'a, стр. 10.

[4]) В русской литературе—Идельсон, Зап. Харьк. Ун-та, 1903 г., № 1.

[5]) M. Wolff, там же, стр. 419. В несколько смягченном виде этот взгляд проводится Гергардом, в Комм. Manes'a, стр. 9, и Stefinger'ом в Versicherung u. Gesellschaft, стр. 5.

убытков таким же порядком, как и при уплате договорной неустойки, [1]) т.-е., размер возможных убытков фиксируется вперед из расчета средней типичной величины возможного вреда.

Дать объяснение происхождению указанных теорий нетрудно. Страхование жизни возникло значительно позже страхования имущества. В известные периоды времени, благодаря различного рода злоупотреблениям со стороны страхователей, заинтересованных в ускорении наступления смерти застрахованных в их пользу лиц, оно даже воспрещалось законодательством [2]).

Естественно, что сначала юридическая мысль пугливо отталкивала от себя развивающееся страхование жизни, пытаясь отнести его к другим, ей привычным правовым явлениям—договору займа, мены, товарищества и т. д. Когда же рост быстро развивающегося института, и при том института несомненно обладавшего свойствами, сближавшими его с договором страхования имущества, стал резко бросаться в глаза, теория, идя по линии наименьшего сопротивления, попыталась причислить страхование жизни к уже исследованному явлению,—договору страхования имущества [3]). Таким путем, исторический приоритет страхования убытков, основанный на том обстоятельстве, что ранее других развившиеся виды страхований—морское страхование и страхование от огня—носили характер страхования от убытков, был возведен в логическую сущность института [4]).

В дальнейшем, развитие учения о страховом договоре пошло, однако, по пути логически совершенно правильному. Вместо попыток к априорному подведению нового явления под старые, сложившиеся правовые формы, последующие устремления направились к установлению понятия страхового договора по методу выяснения признаков, общих всем видам страхования и установления на основании этих найденных признаков понятия договора страхования.

Юридический анализ страхования имущества и лица обнаружил между ними ряд существенных отличий. Прежде всего было отмечено, что страхование имущества строится всегда на наличности убытков, страхование же лица—только на возможности их [5]). Поэтому, при страховании имущества ответственность страховщика наступает только тогда, когда имущество страхователя потерпело действительный ущерб. Отсюда была выведена цепь последствий, характерных для договора имущественного страхования: что страховая сумма не может превышать размера убытков [6]), что в случае застрахования имущества выше стоимости договор признается действительным только в пределах суммы возможных убытков страхователя—его страхового интереса [7]) и т. д. Напротив, при страховании лица, страховщик обязывается к уплате страхового вознаграждения совершенно независимо от того, понес ли страхователь или выгодоприобретатель какой-нибудь материальный ущерб от наступления предусмотренного в договоре события или не понес (напр., сын, в пользу которого был

---

[1]) См. ст. 141 Гр. Код.

[2]) Ordonnance de la marine 1681 г.; знаменитый английский закон 1774 г. под названием „Gambling act“ (закон об игре) допустил страхование жизни другого лица только при наличии имущественного интереса со стороны страхователя в продолжении жизни застрахованного лица, см. Pitman's Laws, p. 256. 1914 г.

[3]) Старое законодательство (Прусск. Земск. Уложение) expressis verbis отожествляло оба вида страхования со страхованием убытков (§ 1934, 1968 A. L. R. II, 8).

[4]) А. Г. Гойхбарг, там же, стр. 761.

[5]) Шершеневич. Курс Торг. Права, II, стр. 443.

[6]) См. ст. 368 Г. К.

[7]) См. ст. 369 Г. К.

застрахован его отец на случай своей смерти, если до своей смерти отец находился у сына на иждивении). Указанное различие, как обнаружилось, влечет за собой и различный объем ответственности страховщика. В отличие от ответственности страховщика в имущественном страховании, отвечающего, как было указано выше, только в пределах действительно понесенного ущерба, по договору страхования лица страховщик отвечает в размерах той суммы, которая была выговорена при заключении договора страхования, хотя бы страхователь и не понес никаких убытков.

Приведенные здесь различия между договором страхования имущества и лица казались некоторым исследователям столь значительными, что заставили их прийти к убеждению о существовании двух совершенно самостоятельных договоров—договора страхования имущества и договора страхования лица [1]).

Критерий „убытков", таким образом, не смог лечь в основание понятия, объединяющего все виды страхования. Но если критерий убытков оказался в качестве такого объединяющего признака непригодным, то, тем не менее, это обстоятельство не охладило попыток к разысканию какого-либо другого объединяющего начала [2]).

Попытки к нахождению такого общего начала делались различными авторами.

Некоторые (*Виванте*, теперь *Эренберг* и др.) [3]) видят типичный элемент страхового договора в заключении его с планомерно организованным страховым предприятием. С точки зрения этих авторов, договор страхования может приводить к желательным результатам только тогда, когда он заключен со страховым предприятием—организацией, собирающей со страхователей взносы—премии и из собранного из этих премий фонда, производящей выплаты страхового вознаграждения. Отдельные страховые сделки могут быть допущены только в качестве исключения (в морском страховании).

Другие писатели (*Козак, Вольф*) [4]) усматривают общий элемент не в признаке заключения договора с планомерно организованным предприятием, а в соразмерности уплачиваемой страхователем премии, вероятности наступления предусмотренного договором события.

Третьи (*Колер, Киш*) [5])—видят общее начало в принятии на себя страховщиком риска (Gefahrübernahme).

Четвертые (*Гупка*) [6]) пытаются найти признак, присущий всем договорам страхования, в той цели, которую преследуют все страхователи, а именно, в стремлении к достижению общего обеспечения от возможного вреда и недостатка (zum Zweck der sicheren Deckung eines künftigen Bedarfs).

---

[1]) Planiol, Traité, II, p 673, Шершеневич, там же, стр. 444; см. также Синайский, Гр. Право, II, стр. 134. Указанное различие нашло свое отражение и в некоторых законодательствах, проводящих деление страхования на—страхование убытков и страхование известной суммы денег (Schaden- und Summen-Versicherung § 1 Герм. Закона 1908 г.).

[2]) Вышеотмеченная попытка Вольфа заменить понятие индивидуального вреда понятием вреда среднего, типичного—нисколько не разрешает, по нашему мнению, проблемы. Факт полного отсутствия убытков, при безусловной ответственности страховщика,—явление несомненно иногда встречающееся при страховании лица.

[3]) Vivante, Z. f. H. R., B. 39. Ehrenberg, Versicherungslexicon, S. 1380.

[4]) Cosack, Lehrbuch d. H. R., § 181; M. Wolf там же, стр. 420.

[5]) Kohler in Dernburg's Bürg. R. B. 6; Kisch, Handbuch d. Privatsversicherungsrechts, II, 87.

[6]) Hupka, Z. f. H. R. B. 66.

Попытка к разрешению рассматриваемой проблемы была в свое время сделана и *А. Г. Гойхбаргом* [1]).

Подвергая детальному анализу различные теории, посвященные вопросу о понятии страхового договора, и, в особенности, теории юристов—*Виванте и Гупки,* а из экономистов — *Гобби, А. Г. Гойхбарг* пришел к следующим выводам.

Соглашаясь с *Виванте* в том, что существенным элементом страхового договора является заключение его с планомерно организованным крупным предприятием, *А. Г. Гойхбарг* находил наличие этого существенного элемента все же недостаточным для конструкции единого договора страхования.

Второй существенный элемент, свойственный всем видам страхования выражается во взимании страховой премии с страхователя, но с тем, чтобы размер этой премии не был произвольным.

Третий существенный элемент страхового договора *А. Г. Гойхбарг,* развивая взгляд *Гобби и Гупки,* видел в идее общего обеспечения, присущей всем видам страхования.

В окончательном итоге *А. Г. Гойхбарг* приходил к установлению единого понятия страхового договора, как договора, по коему одна сторона (страхователь), в целях удовлетворения будущей нужды, получает, на случай наступления известного события или момента времени, за вознаграждение, исчисляемое соразмерно вероятности их наступления (страховую премию), от другой стороны планомерно организованного предприятия (страховщика), обещание совершить действие, исполнение и объем которого зависят от неопределившихся обстоятельств, касающихся имущества или личности самого страхователя или третьего лица.

В новейшее время попытку дать единое понятие страхового договора сделал еще *Ю. Гирке,* определяющий страховой договор, в его типичной форме, как самостоятельный договор, в силу которого одна сторона, действующая по определенному плану, принимает на себя за вознаграждение перед другой стороной обязательство к выполнению действия, состоящего в известном имущественном предоставлении (Vermögensleistung) на случай наступления неизвестного, хозяйственно-вредоносного события. Выполнение действия, состоящего в известном имущественном предоставлении, заключается в возмещении убытков; при страховании лица может быть заключено соглашение о выполнении и другого рода действий [2]).

Приведенный здесь обзор разнообразных попыток к выявлению характерных для всех видов страхования признаков и к установлению родового понятия страхования показывает, что чем более обширный и разнообразный круг исследуемых явлений входит в поле зрения исследователя, и чем более общие признаки приходится ему брать для создания родового понятия, обнимающего эти явления, тем менее ясным и отчетливым делается выведенное им понятие. Поэтому приходится признать совершенно правильным, укрепляющийся в последнее время в рядах теоретиков страхового права, взгляд на нецелесообразность стремлений к установлению общего понятия страхового договора.

„Попытки дать определение страхования оказались бесплодными", говорит Мюллер-Эрцбах, один из позднейших исследователей этого вопроса; „как только описание становится всеобъемляющим, оно де-

---

[1]) А. Г. Гойхбарг. Право, 1914 г., № 10.
[2]) L. Gierke, там же, стр. 161—162.

лается бесцветным и ничего не говорящим" [1]). Правильный метод должен заключаться поэтому не в создании тонких, ажурных юридических понятий, а в установлении прочных характеристик страхового договора, которые позволили бы отличить его от смежных или сходных с ними юридических явлений.

В чем же заключаются характерные признаки страхового договора с точки зрения советского права?

В отличие от германского и швейцарского законов, не дающих определения страхового договора, Гражданский Кодекс определение страхового договора дает. Согласно ст. 367, по договору страхования, одна сторона (страхователь) обязуется уплатить условленный взнос (страховую премию), а другая сторона (страховщик) обязуется в случае наступления предусмотренного в договоре события (страхового случая), при имущественном страховании возместить страхователю или третьему лицу (выгодоприобретателю) понесенные ими убытки в пределах условленной по договору суммы (страховой суммы), при личном же страховании уплатить страховую сумму.

На первый взгляд получается, что Гражд. Кодекс принимает единое понятие страхового договора. Но редакция конца ст. 367 весьма недвусмысленно обнаруживает, что законодатель попросту объединил в одной статье два определения страхового договора: одно—для договора страхования имущества, а другое—для договора страхования лица. В первом случае дело идет о возмещении убытков (Schadenversicherung), во втором же—об уплате установленной в договоре суммы независимо от наличия или размера убытков (Summenversicherung). Приходится, таким образом, сделать вывод, что Гражд. Кодекс не знает общего понятия страхового договора.

Тем не менее отсутствие в ГК единства понятия страхового договора не означает, что советское право не наделяет страхование во всех его видах характерными, только ему присущими, свойствами или признаками.

1) Гражданский Кодекс уделяет страхованию всю XI-ю главу в количестве 32-х статей(ст. ст. 367—398). Из всего этого количества статей только одна статья (398) касается обязательного страхования. Все остальные статьи посвящены страхованию договорному. Это показывает, что уже с чисто внешней стороны ГК придает страховому договору *самостоятельное* значение.

В этой самостоятельности договора страхования лежит ключ к отграничению его от других похожих на него договоров. Поэтому не будет договором страхования договор, в силу которого, например, акционерное общество, вырабатывающеее стекла, принимает на себя ответственность за целость стекол в течение известного срока, т. к. в этом случае обязательство акционерного общества является не самостоятельным, а добавочным к основному договору о продаже стекла. Не будет договором страхования также принятие на себя комиссионером так называемого del credere, т.-е. принятие на себя комиссионером ручательства за исправность своего контрагента, равно как и принятие на себя фрахтовщиком риска за целость груза и др.

2) Договор страхования является договором *двухсторонним* (примеч. к ст. 139 ГК). Одна сторона—страхователь обязывается к уплате известного вознаграждения—страховой премии (ст. 367), а

[1]) Мюллер-Эрцбах, Deutsches Handelsrecht, стр. 658. В том же духе высказывается и Гаген в Ehrenberg's Handbuch VIII, I стр. 10. Германский и швейцарский закон 1908 г. не дают определения страхового договора, следуя правилу римского юриста—Яволена, что „omnis definitio in jure civili periculosa est" (l. 202 D. 50, 17).

другая сторона—страховщик принимает на себя *риск* (Gefahrübernahme), т.-е. ответственность за те последствия, которые могут произойти для имущества или жизни данного лица от наступления предусмотренного в договоре события (страхового случая) [1]).

3) Можно ли страхование считать условной сделкой [2])? Согласно ст. 41 ГК, сделка признается совершенной под отлагательным условием, когда права и обязанности, устанавливаемые сделкой, должны наступать с наступлением условия. По буквальному смыслу ст. 41 ГК получается, что поскольку ответственность страховщика обусловливается наступлением известного события (или срока), страховой договор является условной сделкой. Однако, такой вывод оказался бы неправильным.

Страхование *не является условной* сделкой. Во-первых, основная обязанность, лежащая на страхователе, уплата страховой премии, не находится в зависимости от какого-либо условия или срока; по общему правилу страхователь должен уплатить премию при самом заключении договора страхования, если договором не установлена рассрочка или иные сроки [3]).

Во-вторых, установление страховым договором ответственности страховщика, в зависимости от наступления предусмотренного в договоре события (ст. 367 ГК), также мало походит на условие, как, например, составление завещания, под условием смерти завещателя. Иначе говоря „наступление предусмотренного в договоре события" есть не случайная, добавочная часть страхового договора, а часть необходимая [4]).

4) Необходимым признаком договора страхования является и *неопределенность ответственности* страховщика, ее *рисковый* характер. Страховщик не знает, будет ли он платить, или нет, по крайней мере, не знает время или сумму платежа [5]).

Поэтому, если событие, предусмотренное договором, уже наступило, или стало невозможным, еще до заключения договора, страхов-

---

[1]) Фр. Гр. Код. (§ 1964) включает страховой договор в группу „алеаторных", рисковых договоров. См. также Wahl, Précis de dr. commercial, p. 483. Ст. 367 ГК не указывает прямо, что основная обязанность страховщика заключается в принятии на себя риска, но это вытекает непосредственно из существа самого страхования. Возражения Ю. Гирке, что „о принятии на себя риска можно говорить лишь в переносном смысле (bildlich) т.-к. несение риска не есть выполнение известного действия, а только состояние известной правовой связанности", не убедительны, т.-к. состояние правовой связанности есть нормальное состояние, присущее всякому договору. В данном случае, эта связанность находит свое проявление в принятии на себя страховщиком несения риска, что выражается в обязанности его возместить убытки (при имущественном страховании) или уплатить определенную сумму (при личном страховании), в случае наступления предусмотренного договором события.

[2]) Так думает, например, Шершеневич, Курс Торг. Права, II, стр. 367; Planiol, Traité, II, p. 675; в настоящее время такого же мнения придерживается Е. Мен; Вестн. Госстр. 1923 г., № 7—8, стр. 12.

[3]) Ст. 389 ГК; Прав. добр. страх. от огня § 9; прав. добр. страх. живот. § 8; прав. добр. страх. растит. культур § 5; прав. страх. грузов по морск. (§ 8), речным (§ 7) и сухим (§ 8) путям; прав. страх. судов по морск. (§ 9) и речным (§ 8) путям; прав. страх. на случай смерти, § 5.

[4]) Условный характер страхования решительно отрицает Goldschmidt, Syst. d. H. R. 235. Во французской литературе, относящей с Фр. Гр. Кодексом (§ 1964) договор страхования к числу т. н. „алеаторных" или „рисковых" договоров, отличие договоров страхования от договоров условных проводится весьма отчетливо". „В условном договоре от наступления неизвестного события зависит существование самого договора. При „алеаторном" же договоре существование договора с самого начала не вызывает сомнений; от наступления неизвестного события зависит только, какая из сторон выиграет, и какая потеряет". Colin et Capitant, Cours de dr. civil, II p. 659; 1924.

[5]) Отклонение от начала „неопределенности" при страховании лица в германском праве—см. у Гагена, там же, стр. 17.

щик ответственности не несет (дом сгорел или застрахованное лицо умерло до заключения договора страхования) [1].

Риск несет и страхователь, который, уплачивая премию, не знает твердо, получит ли он или выгодоприобретатель страховое вознаграждение [2].

5) Ответственность страховщика является *ограниченной* размерами страховой суммы, показанной в договоре (ст. 367). При личном страховании страховщик уплачивает ту сумму, которую обещал. При имущественном же страховании страховая сумма, установленная в договоре, играет роль того предела, выше которого страховщик не должен отвечать за понесенный страхователем убыток (стр. 368).

6) Ответственность страховщика является *срочной*. Согласно ст. 378 ГК, в договоре страхования должен быть установлен срок, на который договор заключается, или периоды, к которым приурочивается исчисление страховой премии (страховой период).

7) Событие, в виду которого заключается договор, должно носить *случайный* характер *(страховой случай)*. Правда, мы знаем, что с естественно-научной или философской точки зрения случайностей не бывает, и все происходит по закону причинности, тем не менее, многие события, далеко не случайные, обусловливаемые рядом причин, как, напр., смерть человека, являются случайностью для его родственников, близких, поскольку они не могут точно предвидеть время наступления этого события. Поэтому страховщик не несет ответственности за события, вызванные волей страхователя или выгодоприобретателя, или их грубой небрежностью [3].

8) Договор страхования является сделкой *возмездной* (ст. 367 ГК).

Но можно ли считать характерным для договора страхования, чтобы вознаграждение, уплачиваемое страхователем страховщику (страховая премия), исчислялось математически точно пропорционально вероятности наступления события, предусмотренного договором [4]? На этот вопрос, по нашему мнению, нельзя дать утвердительного ответа по отношению ко всем видам страхования, действующим ныне в СССР.

Установление величины страховых премий при страховании лица происходит действительно почти математически точно, пропорционально возможности наступления события, предусмотренного в договоре страхования.

Но уже при имущественном страховании достижение математической точности вычисления размеров страховых премий представляется делом значительно более трудным. Как общее правило, тариф страховых премий определяется по степени опасности. Но само вычисление возможности этой опасности требует продолжительных предварительных статистических вычислений, что иногда, в особенности для новых видов страхования, оказывается просто невозможным.

Если при страховании от огня высота тарифов премий, в виду достаточного статистического материала, может быть вычислена с относительной приблизительностью к вероятности наступления стра-

---

[1]) Ср. Прав. страхован. судов по морск. (§ 10), речным (§ 9) путям; прав. страх. грузов по сухим путям (§ 9).

[2]) Colin et Capitant, Course de droit civil, II, p. 268, 1924.

[3]) Ст. 393 ГК; ст. 7 пост. ЦИК и СНК СССР от 16/I—25 г. („Известия", № 26 1925 г.).

[4]) Козак, Вольф, Гойхбарг.

ового случая [1]), то уже даже в таком старом виде страхования, как транспортное, установление высоты тарифов оказывается делом статистически далеко не вполне обоснованным [2]). Еще менее научно разработанными являются тарифы страхований скота, посевов от градобитий, а в особенности таких юных отраслей страхования, как, например, гарантийное страхование, введенное постановлением СНК СССР от 16/12 24 г., или авиационных рисков [3]).

Поэтому мы не можем признать, чтобы устанавливаемый некоторыми теоретиками страхового права признак — страховая премия, уплачиваемая страхователем, должна исчисляться строго пропорционально вероятности наступления предусмотренного договором события,—был свойствен страховому договору во всех его видах.

9) Как мы уже отмечали, Гражданский Кодекс, давая в ст. 367 общее определение договора страхования, в действительности проводит резкое различие между договором страхования имущества и договором страхования лица [4]). В первом случае страхователь возмещает только убытки, во-втором — страховщик обязуется уплатить известную сумму денег, независимо от понесенных страхователем или выгодоприобретателем убытков. Отсюда несомненно вытекает, что элемент „убытков" во всяком случае не является характерным признаком для всех видов советского страхования.

Но если элемент „убытков", таким образом, не имеет в Советском праве значения объединяющего начала для различных форм страхования, то не может ли сыграть роль такого объединяющего начала, если не с точки зрения ГК, то по крайней мере существа Советского страхования, выдвинутая некоторыми юристами (*Гупка, Гойхбарг*), взамен узкого понятия „убытков", более широкого идея общего обеспечения от возможного вреда и недостатка [5])?

Желание экономически обеспечить себя или близких и вызывает применение страхования в его различных проявлениях. Желая обеспечить себя, служащий страхует от огня свою домашнюю обстановку. Но также, желая обеспечить свою жену, ремесленник страхует свою жизнь в ее пользу. Таково общее правило, допускающее, разумеется, и исключения. Нельзя, конечно, отрицать, что в некоторых отдельных случаях идея общего обеспечения и не будет лежать в основании конкретного страхового договора, когда, например, сын страхует в свою пользу жизнь отца, находящегося у него на иждивении. Но такие случаи встречаются, несомненно, крайне редко. Они не типичны. Типичной же формой договора страхования является та,

---

[1]) См. интересные данные об американском проекте построения дифференцированного тарифа для страхований от огня, основанного на статистике. Вест. Госстраха, 1924 г., № 23. стр. 40.

[2]) В. М. Потоцкий. Краткий курс страхования, стр. 106. В частности, надлежит заметить, что тарифы премий морского страхования. устанавливаемые в результате конкуренции страховых обществ, а не путем научной разработки, строятся в международном масштабе. Эти тарифы морского страхования пока применяются и в Советском Государственном страховании. В. М. Потоцкий, там же, стр. 109.

[3]) Столь же мало можно говорить о точном научном расчете при установлении тарифов премий по отношению к проектируемому введению в СССР страхованию от неурожаев или по отношению к известным на Западе страхованиям — стекол в витринах магазинов от разбития, от ураганов, убытков от народных волнений, от землетрясений, от дурной погоды и т. д.

[4]) Это различие весьма определенно проводится ГК в ряде статей, из коих одни посвящены исключительно имущественному страхованию (ст. ст. 368 ч. I, 369, 370, 371 и т. д.), другие же страхованию лица (ст. ст. 368 ч. 2, 374 и др.).

[5]) Понятие общего обеспечения от возможного вреда и недостатка включает в себя и понятие „убытков"; Гаген, там же, VIII, 1, стр. 15.

в которой эта идея общего обеспечения от возможного вреда или недостатка ясно, отчетливо выражена. Но ведь только типичные формы дают основание к установлению прочных характеристик данного явления.

Эти выводы, основанные на рассуждениях общего характера, становятся, по нашему мнению, еще более убедительными, если мы обратимся к рассмотрению тех социальных групп, которые являются в СССР в подавляющем числе страхователями жизни [1]).

Как известно, часть трудящихся—рабочие и служащие—подлежит действию социального страхования [2]). Но остальная, огромная, многомиллионная масса населения не живущая продажей своего труда, т.-е. крестьяне, ремесленники, кустари одиночки, лица, так называемой, „свободной профессии" (члены коллегии защитников, врачи и т. д.) остается вне действия обязательного страхования [3]). Вот эта многомиллионная масса населения и образует в СССР те кадры, из которых могут рекрутироваться страхователи жизни, уже по одному своему социальному положению проникнутые стремлением обеспечить себя или своих близких. Конечно, закон не ставит препятствий к застрахованию жизни и нетрудящихся (ст.ст. 4, 5 ГК), напр., нэпмана, но такая страховая сделка, конечно, будет представлять сравнительно редкое явление по сравнению с основной массой страховых сделок, совершаемых трудящимися. Таким образом, надлежит заключить, что *понятие общего обеспечения от возможного вреда и недостатка* является характерным признаком для всех *типичных* страховых договоров Советского права.

10) Последний признак, подлежащий здесь нашему рассмотрению—это заключение страхового договора с планомерно-организованным предприятием.

Приходится отметить, что если этот признак вызывает споры в рядах западно-европейских теоретиков страхового права [4]), не находя действительно себе опоры в действующем западно-европейском праве (при морском страховании, страховании скота и др.), то для Советского страхового права этот признак имеет самое первостепенное значение.

По добровольному страхованию в СССР страховщиком является главное Правление Государственного Страхования (Госстрах) [5]), являющееся планомерно организованным и состоящим на хозяйственном расчете предприятием, входящим в состав НКФ СССР.

В окончательном итоге мы приходим к выводу, что общими признаками, свойственными всем видам Советского страхового договора, являются: 1) самостоятельность договора, 2) его двухсторонний характер, 3) рисковый характер договора, 4) ограниченность ответственности страховщика, 5) срочный характер этой ответственности, 6) случайный характер события, предусмотренного договором, 7) возмездность договора, 8) цель договора, направленная к обеспечению страхователя от возможного вреда и недостатка, 9) заключение договора с планомерно-организованным страховым предприятием.

---

[1]) Страхование имущества мы намеренно оставляем в стороне, потому что, как нами указывалось, понятие общего обеспечения включает в себя и понятие убытков, являющихся характерным признаком имущественного страхования.

[2]) Ст.ст. 175—192 Код. Закон. о Труде.

[3]) В. Гохман, Очерки по страхованию жизни, стр. 40

[4]) Виванте, Эренберг и др.; против Мюллер-Эрцбах, Гаген.

[5]) Ст. 13 Положения о НКФ СССР, Положение о Госстрахе от 18/10 25 г., ст. 2.

Эти общие признаки могут быть, конечно, положены в основание единого понятия страхового договора. Но, как мы уже указывали, такое понятие, будучи, хотя и всеобъемлющим, но весьма громоздким, неизбежно оказалось бы слишком сложным и в то же время бесцветным. Поэтому мы предпочитаем, указав определенные юридические характеристики договора страхования, воздержаться от установления общего понятия страхового договора.

Наличие этих общих, свойственных всем видам договора страхования, признаков не означает, однако, что отдельные разновидности страхования не могут быть подразделены на основании отличительных, свойственных отдельным видам страхования, признаков (differentia specifica) на известные группы или категории, подлежащие самостоятельному рассмотрению и изучению, равно как и законодательному регулированию.

Установление того факта, что в одних случаях ответственность страховщика и размер ответственности определяются наличием понесенных убытков, в других же случаях наличие или отсутствие убытков и их величина не определяют ни ответственности ни размера ответственности страховщика, позволяет подразделить все разновидности страхования на два основных вида: страхование имущественное и личное (так поступает и ГК ст. 367). В свою очередь тот и другой вид страхования допускает и дальнейшие подразделения.

В. Серебровский.

Страхование гражданской ответственности.

(К постановлению СТО от 10 февраля 1926 г.) [1]).

Постановлением СТО от 10 февраля 1926 г. („Известия ЦИК", № 45 от 24 февраля 1926 г.) Госстраху разрешено ввести страхование гражданской ответственности, возникающей при эксплоатации средств транспорта (сухопутного, водного и воздушного). Таким образом, железные дороги, пароходства, владельцы автомобильных машин и т. д. могут теперь путем страхования обеспечить себе возмещение тех сумм, которые они должны выплачивать третьим лицам в силу своей гражданской ответственности перед ними (например, в силу ответственности за увечье).

До этого времени страхование ответственности осуществлялось Госстрахом лишь как часть морского страхования, обнимающая страхование ответственности за последствия аварий. Кроме того, страхование ответственности было организовано Госстрахом при всесоюзном автомобильном пробеге 1925 г. Распространившись теперь на все отрасли транспорта, страхование гражданской ответственности в дальнейшем будет постепенно охватывать и другие области народнохозяйственного оборота.

Несомненно, этой новой отрасли советского страхования предстоит широкое и плодотворное будущее. Быть может, ни одно современное законодательство не открывает для страхования ответственности такой широкой сферы применения, как советское гражданское

---

[1]) Настоящая статья является в основной своей части авторефератом более обширной работы „Страхование гражданской ответственности".

право. В то время, как по западно-европейским кодексам гражданская ответственность за вред возникает, по общему правилу, только при наличии *вины*—Гражданский Кодекс РСФСР устанавливает такую ответственность и при наличии простого *причинения* ущерба. И, если в одном случае Верховный Суд, преодолевая правовую традицию, должен был разъяснить, что „для применения 403 и 404 статей Гражданского Кодекса нет необходимости в установлении вины,... а достаточно установления непосредственной причинной связи“ [1]), то в других случаях тот же Верховный Суд должен был указывать, что при учете сравнительного имущественного положения сторон „все же в основу кладется причиненный вред“, т.-е. требуется, по крайней мере, причинная связь между действиями данного лица и фактом вреда [2]). Эти указания Верховного Суда необходимы были потому, что практика судов порою склонна была устанавливать ответственность за вред даже и при отсутствии причинной связи.

На Западе страхование гражданской ответственности впервые стало осуществляться, как составная часть морского страхования. В первой половине XIX века во Франции появилось страхование ответственности за вред, причиненный лошадьми или экипажами, а в Германии и Бельгии—страхование ответственности за справки, выдаваемые эмигрантам. Но это был еще „доисторический“ период развития страхования гражданской ответственности. Подлинная его история началась лишь с изданием специальных законов об ответственности предпринимателей за несчастные случаи с рабочими—в особенности германского закона 1871 г. („Haftpflichtgesetz“). Предприниматели стали страховать свою ответственность перед рабочими. С 1886 г. страхование ответственности стало распространяться в Германии на самые различные виды гражданской ответственности. Впоследствии важную роль сыграли здесь закон 1909 г. об ответственности автомобилистов и закон 1922 г. о воздушных сообщениях. В 1917 г. количество полисов, выданных крупными страховыми организациями, составляло в Германии около 3 миллионов: в этом отношении впереди шли только страхование жизни и страхование от огня. В общем, в Германии страхование гражданской ответственности („Haftpflichtversicherung“) достигло наибольшего расцвета по сравнению с другими европейскими странами. Здесь оно получило и наиболее полную законодательную нормировку в специальном разделе „Versicherungsvertragsgesetz“ (V.V.G.) 1908 г. В других странах—Швейцарии, Австрии и Англии—страхование гражданской ответственности началось, как и в Германии, со страхования ответственности за несчастные случаи, переходя затем и на другие виды гражданской ответственности. Швейцарский страховой закон 1908 г. упоминает только об одном виде страхования гражданской ответственности,—именно о страховании „от последствий законной ответственности, связанной с промышленными предприятиями“ (art. 59). Также и в России страхование ответственности впервые появилось на почве закона 2 июня 1903 г. об ответственности за несчастные случаи с рабочими. Но с изданием закона 1912 г. о государственном страховании рабочих, частно-правовое страхование ответственности предпринимателя потеряло свое значение. Затем страховые общества „Россия“, „Саламандра“ и „Первое Российское“ стали страховать гражданскую ответственность владельцев моторных

[1]) Определение ГКК по делу № 2178—1924 г. („Еженедельник Советской Юстиции“, 1924 г., № 15).

[2]) Определение ГКК по делам №№ 1155—1923 г. и 3797—1925 г. (Еженедельник Советской Юстиции“, 1923 г., № 34 и 1925 г., №№ 18 и 35).

экипажей. В 1913 г. были утверждены уже „Общие условия страхования убытков от гражданской ответственности перед третьими лицами“ (Собр. Узак., 1913 г., II, № 270, ст. 1767).

В последовательном развитии страхования гражданской ответственности можно подметить известную историко-правовую закономерность. Всякое страхование имеет целью гарантировать страхователя от убытков, связанных со *случаем, с риском*. Но „риск ответственности“ не существует до тех пор, пока ответственность базируется исключительно на принципе вины (Ансей). Этот риск появляется только тогда, когда законодательство начинает допускать ответственность без вины. Соответственно этому, страхование ответственности постепенно охватывает области гражданского оборота, в которых устанавливается ответственность без вины, и страхователями последовательно становятся судо- и грузовладельцы, потерпевшие аварию, владельцы животных, предприниматели и т. д.

В настоящее время в Германии существует до 40 различных видов страхования гражданской ответственности. Все могут страховать свою ответственность: промышленные, сельско-хозяйственные и торговые предприятия, железные дороги, пароходства, трамвайные предприятия, извозчики, банки, склады, гостиницы (ответственность за пропажу вещей клиентов), театры и выставки (ответственность за пропажу платья, сданного в гардероб), врачи (ответственность за неправильное лечение), учителя, судьи, нотариусы, адвокаты, конкурсные попечители, опекуны, наниматели домашних служащих, владельцы домов, владельцы животных, охотники, автомобилисты, велосипедисты, стрелки, общества, общины и т. д. Страхование ответственности, возникающей при эксплоатации аэропланов, осуществляется даже в принудительном порядке. В некоторых штатах Северной Америки и в Дании введено принудительное страхование гражданской ответственности автомобилистов и мотоциклистов.

В общем, чрезвычайная пестрота круга страхователей, естественно, вытекает из того, что гражданская ответственность за свои действия тяготеет над любым участником оборота. Страховой интерес здесь имеется у каждого человека (Гиштанд). Можно не приобретать вещей, которые надо страховать от огня, можно не возделывать посевов, которые следует страховать от градобития, но нельзя отказаться от своей собственной пассивной правоспособности, из которой вытекает гражданская ответственность. В этом смысле страхование гражданской ответственности является наиболее всеобщим типом имущественного страхования.

В Германии отдельные виды страхования гражданской ответственности могут объединяться в так называемое „обеспечительное страхование (Vorsorgeversicherung)“, при котором страхователь застраховывает всякую вообще гражданскую ответственность, какая только может возникнуть для него в течение известного периода. Вновь возникший риск (например, если страхователь стал ездить на мотоцикле) считается принятым на страх с момента его возникновения, при чем страхователь даже не обязан сам извещать страховщика о появлении этого нового риска. Впрочем, некоторые страховые общества при возникновении новых рисков устанавливают добавочную премию. Обеспечительное страхование не следует смешивать с паушальным страхованием, при котором лицо одновременно страхует лишь некоторые и притом заранее определенные виды своей гражданской ответственности. Так, например, лицо в едином страховом договоре застраховывает свою гражданскую ответственность, как квартирона-

нимателя, как владельца собаки, как владельца огнестрельного оружия и т. п., но не страхует своей гражданской ответственности вообще.

С принципиальной стороны, против страхования гражданской ответственности выдвигались различные возражения. Указывали, что оно стремится обойти закон, перелагая ответственность с определенного лица, указанного законом, на других лиц. Конечно, это возражение было совершенно неосновательным, ибо цель гражданского закона—не карательная, а распределительная. Закон заботится только о том, чтобы кредитор получил удовлетворение по обязательству—независимо от того, за чей счет должник исполнит это обязательство. С другой стороны, достоинства системы страхования гражданской ответственности—очевидны. Оно служит не только интересам страхователя, причинившего вред, но также и интересам потерпевшего третьего лица, которому оно обеспечивает реальное возмещение понесенного ущерба—в частности, и в случае несостоятельности, ответчика. В этом смысле страхование ответственности *экономически* (но не юридически) является страхованием убытков третьего лица, понесенных вследствие причинения вреда страхователем. Страхование ответственности облегчает также и взыскание по регрессным искам к причинителям вреда - например, по искам страховых касс. Наконец, самое вмешательство страховщика в спор между страхователем и третьим лицом способствует мирному окончанию дела (в практике Штутгартского Союза только 5% страховых случаев доходило до суда).

Но, отвергая возражения тех, кто оспаривал у страхования гражданской ответственности самое право на существование, следует решительно возражать против страхования ответственности за грубую небрежность. При сочувствии большинства теоретиков германский законодатель, запрещая страхование ответственности за умысел, допустил страхование ответственности за грубую небрежность (§ 152 V.V.G.) —как исключение из общего правила о недопустимости страхования грубой небрежности (§ 61 V.V.G.). В оправдание этого исключения многие ссылаются на меры, которые страховая практика применяет для того, чтобы страхование ответственности за грубую небрежность не поощряло этой небрежности. Такими мерами являются: ограничение страховой суммы (с тем, чтобы некоторая часть убытка осталась непокрытой и пала на самого страхователя), возложение на страхователя известных обязанностей по уменьшению риска, непосредственная выплата страхового вознаграждения третьему лицу, широкое право страховщика на расторжение договора. Однако, все эти гарантии можно было бы выдвинуть и в защиту страхования ответственности за умысел, а оно, во всяком случае, недопустимо. Qui nimium probat, nihil probat![1]) Пусть даже мы согласимся с авторами германского закона в том, что при страховании гражданской ответственности исключается возможность неправомерного обогащения. Но здесь необходима правильная постановка вопроса: если только размер убытков исчислен верно, то страхователь ни по одному виду имущественного страхования не может получить от страховщика больше того, чем он потерял. Следовательно, центр тяжести здесь лежит вовсе не в опасности незакономерного обогащения. Существо вопроса—в том, что страхователь за страховую премию покупает себе право на гру-

[1]) Поэтому нельзя здесь ссылаться и на интересы потерпевшего: их следовало бы обеспечивать и при умышленном причинении вреда.

бую небрежность. Поскольку же всякая правовая система является одной из сильнейших мотиваций человеческого поведения, сознание материальной безответственности за грубую небрежность потворствует такой небрежности и, следовательно, является социально-вредным.

В теории страхования гражданской ответственности основная юридическая контроверза сосредоточилась на вопросе о понятии страхового случая и о самой природе страхования гражданской ответственности. Обычно страховой случай приурочивают здесь или к моменту возникновения обязанности страхователя уплатить третьему лицу причитающуюся сумму (Гаген), или к моменту установления этой обязанности (Левис, Герцфельдер и Манэс). Против этих традиционных теорий выступил один из самых талантливых исследователей вопроса—Георги со своим оригинальным учением (новизны которого, впрочем, не следует преувеличивать). По мнению Георги, с одной стороны, возможна и гражданская ответственность, не влекущая за собою страхового случая (когда возможные притязания потерпевшего к страхователю почему-либо остаются неосуществленными), а с другой стороны, возможен и страховой случай вне гражданской ответственности. Последнее бывает тогда, когда иск третьего лица к страхователю оказался, в конце концов, неосновательным, а страховщик, узнав о вчинении иска и руководствуясь законом (§ 150 V.V.G.) и полисными условиями, успел уже возместить страхователю вперед издержки по ведению дела, оказать ему помощь на суде, внести деньги в депозит или представить залог для предотвращения предварительного исполнения. По Георги „страховой случай... наступает, когда третье лицо пытается возникший (действительно или мнимо) для него вред переложить на застрахованного...“ Соответственно этому, „страхование гражданской ответственности есть, прежде всего, страхование юридической защиты (Rechtsschutzversicherung)“, лежащее вне системы имущественного и личного страхования. Лишь когда эта защита не приводит к отказу в иске, страхование ответственности становится и имущественным страхованием.

Но в споре Георги и его противников обе стороны были неправы. Георги переоценил участие страховщика в процессе между страхователем и третьим лицом. Это—обычное участие лица, несущего какое-либо обязательство, в процессе, исход которого должен отразиться на размерах и порядке осуществления его обязательства. Вступая в процесс, третье лицо защищает свои собственные интересы и облегчает защиту ответчику. Таково участие продавца в процессе об эвикции или участие должника в процессе между кредитором и поручителем. Представление страховщиком залога или внесение им денег в депозит также не имеет решающего значения, ибо они или вернутся к страховщику, или окажутся авансированной суммой страхового вознаграждения. Зато самостоятельным видом страхового вознаграждения являются те суммы, которые страховщик уплачивает страхователю для возмещения издержек по ведению дела. Это—не простое дополнение к страховому вознаграждению, ибо издержки возмещаются страховщиком и в том случае, когда притязание третьего лица оказывается необоснованным. Сумма, выданная страховщиком на покрытие издержек, в самый момент выдачи безвозвратно выходит из имущества страхователя. Если даже впоследствии издержки страхователя будут, в силу судебного решения или добровольного соглашения, переложены на третье лицо, то выданная страховщиком

сумма все же не вернется от страхователя, а к страховщику перейдет только притязание страхователя к третьему лицу о возмещении издержек (§ 67 V.V.G.). По закону (§ 150 V.V.G.) страховщик обязан оплатить издержки страхователя вперед, поскольку они являются необходимыми. Следовательно, страховым случаем здесь является заявление притязания третьего лица, вызывающее для страхователя необходимость в издержках по защите от этого притязания. Если же притязание увенчалось успехом, то по закону (§ 159 V.V.G.) страховщик обязан уплатить страховое вознаграждение в течение 2 недель со дня удовлетворения третьего лица или со дня, когда претензия его установлена судебным решением, признанием или мировой сделкой. Таким образом, здесь страховым случаем является установление правильности притязания третьего лица или фактическое удовлетворение этого лица страхователем. Следовательно, страхование гражданской ответственности обнимает два самостоятельных рода страховых случаев. Они могут следовать друг за другом. Но возможно, что один из них будет иметь место, а другого вовсе не будет. Если претензия третьего лица оказалась неосновательной, то налицо будет только страховой случай первого рода. Если, напротив, претензия установлена без предварительного спора, вызывающего издержки, то налицо будет только страховой случай второго рода.

Методологическая ошибка и Георги и его противников заключалась в том, что они искали монистического разрешения вопроса, считая, что страховым случаем может быть *либо* заявление претензии, *либо* признание ответственности страхователя. Между тем, вопрос этот может иметь только плюралистическое решение. К такому принципу подошли в одном месте и „Мотивы“ к германскому закону, тут же допустив, впрочем, ряд других ошибок. Вообще, многообразие страховых случаев не является чем-либо новым для страхового права: например, при транспортном страховании груз страхуется от „всяких опасностей“ (§ 129 V.V.G).

Таким образом, анализ понятия страхового случая приводит к следующему определению: договор страхования гражданской ответственности есть договор, в силу которого страховщик обязуется перед страхователем возмещать суммы, которые последний уплатил или должен уплатить третьему лицу в силу своей гражданской ответственности перед ним, а также возмещать издержки по защите от притязаний этого третьего лица.

При более детальном анализе можно было бы провести интересные параллели между страхованием гражданской ответственности, поручительством и солидарною ответственностью. Во всех этих трех институтах привлечение третьего лица (страховщика, поручителя, содолжника) объективно обеспечивает уплату долга кредитору.

Страхование ответственности нанимателя за несчастные случаи с рабочими по цели своей может совпадать со страхованием от несчастных случаев. Но последнее является страхованием личным, а не имущественным. Страховым случаем здесь является само несчастное происшествие, как таковое, а не установление или осуществление ответственности за него. Права по страховому договору приобретает здесь застрахованный, а не страхователь. Если даже при страховании гражданской ответственности нанимателя предоставить рабочему право непосредственно требовать вознаграждение от страховщика, то это право все же будет не самодовлеющее и оригинарное (как при страховании от несчастных случаев), а производное и отраженное от его права требования к нанимателю. Самое существование и объем этого

права обусловливаются наличием и пределами гражданской ответственности нанимателя. Возможность же непосредственного иска к страховщику есть, в конце концов, лишь технически-процессуальная льгота, отнюдь не изменяющая самой природы того права, которое осуществляется путем этого иска.

Страхование ответственности служащих смешивают иногда с гарантийным страхованием, которое введено у нас постановлением СНК СССР от 16 декабря 1926 г. (Собр. Зак. СССР, 1925 г., № 1, ст. 11). Но и в гарантийном страховании страховым случаем является самый факт причинения вреда (растрата, просчет и т. п.)—независимо от ответственности служащего за этот вред [1]). Далее, гарантийное страхование есть страхование какого-либо определенного имущества (оно, так сказать, локализовано), тогда как страхование ответственности служащего не приурочивается ни к какому определенному имуществу. Наконец, в первом случае страхователем является администрация предприятия или учреждения, а во втором случае—сам служащий. Из этих основных различий вытекают и все остальные—в вопросе о страховании последствий умысла, о регрессе страховщика к причинителю вреда и т. д.

Спорным остается вопрос о круге ответственности, которая может быть застрахована в порядке страхования гражданской ответственности. Одни включают сюда только деликтную ответственность, предусматривая здесь и ту деликтную ответственность, которая может получить договорное обоснование (Георги, Гиштанд и Конрадт), другие включают деликтную и договорную ответственность, кроме ответственности за основное исполнение по договору (Гаген), третьи—и деликтную, и договорную ответственность без ограничений (Левис и Эренберг). Ограничение страхования деликтною ответственностью мотивируют тем, что страхование деликтной ответственности только возмещает, но не обогащает, тогда как страхование договорной ответственности возместило бы страхователю затраты по исполнению договора, не отнимая его договорных прав на встречное исполнение, т. е. дало бы ему некоторую прибыль. Но при последовательном проведении этой мысли следовало бы запретить не только страхование основной ответственности за самое исполнение по договору, но также и страхование дополнительной договорной ответственности (например, ответственности за эвикцию) и даже страхование от той деликтной ответственности, которая одновременно является договорною ответственностью (например, ответственности врача за неправильное лечение). Ведь, договор есть своего рода баланс прав и обязанностей каждой стороны. Все виды договорной ответственности учитываются при заключении договора и влияют на договорный эквивалент. Следовательно, строго говоря, страхование любого вида договорной ответственности грозит обогащением страхователя. В германской практике страхование, главным образом, сосредоточивается на деликтной ответственности, но принципиально допускается и в области договорной ответственности. Страхование чисто-договорной ответственности встречается по преимуществу в Америке. Несомненно, область деликтных притязаний и впредь останется преимущественной сферой страхования гражданской ответственности. Ведь, небрежность, влекущая за собою

[1]) Правда, „Госстрахом не возмещаются убытки во всех случаях отсутствия вины и неосторожности служащего“ (п. „а“ § 2 „Правил“, утвержденных НКФ СССР 5 февраля 1925 г.). Но здесь на страховщике лежит onus—доказать отсутствие вины и неосторожности, а при страховании ответственности, напротив, страхователь должен доказать наличие своей ответственности.

гражданскую ответственность страхователя, естественно, чаще проявляется при повседневных внедоговорных сношениях с бесчисленными третьими лицами, чем в договорных отношениях с определенными контрагентами.

Одна из интересных особенностей страхования гражданской ответственности заключается в том, что страховая ценность при этом страховании остается неопределимой. Страховою ценностью, вообще говоря, является „ценность застрахованного интереса“ (§ 51 V.V.G.) В данном случае страховой интерес заключается в том, что убытки, понесенные страхователем в порядке гражданской ответственности перед третьими лицами, могут сократить общую ценность имущества страхователя. Но „застрахованная вещь“ здесь отсутствует, и предельная сумма убытков не может быть учтена заранее: убытки могут даже превысить всю стоимость имущества страхователя. В виде исключения, страховая ценность может быть определена при страховании гражданской ответственности в двух следующих случаях: во 1), если выделен особый материальный объект, из стоимости которого только и могут быть покрыты претензии по гражданской ответственности данного рода, и во 2), если страхуется гражданская ответственность за повреждение какой-либо определенной вещи (которая, однако, и в этом случае вовсе не является „застрахованною вещью“). Так как в области страхования гражданской ответственности, по общему правилу, неприменимо понятие страховой ценности,—то здесь невозможны ни страхование сверх страховой ценности („Ueberversicherung“), ни недострахование („Unterversicherung“), ни двойное страхование („Doppelversicherung“)—поскольку при двойном страховании совокупность страховых сумм превышает страховую ценность (§ 59 V.V.G.). Самая величина страховой суммы при отсутствии материального объекта страхования и страховой ценности должна определяться или совершенно произвольно, или по эмпирическим данным предыдущего опыта. Такое отсутствие страховой ценности характерно также для некоторых второстепенных видов имущественного страхования—для страхования от бойкота, страхования от стачек и т. п.

Чрезвычайно важным является правило о том, что страховщик имеет право выдать непосредственно третьему лицу вознаграждение, причитающееся страхователю, а по требованию страхователя он обязан произвести такую непосредственную расплату (§ 156 V.V.G.). Закон здесь имеет в виду не интересы третьего лица (как кажется на первый взгляд), а интересы страховщика и страхователя, стремящихся к скорейшей ликвидации правоотношения. Третье лицо само не имеет права требовать от страховщика непосредственного удовлетворения: оно лишь рефлекторно извлекает пользу из действий страховщика или страхователя. С точки зрения же страхователя, здесь страхование изменяет свою обычную функцию: оно не возмещает фактических убытков, а предотвращает их, устраняя возможное требование третьего лица к страхователю. Для объяснения непосредственной расплаты страховщика с третьими лицами, производимой по инициативе страховщика, естественно выдвигаются конструкции solutionis causa adjectus (Гаген) или суброгации. Но, кажется, гораздо правильнее видеть здесь просто легальную уплату кредитору кредитора: страховщик платит не самому страхователю, а его кредитору, т. е. третьему лицу. Этот способ погашения обязательства, известный еще римским юристам, чаще является результатом обязанности должника: например, по требованию судебного исполнителя должник обязуется уплачивать деньги не своему кредитору, а кредитору этого креди-

тора, т. е. взыскателю. В данном же случае уплата кредитору кредитора составляет право должника. Его можно сравнить с правом госоргана уплатить суммы, причитающиеся подрядчику, не ему самому, а рабочим, которых подрядчик не удовлетворил заработной платой (Приложение 5-е к Гражданскому Кодексу, ст. 7). Особенность уплаты кредитору кредитора при страховании ответственности заключается в том, что погашаемые здесь обязательства не представляют собою просто два случайно сосуществующих долга, а тесно связаны друг с другом: обязательство страховщика перед страхователем определяется обязательством страхователя перед третьим лицом.

В случае несостоятельности страхователя, третье лицо может требовать отдельного удовлетворения (а не по соразмерности) из страхового вознаграждения, причитающегося страхователю (§ 157 V.V.G.). Если это правило будет перенесено в советское законодательство, то страхование ответственности обеспечит при ликвидации предприятий полную выплату вознаграждений за увечье. Претензии увечных пока не пользуются преимуществом взыскания, но они заслуживают преимущественного удовлетворения наравне с претензиями по заработной плате и алиментам. В данном же случае вознаграждению за увечье будет обеспечено даже не первоочередное, а внеочередное удовлетворение.

Е. Астрахан.

ЛИТЕРАТУРА [1]).

Ancey—Les assurances des responsabilités, 1906.

Conradt—Das juristische Wesen der Haftpflichtversicherung, 1907.

Домбровский—Основные черты гарантийного страхования—„Вестник Государственного Страхования", 1925 г., № 5.

Генкин—Коллективное страхование рабочих предпринимателем—„Право", 1906 г., № 16.

Georgii—Die Haftpflichtversicherung im „Entwurf eines Gesetzes über den Versicherungsvertrag", 1904.

Gierke (Julius)—Die Haftpflichtversicherung und ihre Zukunft — „Zeitschrift für das gesamte Handelsrecht und Konkursrecht", 60. Bd. 1907.

Hagen—Haftpflichtversicherung—„Kommentar zum Deutschen Reichsgesetz über den Versicherungs-vertrag" von Gerhard, Doeberitz, Broecker, Manes, 1908.

Hagen—Haftpflichtversicherung „Handbuch des gesamten Handelsrechts", herausgegeben von Ehrenberg, 8. Bd. II. Abteilung. 1922.

Herzfelder — Haftpflichtversicherung, 1914 („Versicherungsbibliotek", herausgegeben von Manes, IV. Bd.)

Hiestand—Grundzüge der privaten Unfallversicherung, 1900.

Lewis— Lehrbuch des Versicherungsrechts, 1889.

Manes—Die Haftpflichtversicherung, 1902.

Manes— Haftpflichtversicherung — „Handwörterbuch der Staatswissenschaften", IV. Auflage, herausgegeben von Elster, Weber, Wiesr, 1921—1925, 3. Lieferung.

Manes—Haftpflichtversicherung—„Versicherungs-Lexikon", herausgegeben von Manes, II Auflage, 1924.

Manes—Versicherungswesen, 1. und II. Bd. 1924.

Planiol—Traité élémentaire de droit civil, VI édition, t. IV, 1912.

Haack—Die rechtlichen Grundlagen der Haftpflichtversicherung, 1917.

Janott—Die rechtliche Materie der Haftpflichtversicherung, 1912.

Leibl—Die juristische Natur der Haftpflichtversicherung—„Ehrenzweig's Assekuranz-Jahrbuch", 19. Jahrgang, 1898.

---

[1]) Три последние по списку работы не могли быть использованы для настоящей статьи, равно как и „Правила страхования моторных экипажей", утвержденные ИКФ 14/I—1926 г. Более подробные библиографические указания можно найти в следующих изданиях: Manes—Die Haftpflichtversicherung, 1902; Neumann—Systematisches Verzeichnis der Literatur des deutschen Sprachgebiets über das private Versicherungswesen, 1913; Neumann—Verzeichnis des deutschen Privatversicherungs - Schrifttums (1913 bis 1921)-1922.

Вопросы цивилистики.

I.

Исковая давность и бесхозяйственность имущества.

Сила исковой давности сводится к тому, что если лицо, чьи права нарушены, не предъявит в течение трехгодичного срока иска к нарушителю,—то оно уже навсегда лишается права обращения к Суду для защиты своих притязаний. Вместе с этим возникает тут же вопрос о том, погашается ли с пропуском давностного срока и самое материальное право.

На этот вопрос наш Гражданский Кодекс дает в отношении обязательственных прав вполне точный и определенный ответ. В статье 47 Гр. Код. говорится, что если должник исполнит обязательство по истечении давности, то он не в праве требовать обратно уплоченного, хотя бы в момент уплаты он и не знал об истечении давности. Ст. 401 Гр. Код. еще раз подтверждает указанное положение. Обе эти статьи касаются обязательственных прав и ими, с одной стороны, узаконяются так называемые натуральные обязательства, а с другой—рельефно подчеркивается то положение, что исковая давность погашает лишь право на иск, не касаясь вовсе материального права, которое продолжает существовать, хотя и без непосредственной судебной защиты. Это положение должно считаться с точки зрения действующего у нас права одинаково применимым как к обязательственным, так и к вещным правам, так как исковая давность вовсе не имеет силы и значения преклюзивного срока, истечение которого погашает самое материальное право. Поэтому совершенно независимо от характера материального права исковая давность поражает лишь право на иск.

Наши комментаторы Гражданского Кодекса твердо держатся указанного выше понимания давностного срока.

Так в практическом комментарии к Гр. Код. под редакцией А. Л. Малицкого, устанавливается как общее начало, что „исковая давность по Гр. Код. погашает лишь право на иск, не затрагивая материального права, лежащего в его основании“ (стр. 49). Точно также в комментарии под редакцией проф. А. Г. Гойхбарга (вып. I, стр. 88) категорически и без каких бы то ни было оговорок утверждается, „что исковая давность уничтожает только возможность осуществления права путем судебного иска, но не уничтожает самое право“.

Спрашивается, при наличии этих твердо установленных советской юстицией положений, если собственник строения пропустил срок давности на предъявление иска к фактическому владельцу строений, теряет ли он тем самым и раз навсегда и самое материальное право на строения? Очевидно нет. Это тем более правильно, что, по взгляду большинства наших юристов, приобретательной давности у нас не существует. Следовательно, натуральное материальное право продолжает оставаться у собственника.

Можно, конечно, спорить против того, что крайне нецелесообразно не признавать существования у нас приобретательной давности, можно привести целый ряд вполне убедительных доказательств того, что исковая давность есть лишь оборотная сторона приобретательной давности, что собственно исковая давность возможна лишь там, где имеется приобретательная давность, т. к. обе давности должны всегда сопутствовать друг другу, при чем приобретение

права одним в то же время является лишением права для другого и т. д. Однако, если даже согласиться с мнением большинства об отсутствии у нас приобретательной давности для фактического владельца,—необходимо одновременно с этим признать, как неизбежное последствие указанного положения, что пропуск исковой давности на строения не парализует материальных прав собственника на эти строения.

Казалось бы этот вывод представляется совершенно бесспорным по действующему законодательству.

Однако, недавно последовало разъяснение Отдела Законод. Предп. и Кодиф. по вопросу о том, какие последствия влечет утрата собственником строений срока давности на предъявление иска (Е. С. Ю. 1925 г. № 13). Отдел признал, что в этих случаях наступают последствия, указанные в 68 ст. Гр. Код. Таким образом, если собственник строения пропустил давностный срок на предъявление иска к фактическому владельцу, строение должно считаться, как бесхозяйственное, муниципализированным в порядке 68 ст. и уже в порядке демуниципализации может перейти к фактическому владельцу.

Этот вывод Законодательного Отдела представляется юридически неправильным и экономически совершенно нецелесообразным.

Согласно вышеизложенного пропуск исковой давности вовсе не лишает возможности собственника его материального права. А раз он этого права не лишается, то нельзя вовсе говорить о том, чтобы могли наступить последствия бесхозяйственности. Затем имеется налицо и фактический владелец, пользующийся и владеющий имуществом в тех же пределах как и документальный собственник, но ограниченный лишь в праве распоряжения. Можно ли при таких условиях говорить, что имущество это бесхозяйное? Конечно нельзя.

Для того, чтобы окончательно убедиться в неправильности разъяснения Отдела Законодательных Предп. и Кодиф., необходимо разобраться в том, что такое бесхозяйность и в каких случаях могут наступать последствия бесхозяйности. Согласно установившегося в науке понятия на бесхозяйные вещи, под таковыми разумеются: 1) вещи никому не принадлежащие и не принадлежавшие, 2) вещи, принадлежавшие кому-то, но покинутые им.

Первая категория не вызывает никаких сомнений, и, очевидно, под нее никак не может подойти строение, в отношении которого документальный собственник пропустил срок на предъявление иска к фактическому владельцу. Что касается покинутых вещей, то к таковым относятся вещи, от права на которых собственник отказался, при чем для признания бесхозяйности недостаточно, чтобы собственник оставил вещь вне непосредственного своего воздействия или присмотра, а непременно нужно установить намерение, волю собственника отказаться от самого права на вещь. Следовательно необходимо, чтобы собственник явно выразил свое отречение от вещи и, притом, раз навсегда. Один лишь пропуск исковой давности отнюдь не может по действующему у нас праву рассматриваться как отречение от права собственности, влекущее состояние бесхозяйности имущества. Помимо того, само определение бесхозяйности по Советскому праву настолько точное и ясное, что под таковое никак уже нельзя подвести пропуск документальным собственником срока исковой давности.

И действительно, ст. 68 Гр. Код. дает право на переход к государству, как бесхозяйного, лишь такого имущества, „собственник которого известен“. При этом самый переход в собственность государства допускается „в порядке установленном специальным законом“.

О том, что надо понимать под неизвестностью собственника, наши комментаторы Гр. Код. не дают вовсе исчерпывающих разъяснений.

Так А. Л. Малицкий делает краткое указание, что под неизвестностью хозяина следует понимать „не фактическую невозможность нахождения собственника, а наличие таких условий, при которых по существующим законам собственник считается неизвестным". Как широко ни толковать это разъяснение, все равно под это определение никак не подойдет пропуск документальным собственником срока исковой давности. А. Г. Гойхбарг совершенно не выясняет понятия бесхозяйного имущества.

Исчерпывающие указания о сущности бесхозяйного имущества имеются в декрете Совнаркома от 3 ноября 1920 г. (Собр. Узак. 1920 г., № 87, ст. 442). Согласно ст. 1 этого декрета „бесхозяйным имуществом считается всякое имущество, не находящееся ни в чьем обладании, или находящееся в обладании определенных органов без ведома об этом соответствующего центр. распоряд. органа". В дальнейшем декрет приводит отдельные виды бесхозяйного имущества. Это, например, имущество, оставленное неприятелем на поле сражения, трофейное имущество, имущество эвакуированное без указания адресата и его владельца, имущество, объявленное подлежащим демобилизации и т. д.

Наконец, в пункте 3 ст. 1 вполне исчерпывающе определяется бесхозяйное имущество. Под таковым разумеется „имущество, фактически оставленное его владельцем, пребывающим в безвестном отсутствии, а также имущество, владелец которого неизвестен и не может быть установлен". Это определение такое ясное и точное, что не может возбуждать никаких сомнений. Им с бесспорностью устанавливается, что при определении понятия бесхозяйности в основу кладется вовсе не право собственности, подкрепленное к тому же документальными данными, а лишь факт владения.

Закон кроме того требует наличия двух условий, при которых имущество может стать бесхозяйным. Необходимо, во-первых, чтобы имущество было фактически оставлено владельцем и, во-вторых, чтобы самый владелец пребывал в безвестном отсутствии.

При наличии указанного определения ограждаются от признания бесхозяйности не только права документального собственника, но и главным образом права фактического владельца. А раз это так, то пропуск документальным собственником права на предъявление иска о строении, находящемся в фактическом владении другого лица, отнюдь не может, вопреки утверждению Законодательного Отдела, создавать положения бесхозяйности имущества. Следовательно, необходимо признать, что между пропуском срока исковой давности и бесхозяйностью имущества нет решительно никакой связи, так как эти понятия не находятся друг с другом ни в какой причинной зависимости.

Разъяснение Отдела неправильно и по целому ряду других соображений.

Выше нами указывалось, что пропуск срока на предъявление иска не погашает материального права собственника. А раз это так, то спрашивается, допустимо ли, не нарушая закона, признавать такое имущество муниципализированным?

Не допустимо, так как это противоречит ст. 69 Гр. Код., по которой допускается реквизиция имущества у собственника в порядке декрета о реквизиции, т. е. выдачей собственнику вознаграждения по средним рыночным ценам, существующим к моменту изъятия

имущества. Поэтому в указанном случае недопустима вовсе муниципализация, как безвозмездное отчуждение, а может иметь место лишь отчуждение с компенсацией документального собственника.

Разъяснение Законодательного Отдела помимо того, что оно юридически неправильно, противоречиво и нецелесообразно.

Признавая, с одной стороны, что фактический владелец никаких прав не приобретает, Закон. Отд. в дальнейшем находит, что фактическое владение немуниципализированным строением „является состоянием, влекущим ряд юридических последствий, весьма серьезных по своему характеру".

Так прежде всего, если владение продолжалось свыше трех лет, то погашается право собственности прежнего собственника, а строение переходит к государству.

Помимо того, что совершенно неправильно утверждение Законод. Отдела о погашении права собственности вследствие истечения срока исковой давности, о чем мы выше говорили, а также недопустимо превращение строения в бесхозяйное,—представляется непонятным, почему это фактическое владение, продолжавшееся свыше трех лет, должно порождать известные права не для самого владельца, а для третьего лица, государства.

Это тем более неправильно, что в 4 пункте разъяснения фактический владелец рассматривается не как простой, бесправный, обладатель вещи, а как такое лицо, которое „имеет право на основании 59 ст. извлекать все доходы и всеми дозволенными способами пользоваться строением, требовать устранения препятствий и т. д.". Иначе говоря, фактический владелец в праве пользоваться и владеть строением, по своему усмотрению, но не в праве его лишь отчуждать.

Спрашивается, имея такие права до истечения трехгодичного срока, на каком же основании фактический владелец, по истечении трехгодичного срока, сразу должен их лишиться, а строение неожиданно должно превратиться в муниципализированное.

Где тут моменты последовательности и целесообразности? Их нет вовсе. Однако, противоречия идут дальше. Оказывается после того, как за истечением исковой давности, строение переходит к государству, последнее „может (но не обязано) демуниципализировать строение в пользу фактического владельца".

Это положение представляется совершенно непонятным.

Согласно твердо установленному во втором пункте разъяснения положению, „факт владения не порождает права собственности". Следовательно, сколько бы времени это владение ни продолжалось—оно не превращается в собственность. С другой стороны, при демуниципализации,—строение возвращается безвозмездно документальному собственнику, но не фактическому владельцу.

Спрашивается, на каком же основании демуниципализация может быть произведена „в пользу фактического владельца"? Ведь он же не собственник. Тут совершенно незаметно для Зак. Отдела и против его желания просочились в разъяснение моменты приобретательной давности. Раз строение может быть по истечении трех лет фактического владения демуниципализировано в пользу фактического владельца, то это, очевидно, происходит потому, что в силу приобретательной давности фактический владелец превратился в собственника. Этот вывод представляется логически неизбежным.

Строчкой ниже в разъяснении Зак. Отдела приводится новое положение, противоречащее вышеприведенному, и сводящееся к

тому, что фактический владелец может получить строение „только в порядке демуниципализации или покупки".

Тут опять-таки одно совершенно исключает другое.

Спрашивается, целесообразно ли то положение, которое получается в результате разъяснения? Совершенно нецелесообразно. Получается многоэтажная постройка: документальный собственник лишается собственности, строение переходит к государству и, наконец, от последнего переходит, в порядке демуниципализации, к фактическому владельцу. Не проще ли, не целесообразнее ли юридической мысли пойти по иному руслу, по руслу признания приобретательной давности, логически и фактически неизбежной? Мне думается, следует у нас пересмотреть вопрос о приобретательной давности, установить точные и определенные реквизиты, совершенно отличные от дореволюционного права, при наличии которых фактическое владение может превратиться в право собственности.

Неизбежность признания приобретательной давности наравне с исковой вытекает из самого понятия давности, и вполне прав проф. Гойхбарг, утверждавший еще в 1910 г., что „цель этого института заключается вовсе не в том, чтобы лишать верителя, по истечении известного времени, принадлежащего ему права, а исключительно в облегчении затруднительного положения предполагаемого должника, в предоставлении ему возможности отклонить принудительное существование задавненных притязаний формальной ссылкой на то, что по ним уже истек давностный срок" [1]).

Эта точка зрения представляется вполне правильной и ее надо положить в основу всех рассуждений о давности. Тогда станет очевидным, что исковая давность не мыслима без приобретательной.

А. Кусиков.

II.

Уступка патента.

В настоящий момент заключение с Германией нового торгового договора и отдельных конвенций знаменует собой поворот в наших взаимоотношениях с иностранной промышленностью.

Испытывая все тягостные последствия окружения, мы вместе с тем естественным образом считали себя свободными в пользовании теми заграничными усовершенствованиями, которые могли дойти до нас в виде образцов товаров и т. п. Эта свобода, конечно, не была достаточной компенсацией за то, чего мы были лишены—существенной и планомерной технической помощи со стороны далеко нас опередившей западной промышленности.

Теперь настает новый порядок. Путем частных договоров с промышленными фирмами, установившими наиболее совершенные формы производства, мы можем воспользоваться всем их техническим опытом, всеми усовершенствованиями и изобретениями. Если эти усовершенствования и изобретения защищены заявленными патентами

---

[1]) Журнал „Право" за 1910 г., № 40.

(а это всегда так, если только усовершенствование достаточно ново, чтобы назваться таковым),—то для использования их нужно приобретать от иностранца-патентообладателя право на использование его патента на территории СССР—лиценз.

Лиценз может покрывать собой весь объем прав по патенту, но может охватывать также только часть их. В частности здесь возникает вопрос о сроке. Патент дается на срок 15 лет. Конечно, лицензиат (приобретатель лиценза) может заключить договор на переход к нему прав по патенту на весь срок—15 лет. Однако, очень часто может представляться невыгодным связываться таким сроком.

Наши хозяйственные единицы вообще еще не привыкли оперировать в своих планах такими сроками; слишком много неизвестных величин заключает в себе такой срок. В частности, нельзя предугадать, будет ли иметь реальный смысл пользование патентом в течение такого долгого срока. Патентные законодательства—наше и германское—ставящие твердый срок в 15 лет—стоят еще на почве технических данных конца прошлого и самого начала нынешнего столетия, когда 15 лет был *ограниченный срок* для использования изобретения. В настоящее же время прогресс техники дошел до такой скорости, что за 15 лет во многих отраслях могут свободно перемениться и пережить друг друга ряд последовательных изобретений. Патентообладатель может держаться за свой патент — ежегодная плата не велика, и наличность лицензиата, который что-нибудь платит за лиценз, может с лихвой оправдать эти затраты. Но выгодно ли будет это лицензиату? Может быть, через 5-6 лет ему будет лучше использовать новое изобретение в той же области? Не платить же тогда за лиценз, уже переставший быть нужным — только из-за того, что есть договор? Соображения этого рода и могут заставить наши промышленные организации стремиться к приобретению лиценза на ограниченный срок.

В этом случае, конечно, встает другой вопрос: нет ли опасности, что по истечении договорного срока патентообладатель, под угрозой воспрещения лицензиату дальнейшего пользования патентом, предъявит к нему повышенные непомерные требования? Ведь в целом ряде случаев лицензиат сделает для использования патента капитальные затраты на оборудование или приспособления, и оставить каковые по истечении договорного срока без употребления было бы для него слишком нывыгодно.

Для точного разрешения этого вопроса нужно рассмотреть все возможные случаи. Различия здесь будут зависеть от существа предмета охраны привилегий. Прежде всего приходится различать патент на выделываемый предмет—изделие—от патента на способ производства.

В первом случае приспособления для выделки предмета для существа патента безразличны; какими бы мы машинами, путем каких химических и пр. средств не вырабатывали патентованный предмет—патентом защищается только его окончательная форма, окончательный вид, в котором он выходит на рынок.

В этом случае при уступке лиценза на ограниченный срок не возникает никаких сомнений о последствиях. С момента окончания срока договора об уступке бывший лицензиат лишается права выделывать и продавать патентованный предмет. О праве продажи, могущего у него иметься к моменту окончания срока, остатка товара может быть либо особо оговорено в договоре, либо при отсутствии оговорки вопрос может быть определен особым соглашением, а при

споре—судебным решением, которое может указать известный компромиссный способ (выкуп товара патентообладателем по производственной оценке и т. п.), если к тому имеются основания.

Если производство патентованного предмета потребовало устройства особых приспособлений, то это обстоятельство не может иметь в дальнейшем никакого влияния на права бывшего лицензиата. Хозяйственный расчет устройства для выделки патентованного предмета должен был быть принят им во внимание при заключении договора, и его частное дело было приспосабливать ли старые машины и приспособления для этой выделки, создавать ли новое устройство и т. д. При этом техническая обстановка в *обычных* случаях будет такова, что те же машины и приспособления могут служить и для другого рода выработки, так что и *интерес сохранения промышленных средств* не будет противоречить строго формальному толкованию прав по лицензу на ограниченный срок.

Перейдем ко второму случаю. Выдача привилегии на способ выделки представляет собою понятие более сложное. Способ *физически* представляется в виде *нескольких* элементов или приспособлений, приводимых для производства в особого порядка соотношение. Если это лишь *одно* приспособление (машина, аппарат), то будет иметь место патент на *предмет*, а не на *способ*; то же самое получилось бы, если бы речь шла о двух или более отдельных аппаратах или химических составах для выработки и т. п. Следовательно, патентование *способа* может иметь место только при наличии указанных выше элементов: особого соотношения в процессе производства ряда предметов, из которых каждый может не иметь особых, оригинальных свойств.

Технически эта комбинация предметов может быть весьма разнообразна. В нее могут входить машины, постройки (печи, камеры, ванны и проч.), отдельные *рабочие части* машин (сита, сверла, трубы и проч.), материалы для выработки самого выделываемого предмета, составы, применяемые для обработки этих материалов и т. п.

По общему признаку все разнообразие этих физических выражений *способа* выразится в двух формулах: либо это—*сооружение* для выработки, то-есть *основной* капитал производства, либо это — *материалы* производства, то-есть его *оборотные* средства. Первое—сооружения—составляют в своем целом патентованный предмет, патентованное приспособление. Отличие от патента на изделие здесь в том, что изделие производится для свободной продажи, для рынка, а патентованное приспособление сооружается для пользования одного только патентообладателя или лиц, которым он уступит это право—лицензиатов.

В остальном, однако, возможно полное сходство. Так, патентованный предмет также может быть приспособлением для какой-либо выработки (напр., аппарат для приготовления газированных вод, обтяжки пуговиц и т. п.). Разница, однако,—по нашему и германскому законодательству—будет еще и в отношении к вырабатываемому продукту, именно: по закону при патентовании *способа* производства, патентованным считается и *продукт* этого производства. При выделке чего-либо на патентованном *аппарате*—изделие это, конечно, не считается патентованным. Однако, не всегда требование закона в одинаковой мере выполнимо технически. Так, если вырабатываемый патентованным способом предмет обладает особыми, вследствие этой выработки, свойствами, то это требование закона, конечно, выполнимо. Но возможно, что способ лишь дает возможность более дешевой выра-

ботки, не изменяя обычных рыночных качеств продукта. В этом случае, очевидно, нет возможности патентовать самый продукт; единственное, что можно оградить от пользования другими—это его название, просто оригинальное, или содержанием своим указывающее на особый способ изготовления.

Во втором случае патентованного способа, именно, когда физический объект патента представляется в виде оборотных средств производства (материалов)—аналогии с *патентованным изделием* не будет. Оборотные средства потребляемы, они измеряются счетом—количеством; в производстве можно поддерживать известный запас их в готовом виде; можно, однако, этого и не делать,—производя *нужные сочетания* только при самом процессе производства (в значительной степени это зависит, конечно, от технических условий). Во всяком случае и готовые комбинации материалов (составов и проч.), являющиеся именно объектом патента, не предназначены к длительному существованию, но должны исчезнуть, уступая место готовому продукту. Самый же продукт в отношении возможности защиты его патентом может представлять такие же различия, как в первом случае, когда патентованный способ подразумевает наличность сооружений и приспособлений.

Посмотрим теперь, что дадут эти различные случаи при приобретении лицензиа на ограниченный срок (по окончании этого срока).

Не вызывает особых сомнений случай, когда объект патента—оборотные средства производства. С прекращением лицензиа, бывший лицензиат не может возражать против требования патентообладателя немедленно прекратить производство. Необходимости иметь запас готовых комбинаций материалов за лицензиатом признать нет оснований: он мог и должен был рассчитать свой запас на определенный срок и размеры производства, именно до окончания срока договора о лицензиа. Другое положение наступает, если физическим объектом патента на способ является *сооружение*—часть основного капитала производства. Очевидно, что это сооружение строится на срок *наибольшей возможной длительности пользования*, как всякое сооружение. Согласно установленному выше принципу, сооружение это является само по себе *патентованным предметом*; предмет этот составляет собственность лицензиата и изготовлен им с согласия патентообладателя. Право собственности на вещь—есть право на пользование ею, согласно ее назначению прежде всего. Поэтому, если по окончании срока лицензиа, патентообладатель не хочет предоставить лицензиату право дальнейшей выработки по патентованному способу, то он лишен возможности осуществить свое притязание. Он санкционировал *создание* патентованной вещи лицензиатом, и должен мириться с тем, что лицензиат будет пользоваться этой вещью сообразно ее назначению вплоть до износа ее.

Если бы было сделано возражение, что при заключении договора о лицензиа на ограниченный срок нужно предвидеть такое экономически-нелепое последствие, как возможность требования о неиспользовании сооружением после истечения срока, то такая обязанность предвидеть лежит во всяком случае на патентообладателе, так как его возможное требование составляет *ограничение* вещного права лицензиата; ясно, что обязанность предусмотреть лежит на той стороне, интерес которой составляет *исключение* из нормального правила.

Напрасны были бы попытки конструировать противоположное утверждение—что общее положение состоит в прекращении производства, а право продолжения его—будет исключением. Патент на

способ производства—слишком сложное понятие, чтобы пытаться применять его безусловно и безоглядочно. При разложении же на составные части он дает именно вышеизложенное построение. Обладатель патентованного *сооружения* (бывший лицензиат) имеет не меньше права пользоваться им для соответствующего производства, чем лицо, купившее патентованный (как вещь для продажи) аппарат для выделки чего-либо.

Вопрос в дальнейшем сводится к *продаже* продукта производства патентованного способа. Здесь права патентообладателя стоят гораздо тверже. Если продукт допускает по существу своему патентование, т.-е. обладает оригинальными свойствами—технически позволяющими охранение его патентом, то патентообладатель должен быть в принципе признан в праве воспретить бывшему лицензиату продажу вырабатываемого продукта, как идентичного его, патентообладателя, специальному продукту. Однако, может быть поставлен вопрос о праве бывшего лицензиата продавать этот продукт в виде обыкновенного рыночного продукта того же рода, если это технически возможно. Напомним, что обычно это должно быть технически возможно, так как в том случае, если бы продукт патентованного способа выработки представлял бы собою *вполне оригинальный предмет* (а не только предмет определенного общего вида, отличающийся от других того же вида лишь некоторыми признаками), то представлялась бы возможность получить патент и на самый продукт выработки, а не только на способ. Итак, если лицензиат откажется от всяких наименований и обозначений, указывающих на некоторые особые свойства продукта, придаваемые патентованным способом выработки, то за ним—опять-таки в принципе—может быть признано право продажи продукта. Если патентообладатель настаивает на невозможности допустить такой порядок, как причиняющий ему убыток, то может быть поставлен вопрос о том, чтобы обязать лицензиата *продавать всю свою продукцию патентообладателю*. В таком случае создадутся отношения подобные отношениям государства-монополиста (на известный товар—напр., спирт, табак) и фабриканта—производителя этого товара. Суду или арбитражной комиссии придется установить нормальные условия расчета между обоими сторонами.

Иначе будет обстоять дело, если продукт патентованного способа выработки не имеет никаких оригинальных свойств, по сравнению с подобными же продуктами на рынке; как было выяснено выше, такой продукт может быть охранен только в отношении особого названия, заключающего указание на происхождение, или просто оригинального наименования, заявленного отдельно от патента, в своем особом порядке.

В этом случае бывший лицензиат лишается только права на употребление соответствующих названий, но сохраняет несомненное право на продажу своей продукции, и не может быть никакой речи о принуждении его к сдаче выработки патентообладателю.

Итак, мои выводы сводятся к следующим положениям.

При покупке лиценза на ограниченный срок по окончании его, для лицензиата:

1) при патенте на продукт—прекращается всякое право производства и продажи продукта;

2) при патенте на способ:

а) если особенность способа—применение особых материалов—прекращается всякое право производства и продажи;

б) если особенность способа—применение особых сооружений—право производства сохраняется; что касается *продажи*, то:

аа) если продукт имеет оригинальные признаки, то *или* продажа должна итти под маркой простого, стандартного продукта того же рода, *или*—вся продукция должна быть передаваема на особо устанавливаемых условиях патентообладателю;

бб) если продукт оригинальных признаков не имеет — то продажа может быть производима свободно, однако без употребления названия, ссылающегося на патентованный способ, или особо заявленного, во время пользования лицензией.

Е. Дунаевский.

Вопросы гражданского процесса.

При всех достоинствах Гражданского Процессуального Кодекса, как РСФСР так и УССР, очевидных и для теоретика и для практика, нельзя не обратить внимания на многие погрешности чисто технические, на редакционные промахи и несогласованности, и главное, на пробелы. Последних есть, к сожалению, много и мы на них думаем остановиться.

Прежде всего необходимо коснуться одного положения, устанавливаемого 2-й статьей Кодекса. Мы имеем в виду правило, изложенное в следующих словах: „принятие отказа стороны от принадлежащих ей прав и судебной защиты зависит от суда". Этим вводится серьезное ограничение в положенный в основу Кодекса принцип:— „Суд приступает к рассмотрению дела не иначе, как по заявлению заинтересованной стороны" [1]). Если стороне предоставляется начать дело или же не делать этого и поступиться своими правами и интересами, то нет никакого основания ограничивать ее в праве прекратить начатое дело. В данном случае, на первый взгляд, как будто полная несогласованность идей, изложенных в начале и конце одной и той же второй статьи. В действительности это противоречие лишь кажущееся. Законодатель вовсе не имел в виду итти так далеко в деле ограничения принципа диспозитивности—иначе начало второй статьи не было бы изложено в столь категорической форме. Но точно также, как помимо стороны и прокурор в праве начать дело там, где этого требует охрана интересов государства или трудящихся масс, так и суд в праве не прекращать дела и не соглашаться на отказ стороны от ее прав, где таким путем нарушаются основы нашего социального строя, где идет речь об интересах государства или трудящихся. И наш прежний не социалистический процесс также иногда становился на такую же точку зрения. Так по ст. 1357[1] Уст. Гражд. Суд. стороны могли покончить дело миром не иначе, как на условиях, предложенных судом, по целому ряду дел, как то по искам, основанным на Положении о страховании рабочих от несчастных

---

[1]) Некоторые даже полагают, что Кодекс построен не на принципе диспозитивности, но это, конечно, теоретическое недоразумение. Главное положение диспозитивности „ne procedat judex sine actore" или „nemo invitus agere cogitur" остается незыблемым в 99 случаях из ста и для нашего процесса.

случаев, на правилах о вознаграждении потерпевших вследствие несчастных случаев рабочих и служащих, а равно членов их семейств, в предприятиях фабрично-заводской, горной и горно-заводской промышленности и т. д. Во всех этих и подобных случаях суд должен был наблюдать за тем, чтобы экономически-слабые не поступились бы своими правами, прельщенные какой-нибудь, с точки зрения законодателя, недостаточной выгодой. Само собой разумеется, что эту социальную опеку суда над тяжущимися наш нынешний кодекс должен расширить и распространить на гораздо большее число случаев: всюду, где на суде сталкиваются интересы экономически слабых с экономически сильными, всюду, где право частного лица теряет в некоторой мере свой диспозитивный, характер, там отказ от своих прав без контроля и проверки суда не может быть терпим, поскольку конец 2-й ст. ограничивает принцип, изложенный в начале той статьи. Такова мысль законодателя, но не больше: иначе мы попадем в непримиримое противоречие, которое не может быть допущено в законе. К сожалению, редакция вышеприведенного конца 2-й ст. заставляет желать многого. Мысль законодателя не выявлена в ней с достаточной точностью и при недостаточно вдумчивом отношении к ней, при буквальном толковании закона, может вызвать серьезное недоразумение.

Все сказанное относится и к другим двум важнейшим статьям Кодекса, а именно к 118 и 121. Одним из самых ценных достижений Гр.-Пр. Кодекса является замена состязательного принципа инструкционным. К этому неминуемо вела история Гражд. Процесса и практика нашего дореволюционного процесса постепенно приводила к этому началу. Уже до нашего процессуального Кодекса был построен на этом начале Австрийский и Венгерский Уставы и последствия этого были чрезвычайно благодетельны там для дела правосудия. Нужно, однако, помнить, что, так или иначе, инструкционный принцип есть нечто новое, его надо в одинаковой форме отличать и от состязательного и от инквизиционного. Недостаточная отделка норм, вводящих этот принцип, очень легко может повести к тому, что либо место инструкционного принципа займет инквизиционный, что будет чрезвычайно вредно для нашего гражданского оборота, либо состязательное начало снова восторжествует и отодвинет на задний план столь благодетельный инструкционный принцип.

Ст. 5 Кодекса устанавливает верховный принцип нового процесса—обязанность суда выяснить материальную правду, как главное условие правильного правосудия: „суд обязан всемерно стремиться к уяснению действительных прав и взаимоотношений тяжущихся". Для этого суду указывается следующий ясный путь: не ограничиваясь предоставленными объяснениями и материалами, он должен посредством предложенных сторонам вопросов способствовать выяснению существенных для разрешения дела обстоятельств и подтверждению их доказательствами". Ст. 118 и 121 устанавливают более подробно право суда и обязанности сторон в деле собирания доказательств, но здесь являлось бы необходимым провести более точные и ясные границы одних и других. Как далеко может простираться инициатива суда в деле собирания и проверки доказательств, может ли она итти не только в помощь сторонам там, где они по неопытности или юридической неосведомленности (ср. ст. 5) нуждаются в этом и не могут сами доказать своих прав, или же Суд, в целях установления правды, может итти и дальше этого и, вопреки явно выраженной воли сторон, собирать доказательства, превращая таким путем про-

цесс в чисто инквизиционный? Нельзя сказать, чтобы в законе проводилась последняя тенденция, напротив, попытка установить такие границы имеется, но для того, чтобы выявить их, необходим очень детальный анализ вышеуказанных статей, а иначе точка зрения закона останется неясной. В этом отношении вторая часть 83 ст. австрийского устава является гораздо более точной, так как она прямо говорит, что суд не имеет права ни требовать представления документов, ни допрашивать свидетелей, если обе стороны заявят, что они на это несогласны. И там, в первоначальном проекте закона, этого не было, а оно было внесено впоследствии под влиянием тех же опасений, о которых мы говорили выше, из боязни, чтобы инструкционный процесс не превратился в инквизиционный [1]). Ст. 5 Кодекса говорит о выяснении дела путем вопросов сторонам. Глава о доказательствах в Кодексе начинается словами, которые не вызывают никаких сомнений, что и по Кодексу дело представления доказательств является прежде всего обязанностью сторон. „Каждая сторона должна доказать те обстоятельства, на которые она ссылается, как на основание своих требований и возражений". Затем, следующая фраза закона еще рельефнее подчеркивает эту мысль: „доказательства представляются сторонами, а также *могут быть* собираемы по инициативе суда". Дальнейший текст закона поясняет значение последних слов: „Если представленные доказательства недостаточны, суд может предложить сторонам представить дополнительные доказательства". Понятно, что речь идет о недостаточности доказательств, представленных сторонами, потому что, если бы доказательства собирались самим судом, то он бы делал это до тех пор, пока не счел бы свою задачу выполненной. Итак, ясно, что роль суда сводится к тому, чтобы помочь сторонам, как это явствует из 5 ст. Кодекса, там, где они сами не умеют и не знают, как доказать свои права. Еще более убеждает в этом редакция 121 ст., согласно коей „суд может" по собственной инициативе или по просьбе сторон "производить необходимые поверочные действия по *представленным* доказательствам."—Само собой разумеется по представленным сторонами доказательствам, т. е. опять-таки инициатива суда сводится к тому, чтобы помогать сторонам там, где они в этом нуждаются для лучшего выяснения их прав. Если суд усмотрит из представленных сторонами документов, что имеются документы важные для дела, но которые стороны почему-то не представляют, не понимая их значения для дела, суд может по своей инициативе потребовать представления их, или же, если суд видит из данных дела, что то или иное обстоятельство может быть установлено свидетелями, а стороны почему-либо не ссылаются на них, суд сам может постановить о допросе их. Во всех этих случаях суд помогает сторонам доказать их требования или возражения. Отсюда мы должны сделать и тот вывод, что раз задача суда приходить только на помощь сторонам, то там, где обе стороны этого не желают, суд не должен итти против их воли, так как суд, как орган государственной власти не заинтересован в том, чтобы навязывать частным людям их частные права.

Это, конечно, не относится к тем случаям, о которых мы выше говорили и которые имеются в виду концом 2-й ст. Кодекса. Эти все положения являются краеугольными и характерными для той или иной структуры процесса, и их более ясное изложение, большая точ-

---

[1]) Ср. Skedl. Oester. Civilprocessrecht, т. I, стр. 16.

ность в определении прав и обязанностей сторон и суда в деле собирания процессуального материала явилось бы не только полезным для нашего суда, но и прямо необходимым.

Кодекс наш знает институт встречного иска, институт в столь же мере важный, как и необходимый. О нем говорится, однако, в Кодексе только попутно, в прим. к ст. 81, которая гласит: „все недостатки встречного искового заявления должны быть восполнены не позднее назначенного для слушания дела дня; в противном случае предъявленный встречный иск в данном процессе не рассматривается". — Этим одним только и ограничился Кодекс. Институт оказался совершенно не нормированным, не указаны ни условия, при которых возможно предъявление встречного иска, ни порядок его предъявления, так как текст приведенного примечания и в этом отношении может послужить поводом к контроверзам, ни, наконец, порядок рассмотрения встречного иска и постановления по нем решения. Между тем опыт прошлого должен был подсказать, как все это опасно и к чему ведет пробел закона в таком важном вопросе. Устав Гражданского Судопроизводства до его реформы в 1914 г., также был очень скуп в деле нормировки рассматриваемого нами института, там также не были указаны условия для его предъявления, и результаты были на лицо: он сделался излюбленным способом для затяжки дела и давал возможность недобросовестным тяжущимся всячески злоупотреблять своими процессуальными правами, пользоваться ими не для защиты своего действительного права, а для того только, чтобы помешать истцу добиться благоприятного для себя решения [1]). Один из лучших знатоков нашей прежней судебной практики, Исаченко, уже указал в свое время, что благодаря такому пробелу в законе „произвол ответчиков в предъявлении каких угодно встречных исков ничем не ограничен, и такие предъявляются, несмотря на отсутствие всяких к тому поводов. Часто встречные иски предъявляются и без всякой к тому надобности, даже без всякого смысла, и даже во вред предъявляющему его" [2]). Сначала наши прежние суды, исходя из того, что закон ничем не ограничивает ответчиков в деле предъявления встречных исков и не задаваясь вопросом о том, что такое встречный иск, пошли широко навстречу ответчикам в этом вопросе. Так Сенат находил [3]), что по Судебным Уставам „понятие встречного иска не предполагает необходимым условием, чтобы подобное обратное требование ответчика к истцу непременно вытекало из тех же юридических отношений, которые послужили основанием к предъявлению первоначального иска к ответчику". Эта точка зрения Высшего Суда пресекала всякую возможность для низших судов бороться с теми злоупотреблениями на этой почве, какие наблюдались в нашей действительности, и в результате получилась та неприглядная картина, которая давала возможность, как это как-то заметил один из старых судебных деятелей, чтобы против иска по закладной был предъявлен встречный иск о возврате ребенка. В течение десятилетий господствовала эта нездо-

---

[1]) Ср. А. Бугаевский. Процессуальные новеллы (Крит. зам.) Петроград 1915 г. Красовский. К реформе нашего гражд. проц. „Вести. Гражд. Права". 1915 г. № 1.

[2]) Исаченко. Русское Гражд. Судопроизводство, I, стр. 61.

[3]) Р. Г. К. Д. 1876 г. № 173.

ровая практика, вызванная с одной стороны, пробелом в законе, а с другой—юридическим невежеством, непониманием того, что такое встречный иск, и лишь в 1909 г. [1]) Сенат стал менять свою точку зрения на встречный иск и на условия его предъявления. Тогда лишь Сенат стал проводить в нашу практику тот взгляд, что не всякое требование ответчика к истцу может быть предметом встречного иска, что последний является лишь одним из способов защиты ответчика против первоначального иска и потому должен либо находиться с ним в связи, либо, по крайней мере, вести к зачету. Только после реформы процесса 1914 г. этот взгляд нашел себе место в самом законе,—в виде новой редакции 226 ст. Уст. Гражд. Суд. Следовательно, потребовался пятидесятилетний горький опыт, чтобы сделать то, что должно было иметь место с самого начала. Вот почему нельзя мириться с такого рода пробелом в нашем Процессуальном Кодексе.

Встречный иск предполагает совместное слушание его с первоначальным, в этом его положительная сторона и выгода: и для сторон и для суда получается известная экономия при таком совместном рассмотрении взаимных претензий тяжущихся. Однако, это совместное рассмотрение имеет и много теневых сторон. Несомненно производство по первоначальному иску затягивается, и истец не может добиться скорого судебного осуществления своих прав, что является одним из основных условий хорошей процессуальной системы: к этому стремится и наш кодекс. Отсюда понятно, что законодателю нужно было ослабить эти теневые стороны совместного рассмотрения первоначального и встречного иска, а для этого необходимо было установить те условия, при которых допустим встречный иск. Исходя из того, что встречный иск по природе своей должен быть одним из способов защиты для ответчика против требований первоначального истца, необходимо было бы указать, по образцу германского или австрийского уставов, что встречное требование ответчика может быть предметом встречного иска только тогда, когда оно находится в связи с требованием, предъявленным в первоначальном иске или может служить к зачету с первоначальным иском. Эти требования вытекают из самой природы встречного иска [2]), и допущение в виде встречного иска, как это было у нас до 1914 года, или в общем германском процессе [3]), действовавшем до издания кодекса 1877 г., всяких требований ответчика к истцу, совершенно подчас ничего общего не имеющих с первоначальным иском и не могущих послужить к зачету, является извращением идеи встречного иска. Опыт же показал, как все это вредно для правильного отправления правосудия.

Не указано в процессуальном кодексе и время, когда встречный иск может быть предъявлен. Для того, чтобы он не тормозил рассмотрения главного дела, целесообразно требование, чтобы он был предъявлен в самом начале процесса. По прежде действовавшему у нас праву это должно было иметь место не позже первого заседания по делу. Буквальный смысл примечания к 81 ст. не дает опоры к установлению такого порядка, так как оно требует только, чтобы не

---

[1]) Р. Гр. К. Д. 1909 г. № 113.

[2]) См. A. Wach. Handbuch des Deutschen Civilprocessrechts. Т. I, стр. 479 и след. R. Schmidt. Lehrbuch des Deutscshen Civilprocessrecht. Стр. 836 след. Васьковский. Учебник Гражд. процесса стр. 313.

[3]) Wetzel. System des Ordentlichen Civilprocesses, стр. 507 и след.

позднее дня, назначенного для слушания дела, были восполнены недостатки встречного искового заявления. Как быть в том случае, если дело не будет разрешено в первом заседании и будет слушанием отложено, возможно ли тогда предъявление встречного иска, в период между одним и другим заседанием по делу? Из текста закона установить этого нельзя, и это не мешало бы специально оговорить. Несомненно, что устанавливая требование, чтобы дефекты встречного искового заявления были устранены до дня слушания дела, закон стремится к тому, чтобы предъявление встречного иска не тормозило разрешения первоначального, а возможность предъявить иск во всякое время, вплоть до постановления решения, должно непременно повести к такого рода затяжкам процесса. Вот почему, исходя из действительной мысли законодателя, нужно прийти к выводу, что встречный иск должен предъявляться не позже первого заседания по делу, хотя необходимо признать, что закон прямо этого не установил [1]).

Возможно такое положение вещей, когда встречное требование ответчика по характеру своему и может быть облечено в форму встречного иска, как, напр., когда оно может быть подвергнуто зачету, — и по первоначальному и по встречному иску требуются деньги,—и тем не менее встречный иск должен затормозить разрешение первоначального иска. Представим себе, что против ясного и бесспорного требования денег, причитающихся по письменному документу, предъявлен встречный иск об убытках, и по этому встречному иску должна быть произведена такая поверка доказательств, которая потребует много времени, как, например, допрос свидетелей, живущих в отдаленных местах, сложная экспертиза и т. п. В таких случаях суду должно быть предоставлено право, если он найдет, что совместное рассмотрение первоначального иска со встречным без всякой нужды затянет производство по первоначальному делу, разделить производство и слушать дела отдельно, не постановляя одного общего решения. По новелле 1914 г. к Уставу Гражд. Суд. (ст. 258з), такое право было предоставлено у нас суду только в том случае, когда встречный иск не служил к зачету и не вытекал из одного с ним основания. Мы полагаем, что при том положении, которое занимает суд в нынешнем процессе, это право его не должно быть стеснено и этими условиями, так как, как мы уже выше говорили, и служащий к зачету встречный иск, иной раз может без всякой нужды тормозить разрешение главного иска. Отсутствие [2]) в нашем законе такого права суда разъединять дела тем более странно, что в 173 ст. кодекса предусмотрен случай противоположный этому, а именно право суда соединять дела в одно производство и совместно их рассматривать при условии, что в них участвуют одни и те же лица на стороне истца или ответчика.

Не предусмотрен в кодексе и тот случай, когда встречный иск превышает по сумме компетенцию Народного суда, а первоначальный иск рассматривается в Народном суде. Опять-таки создается серьезное затруднение. По прежде действовавшему праву оба иска рассматривались тем судом, которому подведомственно большее по сумме дело. В виду того, что в ныне действующем законе по этому

---

[1]) К такому выводу приходит и Вольман: „Встречный иск по ГПК“ Еж. С. Ю. № 30 1924 г.

[2]) Рындзюнский (Техника Гражд. Проц. стр. 60) допускает такое разъединение, но основания к нему в законе не указывает.

поводу пробел, который никаким толкованием восполнен быть не может, приходится признать, что в таких случаях вообще встречный иск недопустим. Последнее является подчас чрезвычайно тяжелым исходом для ответчика, так как против него может состояться решение Народного Суда, а он лишен возможности добиться присуждения в свою пользу Высшим Судом в столь короткое время причитающихся ему денег, и он не сможет произвести в силу этого зачета. Ведь тут дело может еще осложниться тем, что истец может и не жить в том городе, где ответчик, и последний при превышении его иска компетенции Народного Суда не сумеет воспользоваться привилегией forum connexitatis. Таким образом, как мы видим, отсутствие нормировки столь важного института, как встречный иск, должно создать много трудностей для нашего суда, и восполнение этих пробелов послужило бы на пользу нашего правосудия [1]).

Кодекс допускает и такие иски, которые состоят из нескольких самостоятельных исковых требований (ст. 36 п. „б") или, иными словами, объективное соединение исков. И тут, однако, возможность такого рода соединения нескольких исков одного истца к одному ответчику в одном исковом заявлении должна быть выведена из закона, устанавливающего порядок определения цены иска. Больше ничего об объективном соединении исков в кодексе не говорится, а между тем и этот институт не мог и не должен был быть оставленным без более подробной регламентации. Прежде всего не указаны условия допустимости такого соединения, а также не упомянуто о том, как быть суду в том случае, если такое соединение явится вредным для правильного движения дела. Допустим, что неосновательность одних исковых требований устанавливается немедленно, а другие нуждаются в длительном расследовании или, наоборот, некоторые исковые требования совсем не опровергаются и могли быть присуждены сразу, для других же необходимо довольно продолжительное производство. В этих случаях должно быть предоставлено суду право разъединять производство на отдельные самостоятельные иски, т.-е. опять-таки должен быть установлен порядок разъединения дел на подобие тому, как установлен 173 ст. порядок соединения в одно производство отдельных предъявленных исков.

Также не посчастливилось у нас и другому немаловажному процессуальному институту, а именно, признанию. Ст. 18 Гр. Пр. Код. упоминает о сем мимоходом, указывая, что для признания необходимо особое полномочие. Между тем, всякому процессуалисту известно, что институт этот не такой уже простой, чтобы он не требовал более подробной нормировки. Самый вопрос о юридической природе признания является спорным в цивилистической литературе.

Одни усматривают в нем акт распоряжения своими правами, другие—утверждение истинности фактов, приводимых противной стороной, следовательно, своего рода доказательство [2]). В связи с той или другой конструкцией признания находится и другой важнейший вопрос в этой области, а именно, о допустимости опровержения сделанного признания и при каких условиях оно возможно. Если

---

[1]) С нашим выводом находится в согласии и мнение Рындзюнского (там же стр. 16), к противоположному выводу приходит Вольман, в цит. ст., но он является совершенно необоснованным.

[2]) См. по этому поводу подр. указания и анализ этих точек зрения у Васьковского в его статье: „Значение признания в Гр. Проц." в Сборнике „Памяти проф. Шершеневича".

признание есть акт распоряжения своими правами и имуществом, то оно является юридической сделкой и, следовательно, опровергать его можно в тех только случаях, когда по гражданским законам допускается опровержение юридической сделки. Если же признание есть показание в пользу противной стороны, то оно будет обычным по делу доказательством, которое может быть опровергнуто другим доказательством. Та или иная точка зрения должна быть непременно выявлена в процессуальном кодексе, в нашем же кодексе на это должно было быть обращено сугубое внимание в виду наличности второй статьи, согласно коей отказ стороны от своих прав, а таковым должно почитаться признание, если на него смотреть, как на акт распоряжения тяжущихся своими правами и имуществом, поставлен в известных случаях под контроль суда и не зависит от стороны [1]). Наконец, наша юридическая терминология не выработала отдельного термина для признания иска (немецкое Anerkennung) и для признания того или иного фактического обстоятельства по делу (Geständniss) и в силу этого законодателю необходимо всегда особо оговаривать, какой из этих двух видов признания он в данном случае имеет в виду, так так само слово не всегда достаточно за себя говорит. Так, например, возьмем 18 ст. кодекса УСССР: „Полномочие дает представителю право на совершение всех процессуальных действий, кроме окончания дела миром, передачи дела в третейский суд, отказа полностью или частично от искового требования или *признания* его". Здесь ясно, о каком виде признания закон говорит, тогда как эта же статья в редакции Кодекса РСФСР не дает ответа на указанный вопрос: „Полномочие дает представителю право на совершение всех процессуальных действий, кроме окончания дела миром, передачи спора в третейский суд, признания, отказа полностью или частично от исковых требований". Если при последней редакции 18 ст. представитель, не имеющий специального полномочия, заявит на суде что он признает все фактические обстоятельства, изложенные в исковом заявлении, но самого иска все-таки по тем или иным юридическим соображениям не признает, неминуемо должен возникнуть вопрос, имеет ли такое признание юридическую силу, или же, как сделанное без специального полномочия, оно лишено юридического значения.

Не затронут само собою в кодексе также и вопрос о значении внесудебного признания.

Мы не собирались в настоящей статье ни исчерпать все вопросы, связанные с признанием, ни дать подробный анализ конструкции этого института, мы считали необходимым лишь обратить внимание и указать на то, как столь важный и жизненный институт остался совершенно ненормированным в нашем процессуальном кодексе.

Ряд редакционных недочетов имеется и в той главе кодекса, которая посвящена обеспечению доказательств. Статья 124 гласит: „просьба об обеспечении доказательств рассматривается тем *постоянным народным судьей*, в районе которого должно быть произведено действие по обеспечению доказательств". Эти дела отнесены к единоличной компетенции народного судьи, несмотря на то, что 22 ст. про этот случай ничего не говорит, при этом вводится и новый термин „постоянный народный судья". К компетенции народного судьи отнесены все ходатайства по обеспечению доказательств, независимо

---

[1]) См. Бугаевский. Гр. Проц. в его движении. Стр. 39 и след.

от того, производится ли уже дело и где оно производится. Так как 123 ст. допускает обеспечение доказательств не только до предъявления иска, но и во время производства дела, то легко может получиться такое положение, что один суд рассматривает какое-нибудь дело, а другой в то же время обеспечивает доказательства по тому же делу. Здесь не только без всякой необходимости нарушается принцип непосредственности, но и нарушаются основные правила целесообразности. Тому суду, который рассматривает дело, гораздо легче решить вопрос, нужны ли будут по делу те или иные доказательства и следует ли их обеспечить, чем другому суду, который самого дела не рассматривает. Все это заставляет признать, что обеспечение доказательств на случай, если иск уже предъявлен, должно быть произведено тем судом, в котором производится самое дело.

Глава об обеспечении доказательств заканчивается словами: „На определение народного судьи о допущении доказательств частная жалоба не допускается“ (ст. 127). Между тем существует общее правило, выраженное в 249 ст.: „Отдельно от кассационных жалоб могут подаваться частные жалобы только в случаях, специально предусмотренных настоящим Кодексом“. При таком категорическом правиле отдельное упоминание о том, что на определение народного судьи о допущении обеспечения доказательств частная жалоба не допускается, казалось, не должно было бы иметь места, так как ни на какие вообще определения народного судьи без специального указания в законе частные жалобы не могут быть приносимы. Ясно, что не это имеет в виду закон. Здесь, по нашему мнению, неудачная редакция другой мысли.

В такой форме закон хотел противопоставить случаи отказа в обеспечении и допустимость на них частных жалоб. Иначе было бы сказано, что на определения Народного Судьи по обеспечению доказательств частные жалобы не принимаются, а между тем закон говорит о невозможности обжаловать в частном порядке определения о *допущении* обеспечения доказательств. Ясно, следовательно, что определения о недопущении обеспечения доказательств могут быть обжалованы в частном порядке. И действительно, это является вполне целесообразным, так как отказ в обеспечении доказательств иногда окончательно лишает просителя возможности в будущем предъявить иск и отыскивать свое право, и на такое полное преграждение стороне в деле защиты ее права должна быть допущена жалоба [1]). К сожалению, правило это нашло себе совершенно неудачную редакцию, требующую сложного толкования, тогда как было бы гораздо проще прямо указать, что отказ в обеспечении доказательств может быть обжалован в частном порядке.

Чрезвычайно опасны также на наш взгляд те последствия, которые могут наступить от применения 26 и 72 ст. Кодекса. Согласно этим статьям, ко всякому выбывшему из своего постоянного местожительства лицу могут быть предъявлены иски в том суде, в районе которого он раньше проживал, при чем для того, чтобы дело слушалось и суд постановил решение, достаточно, чтобы в суд поступила копия повестки с надписью домоуправления последнего местожительства ответчика (а по Кодексу УССР с надписью милиции или

---

[1]) Ср. Циркуляр Верхсуда № 66 п. 2 и 249 ст. Кодекса УССР.

райисполкома или, сельсовета по месту нахождения ответчика или домоуправления последнего известного местожительства ответчика) о получении домоуправлением (или для УССР указанными органами) повестки. При таких условиях никто, переезжая на новое местожительство, не гарантирован, что к нему в его отсутствие будут предъявлены какие угодно иски, при чем для недобросовестных истцов новое местожительство такого рода ответчиков всегда окажется неизвестным. Здесь, действительно, можно разорить кого угодно самым легким и законным способом. Этим открываются широко двери для недобросовестности и всяких махинаций, и от этой опасности в Кодексе ремедиума найти нельзя. По Кодексу УССР ответчик имеет возможность, когда бы он ни получил повестку об исполнении по такому решению, подать отзыв, но Кодекс РСФСР отзывов на заочное решение не знает. Такое упразднение отзывов можно только приветствовать, но нужно найти способ для того, чтобы последствия 26 и 72 ст. не приводили к тем невозможным, с точки зрения нормального гражданского оборота, последствиям, о которых мы выше говорили. Единственный, на наш взгляд, выход из этого положения это дополнить 251 ст. Кодекса еще одним пунктом и предоставить такого рода ответчикам, которые фактически не были уведомлены о предъявленном к ним иске и решение против которых состоялось без их действительного уведомления, а только на основании фикции уведомления—право на пересмотр решения в определенный срок со времени получения повестки об исполнении или со времени, когда им действительно стало известно о состоявшемся против них решении. Для истцов при таком порядке не будет препятствий в предъявлении исков к ответчикам скрывающимся, но не будет соблазна предъявлять недобросовестные иски в полной уверенности, что никто не будет опровергать их, а для ответчиков не будет опасности разорятся без всякой с своей стороны вины.

Других вопросов нашего гражданского процесса мы коснемся в следующей статье.

Р. Гланц.

Эволюция советского уголовного законодательства.

Уголовное законодательство СССР до настоящего времени пережило в своем развитии три стадии:

В 1919 г. были опубликованы Руководящие Начала по уголовному праву РСФСР (Собр. Узак. 1919 г, № 66, ст. 570); в 1922 г. был издан Уголовный Кодекс РСФСР (Собр. Узак. 1922 г. № 15, ст. 153), получивший распространение на всей территории Союза с некоторыми изменениями для Украины и других членов Союза, и, наконец, в 1924 г. были обнародованы „Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик“ (Собр. Узак. 1924 г. № 24, ст. 203).

Исходным пунктом законодательного творчества являются таким образом Руководящие Начала, и влияние их на последующее законодательство вне всякого сомнения.

Но в то же время нельзя сказать, что последующее законодательство является простым воспроизведением Руководящих Начал.

некоторые из этих начал оно восприняло, развило и углубило, другие переработало и весьма существенно, от некоторых сочло возможным отказаться совершенно и внесло взамен их нечто новое.

Таким образом, советское уголовное законодательство уже прошло некоторый путь развития, и в настоящее время можно говорить об его эволюции.

В дальнейшем изложении я и имею в виду отметить наиболее существенные моменты этой эволюции.

I.

Руководящие начала подводили итоги пролетарского правосудия за два истекшие года существования советского строя и диктатуры пролетариата (1917 г.—1919 г.), с другой стороны, они должны были „помочь органам советской юстиции выполнять свою историческую миссию в области борьбы с классовыми противниками пролетариата".

В VIII отделах и 27 пунктах Руководящих Начал давалось определение уголовному праву (I, п. п. 1, 2, 3), уголовному правосудию (II, 4), преступлению и наказанию (III, 5—16), стадиям осуществления преступления (IV, 17—20), соучастию (V, 21—24), указывались примерно виды наказаний (VI, 25), говорилось об условном осуждении (VII, 26) и о пространстве действия уголовного права (VIII, 27).

Все содержание Руководящих Начал можно было бы разбить на две части: одна давала определение общих понятий уголовного права и имела характер декларативный, другая имела значение руководящих указаний в собственном смысле.

К первой части могли быть отнесены п.п. 1, 2, 3, содержавшие определение права вообще, уголовного и советского уголовного права в частности; п.п. 5—9, определявшие понятия преступления и наказания; п.п. 17—20, говорившие о стадиях осуществления преступления; п. п. 22—24, указывавшие признаки соучастников; остальные п. п. имели значение руководства в собственном смысле.

Уголовный Кодекс, построенный по типу современных уголовных кодексов, усвоив общие идеи Руковод. Начал, не включил в свою общую часть полностью их содержания: декларативная часть Рук. Начал в значительной мере отпала,—хотя кое-что из нее осталось, как, напр., статьи о целях и свойствах наказания, — уступив место инструктивной, которая, напротив, в Уголовном Кодексе получила большее развитие [1]).

Уголовный Кодекс за короткое время своего существования подвергался неоднократно изменениям и дополнениям, но все они касались таким образом особенной части Кодекса, оставляя его общую часть почти без изменений.

Уголовный Кодекс 1922 г. был разработан в весьма спешном порядке, и это обстоятельство, конечно, не могло не отразиться на его содержании. Довольно суровую оценку Уголовному Кодексу дал в сравнительно недавнее время ст. пом. прок. Республики Крыленко: „Общая часть Угол. Код. в редакции 1922 г. не только употребляла сплошь и рядом такие чуждые нашим правовым воззрениям и перешедшие к нам лишь по традиции, по наследству от старого буржуаз-

[1]) Наличие декларативных положений и подчеркивание классового характера законодательства— таковы, по мнению М. М. Исаева, характерные черты Уголовн. Кодекса, отличающие его от Кодексов буржуазных. См. Общ. ч. уг. права, стр. 108.

ного права термины, как „кара“, „наказание“, „вина“, „вменяемость“ и т. п., но и содержала в себе статьи, в которых эта терминологическая невыдержанность превращалась в невыдержанность по существу, отражаясь вслед за тем и на всем практическом проведении судебной практики“ [1]).

Действительно, Уголовн. Кодекс, подобно большинству современных западно-европейских кодексов, представлял плод компромисса между построением уголовной ответственности на принципе вины и учением об опасном состоянии; отсюда проистекала и „терминологическая невыдержанность“ и более важная „невыдержанность по существу“.

Несмотря на многочисленные изменения и дополнения, в спешном порядке регистрировавшие новые явления уголовно-правовой жизни, Уголовн. Код., действовавший,—с небольшими отступлениями, главным образом, для Украины, — на территории всего Союза, очевидно, не вполне и не во всех своих частях отвечал правосознанию населения отдельных членов Союза, ибо Союзный Совет и Совет Национальностей Центрального Исп. Комитета Союза ССР в октябре 1924 г. стали в отношении уголовного законодательства на путь партикуляризма: они приняли и утвердили проекты основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и положение о воинских преступлениях.

Дальнейшая разработка уголовного законодательства предоставляется отдельным членам Союза на основе начал уголовного законодательства Союза ССР в соответствии с местными условиями и особенностями.

II.

Это вступление на путь партикуляризма в области уголовного законодательства, хотя и вытекает не только из общего духа союзной конституции, предоставляющей отдельным членам Союза широкую самостоятельность, но и опирается на определенное постановление конституции СССР (Разд. II, гл. I, ст. 1 п. „п“), тем не менее в существе своем представляется мерой едва ли жизненной.

Уголовное законодательство полнее, чем какая-либо другая отрасль законодательства, отражает существующий социальный строй. Поэтому, поскольку социальный строй отдельных членов Союза является общим, постольку общими чертами должно отличаться и союзное уголовное законодательство. Действительно, если мы сравним уголовные кодексы западно-европейских стран, то мы можем отметить среди них черты значительного сходства как в построениях общей части, так и в обрисовке составов отдельных преступных деяний в особенной части кодексов. Сходны не только составы деяний, но и вообще границы преступного и наказуемого. Если существует различие, то разве только в социально-этической оценке отдельных деяний, т. е. в установлении различных санкций за одни и те же преступные деяния. Объяснение этого явления следует искать в характере уголовного права: „оно, как замечает И. Д. Ильинский,—по видимости менее окрашено классовым элементом, чем другие отрасли права. Борьба с некоторыми видами преступлений (изнасилование,

[1]) См. Известия ЦИК СССР 1925 г. № 231—Новый проект Уголовного Кодекса. Беседа с т. Крыленко.

поджог, разбой)—общий интерес всех классов общества. Преступники точно также вербуются из всех общественных классов. Правда, бедность и невежество платят тюрьмам несравненно большую дань, чем богатство и культура. Однако, поджигатель, изнасилователь, бандит, из какого бы класса он ни вышел, враждебен всем. Отсюда сравнительная внешняя объективность нового уголовного права буржуазии и относительно ранняя его разработка в социологическом духе" [1]).

Не отрицая бытовых особенностей за отдельными частями, входящими в состав Союза, должно полагать, что части эти, жившие в течение значительного периода времени в одинаковых исторических условиях, а в настоящее время усвоившие основы советского строя, в значительной мере проникнуты единым правосознанием, и их бытовые особенности легко могли бы быть уложены в рамки единого уголовного кодекса, соответственным образом приспособленного в отдельных частях к местным условиям.

С другой стороны, партикуляризм не устранит затруднений, связанных с применением Уголовного Кодекса РСФСР на территории этой последней, т. к. в состав ее входят части, отличающиеся значительными бытовыми особенностями.

Между тем Основ. Нач. уголовного законодательства предоставляют значительный простор для развития партикулярного уголовного законодательства.

Они предоставляют уголовным законам союзных республик определить „отдельные виды преступлений и порядок применения к ним мер соц. защиты (за исключением преступлений государственных и воинских") (ст. 3 Осн. Нач.), „устанавливать и иные меры соц. защиты в соответствии с настоящими основами и общими принципами уголовного законодательства Союза ССР" (прим. 1 к ст. 13 Осн. Начал).

Кроме этих двух главных пунктов: установления отдельных видов преступлений и отдельных видов мер соц. защиты — законодательству отдельных республик предоставляется простор для самостоятельного решения целого ряда других более мелких вопросов. Так кодексами союзных республик определяются:

a) возраст несовершеннолетних и малолетних, как равно и обязательные случаи применения к несовершеннолетним мер соц. защиты судебно-исправительного характера и предел смягчения последних прим. к ст. 8 Осн. Нач.);

b) сроки давности в отношении их понижения (прим. к ст. 10 Осн. Нач.);

c) порядок зачета предварительного лишения свободы (ст. 18 Осн. Нач.);

d) характер и организация принудительных работ и порядок их замены (ст. 19 Осн. Нач.);

e) порядок удаления из отдельной местности в пределах одной и той же союзной республики (ст. 22 Осн. Нач.);

f) количество необходимого для проф. работы инвентаря, предметов питания и денежных сумм, подлежащих оставлению осужденному (ст. 25 Осн. Нач.);

g) порядок замены штрафа принудительными работами (ст. 27 Осн. Нач.);

---

[1]) См. И. Д. Ильинский — Введение в изучение советского права, ч. 1, стр. 87—88.

h) условия и порядок применения условного осуждения (ст. 37 Осн. Нач.);

i) порядок применения условного досрочного освобождения (ст. 38 Осн. Нач.).

Из приведенного перечня видно, что законодательству союзных республик предоставлено право самостоятельного решения не только многих частных вопросов уголовного законодательства, но, — что гораздо важнее,—отдельные республики имеют возможность расширять пределы преступного и наказуемого по своему усмотрению и вводить новые меры борьбы с преступностью.

Правда, Президиуму ЦИК Союза ССР предоставляется право в необходимых случаях указывать союзным республикам роды и виды преступлений, по которым Союз ССР считает необходимым проведение определенной линии единой карательной политики (ст. 3 ч. 2 Осн. Нач.), но несмотря на такую оговорку тем не менее в результате может получиться весьма пестрая картина уголовно-правового законодательства, способная оказать невыгодное влияние на укрепление правосознания, особенно если принять во внимание близость связей, соединяющих отдельных членов Союза ССР.

Поэтому лучшим исходом, на мой взгляд, — являлось бы усвоение отдельными республиками не только основных начал, имеющих значение главным образом для общей части, но и основных начал особенной части Уголовн. Кодекса РСФСР, с отступлениями от него лишь в отдельных случаях, действительно вызываемых местными бытовыми условиями и особенностями.

По какому пути пойдет последующее законодательство предрешать не будем; думаем, что это будет скорее путь единства в виду общности социально-экономических условий в отдельных частях Союза.

III.

Если сравнить Осн. Начала с постановлениями Общей части Уголовного Кодекса и с Руков. Нач., то можно видеть, что поправки, вносимые Осн. Началами, отчасти носят редакционный характер, изменяется лишь форма, но не содержание, отчасти являются изменениями существующих постановлений Угол. Код. и Рук. Начал и отчасти, наконец, вносят начала новые, до сих пор неизвестные советскому уголовному законодательству.

Среди всех этих исправлений и дополнений, вносимых Осн. Началами, наиболее интересным и важным представляется установление того, насколько Осн. Нач. последовательно проводят систему мер борьбы с социально-опасными элементами и тем самым устраняют ту „невыдержанность (основных принципов) по существу", которой страдало предшествующее уголовное законодательство и на которую указывал ст. пом. прок. респуб. Крыленко.

В дальнейшем изложении я и постараюсь проследить все внесенные Осн. Началами поправки последовательно, в системе общей части Уголовного Кодекса.

Так прежде всего о пределах действия уголовного законодательства.

Очерчивая в ст. 1 „Пределы действия уголовного законодательства" Осн. Начала устанавливают их в более узких границах по сравнению с Руков. Началами (п. 27) и Угол. Код. (ст. 1—4).

Основ. Начала говорят лишь об ответственности граждан Союза ССР как за деяния, совершенные на территории Союза, так и за границей, и ничего не говорят о возможности привлечения к ответственности у нас иностранцев, учинивших преступные деяния за границей, которые на основании п. 27 Рук. Нач. признавались наказуемыми наравне с гражданами РСФСР, а согласно ст. 3 Угол. Код. могут быть привлекаемы к уголовной ответственности в случае посягательства их на основы государственного строя и военной мощи РСФСР. Осн. Начала обходят молчанием эти последние случаи и ничего не говорят о действии советского уголовного законодательства в отношении посягательства на эти интересы.

Ограничивая пределы действия советского уголовного законодательства в отношении иностранцев, Основ. Начала, напротив, раздвигают их в отношении подданных Союза, поскольку они не только узаконяют применение уголовного законодательства по аналогии, но и предоставляют для ее применения несколько более широкий простор.

Постановление о применении уголовного закона по аналогии (ст. 10 Угол. Код.) появилось у нас только с изданием Угол. Кодекса, Руков. Началам оно было неизвестно.

Если сравнить ст. 10 Угол. Код. с ч. 3-ей ст. 3 Осн. Нач., то можно усмотреть между ними различие и довольно существенное.

Не касаясь здесь принципиальной стороны вопроса о допустимости применения уголовного закона по аналогии, я думаю, что ст. 10 Угол. Код. имела в виду прежде всего пробелы закона, возникшие вследствие казуистического характера диспозиции уголовного закона, вырабатываемого в спешном порядке, и что применение ее могло иметь место *главным образом* в отношении преступных деяний контрреволюционных и направленных против порядка управления. В ст.ст. 57 и 74 Уг. Код. даются общие определения этих преступлений, далее перечисляются отдельные виды их и перечисляются довольно казуистически, что неизбежно ведет к пробелам, которые, на основании ст. 10 Угол. Код., и могут быть пополнены путем аналогии. Таков смысл, на мой взгляд, имеет ст. 10 Уголов. Код., говорящая: „в случае отсутствия в уголовном кодексе *прямых указаний на отдельные виды преступлений*“... Основ. Начала говорят: „если общественно-опасные деяния прямо не предусмотрены уголовным законодательством“..., т.-е. допускают создание путем аналогии новых преступных деяний, без всяких ограничений, а не только при пробелах законодательства вследствие казуистичности редакции [1]).

Не давая, в противоположность Рук. Началам (III,5) и Угол. Код. (ст. 6), общего определения преступного деяния, ст. 2 Осн. Нач., говоря о классификации преступных деяний, воспроизводит с большей точностью формулировки положение, содержащееся в ст. 27 Угол. Код., которого также, как и ст. 10 Угол. Код., не было в Руков. Началах.

---

[1]) Изложенное в тексте понимание ст. 10 Уг. Код. вытекает, на мой взгляд, из тех прений, которые имели место на III сессии ВЦИК IX созыва (речи Курского, Крыленко), подтверждается Циркуляром НКЮ 1922 г. 8 июня за № 48 о допустимости аналогии в исключительных случаях. Совпадают с указанным толкованием и взгляды проф. Познышева—Очерки основ. начал науки уголовного права, ч. I и проф. Люблинского—Применение уголовного закона по аналогии („Право и Жизнь“, 1924 г. кн. 1 стр. 41). Напротив, Чельцов-Бебутов подчеркивает принципиальное значение ст. 10 Уг. Код. и отказывается видеть в ней случайное преходящее явление (Вести. Сов. Юст. 1923 г. № 2). Осн. Нач. угол. зак-ва склоняются в сторону этого последнего понимания.

Ст. 27 Угол. Код. говорила о преступлениях, „направленных против установленных Рабоче-Крестьянской властью основ нового правопорядка или признаваемых ею наиболее опасными“...

Осн. Начала говорят о преступлениях, „направленных против основ советского строя, установленного в Союзе ССР волей рабочих и крестьян, и потому признаваемых наиболее опасными“...

Таким образом, критерий для классификации преступных деяний сохранен без изменений, без изменения осталась и форма санкций для той и другой группы деяний.

IV.

В отношении мер борьбы с преступностью советское законодательство пережило довольно значительную эволюцию.

Руководящие Начала говорят о наказании и только о наказании, понимая под ним „меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего“ (III. п. 7).

Угол. Код. говорит уже о наказании и других мерах соц. защиты не определяя того, что он понимает под первым и вторыми, а только перечисляя их, и, наконец, Основ. Нач. говорят только о мерах соц. защиты, также оставляя это понятие без определения.

Осн. Нач. предусматривают три группы мер соц. защиты:

1. меры судебно-исправительного характера;
2. меры медицинского характера;
3. меры медико-педагогического характера (ст. 5 Осн. Нач.).

Две последние группы мер были известны отчасти и Угол. Код. (ст. 46). Новой является первая группа—меры судебно-исправительного характера, но под это понятие Осн. Начала подводят по большей части те меры, которые в Угол. Код. именовались наказаниями (ст. 32).

Из сравнения ст. 13 Осн. Нач., перечисляющей меры соц. защиты судебно-исправительного характера, со ст. 32 Угол. Код., содержавшей перечень наказаний, можно усмотреть следующее различие.

1. К мерам судебно исправительного характера отнесены:

п. „а“ объявление врагом трудящихся с лишением подданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда;

п. „ж“ удаление из пределов союзной республики или из пределов отдельной местности с поселением в тех или иных местностях или без такового, с запрещением проживания в тех или иных местностях или без такового запрещения (другими словами ссылка и высылка);

п. „и“ запрещение занятия той или иной должности или занятия той или иной деятельностью или промыслом;

п. „н“ предостережение.

Перечисленные в п. п. *а* и *н* меры соц. защиты являются новыми по сравнению с системой Угол. Код.; указанные же в п. п. *ж* и *и* отнесены к этой группе из ст. 46 Угол. Код. (п. п. *в* и *г*) с некоторыми, правда, добавлениями: высылка из определенной местности в некоторых случаях может превратиться в ссылку, которой Угол. Код. не знал.

2. Условное осуждение, упоминаемое в Угол. Код. среди наказаний (ст. 32, п. 2), Осн. Началами относится к порядку применения судом мер соц. защиты, что, конечно, более отвечает природе дан-

ного института, называемого иногда „погасительной отсрочкой наказания".

3. О возложении обязанности загладить вред (п. *к.* ст. 32) Осн. Начала совершенно не упоминают, отказываясь от этой весьма целесообразной меры борьбы с некоторыми видами преступности.

Введенная в жизнь еще Руков. Началами (VI, 25, с—восстановление, а при невозможности его возмещение причиненного ущерба) эта мера придавала публично-правовой характер обязанности загладить причиненный преступным деянием вред и могла быть с успехом применяема в ряде правонарушений, напр., неосторожных. При наличии этой меры предъявление гражданского иска имело второстепенное значение, и судебно-следственные органы, по собственному почину, независимо от заявления потерпевшего, были обязаны принимать меры для обеспечения его интересов (см. напр.. ст. ст. 119, 121, 276, 330, 388, 389 УПК). С устранением этой возможности возлагать на осужденного обязанность заглажения вреда в качестве меры соц. защиты—обеспечение интересов потерпевшего падает исключительно на его собственные плечи.

Что касается мер соц. защиты медицинского характера, то список их, по сравнению с Угол. Код., пополнен указанием на „помещение в медико-изоляционные учреждения" (ст. 15 Основн. Нач.).

Обрисовка мер медико-педагогического характера ст. 16 Осн. Нач. дана в Основ. Нач. несколько иная, вследствие чего расширился круг мест и лиц, на попечение коих могут быть отдаваемы несовершеннолетние; прежняя оговорка в Угол. Код.: „при условии всестороннего ознакомления суда с образом жизни и личности поручителя" опущена (срав. п. д. ст. 46 Угол. Код.).

Далее, вместо учреждений для умственно или морально-дефективных ст. 16 Осн. Нач. говорит вообще о помещении в специальные заведения.

Так. образ., устранив прежнее деление мер борьбы с преступностью на наказание и друг. меры соц. защиты, Осн. Нач. устранили существовавшую в Угол. Код. неясность взаимоотношений, существовавших между теми и другими мерами.

Теперь след. и „лишение свободы", и „конфискация" и „штраф" являются мерами того же порядка, что и „помещение в медико-изоляционное учреждение". Применение той или другой меры должно обусловливаться не тяжестью деяния, а характером опасности преступника. Одна мера соц. защиты отличается от другой не степенью строгости, как это имеет место при системе наказаний, а большей или меньшей целесообразностью применения в каждом отдельном случае.

Таковы естественные и логические последствия построения борьбы с преступностью с помощью мер социальной защиты, которые, конечно, должны были бы найти себе отражение на построении как общей, так и особой части Угол. Код.

Замена наказаний мерами соц. защиты судебно-исправительного характера облегчалась тем, что уже и раньше советское уголовное законодательство смотрело на наказание, как на меру оборонительную, и противопоставляло этот взгляд воззрениям буржуазного законодательства, построенным на идее возмездия. Я не буду здесь останавливаться на вопросе о том, насколько такое противопоставление представляется обоснованным и точным, а укажу только, что момент оценки деяния, присущий наказанию, не чужд и мерам соц. защиты

судебно-исправительного характера при том их построении, какое имеет место в Основ. Началах [1]).

В виду этого не должно казаться неожиданным, что те требования, которые ранее законодатель предъявлял к наказанию, он теперь применяет к мерам соц. защиты.

Ч. 2 ст. 60 Основн. Начал воспроизводит отчасти III, п. 10 Руков. Начал и ст. 26 Угол. Код., несколько смягчая только категоричность прежней формулировки, которая не соответствовала действительности.

В Руков. Нач. III, п. 10 говорилось: „поэтому наказание не есть возмездие за вину, не есть искупление вины. Являясь мерой оборонительной, наказание должно быть целесообразно и в то же время совершенно лишено признаков мучительства и не должно причинять преступнику бесполезных и лишних страданий". Ст. 26 Угол. Код. воспроизводила без всяких изменений вторую часть указанного положения.

Осн. Начала в ч. 2 ст. 6 говорят: „Задач возмездия и кары уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик себе не ставит. Все меры соц. защиты должны быть целесообразны и не должны иметь целью причинение физического страдания и унижений человеческого достоинства".

„Задач возмездия и кары" уголовное законодательство Союза ССР и союзных республик себе не ставит, но тем не менее элементы возмездия имеют место и в мерах соц. защиты судебно-исправительного характера, поскольку имеется особенная часть Угол. Кодекса с составами отдельных преступных деяний, различно расцениваемых с социально-этической точки зрения и влекущих за собой последствия различной тяжести. Прежняя редакция говорила об отсутствии в наказании признаков мучительства и о непричинении преступнику бесполезных и лишних страданий.

Осн. Пол. говорят, что причинение физического страдания и унижений человеческого достоинства не должно быть целью мер соц. защиты.

Это последнее требование уже давно было выдвинуто уголовной политикой, но, к сожалению, ни наказание ни меры соц. защиты нельзя совершенно очистить от элементов физического страдания или элементов унижения: всякое лишение свободы или высылка неизбежно связаны с некоторыми физическими лишениями, воспринимаемыми болезненно, а иногда вызывающими действительное заболевание; далее, всякое наказание и всякая мера соц. защиты, поскольку они связываются с принуждением—а едва ли без принуждения можно найти какое-либо наказание или меру соц. защиты,—неизбежно связаны и с унижением, так как во всяком принуждении имеется неизбежно элемент унижения.

Поэтому прежняя редакция, не смотря на категоричность своей формулировки, была более полна содержанием.

---

[1]) Еще более сближает наказание и меры соц. защиты М. М. Исаев (Общая часть уголовного права): „И наказанию, и мерам соц. защиты против лиц вменяемых присущ элемент правового осуждения (стр. 145). Правовое осуждение, как существенный элемент мер соц. защиты репрессивного характера, не находится в противоречии с основ. началами уголовного права переходного времени. Правовое осуждение является существенно необходимым в интересах сов. строя. Каждой общественной группе важно внедрить в сознание своих членов представление о желательности или нежелательности соответственного поведения. В этих целях группа прибегает или к отрицательной оценке, наиболее резкой формой которой является „наказание", или к положительной „похвале", „награде". (стр. 146).

Как Руков. Начала (III, п.п. 8, 9), так и Угол. Код. (ст. 8), говоря о целях наказания, выдвигают как цели общего, так и специального предупреждения, с указанием способов достижения этой последней. Правда, редакция этих статей не была вполне удачной и указанный выше смысл их мог быть выведен лишь путем толкования.

Основн. Нач., отказавшиеся от понятия наказания в пользу мер соц. защиты, должны были бы говорить только о специальном предупреждении (ст. 4 Осн. Нач.), и такая постановка была бы последовательной, т. к. меры социальной защиты имеют в виду прежде всего воздействие на данную преступную личность, а не на остальное общество или его „неустойчивые элементы", как говорила ст. 8 Угол. Кодекса.

Но редакция п. а, ст. 4 Осн. Начал имеет довольно общий характер: он говорит вообще „о предупреждении преступлений". При такой формулировке следует в первую очередь предполагать цель общего предупреждения, что однако не соответствует природе мер соц. защиты. Поэтому было бы точнее, в соответствии с п. п. „б" и „в" ст. 4, говорящими о воздействии на общественно-опасные элементы и на осужденных, говорить не о предупреждении преступлений, а о предупреждении преступника, имея в виду преступника случайного, требующего не исправления, а тем более обезвреживания. но нуждающегося в простом напоминании, во внушении, в предупреждении в собственном смысле слова.

Отказ от наказаний и замена их мерами соц. защиты должны были бы отразиться на порядке выбора и назначения мер соц. защиты, определяемом началом целесообразности в борьбе с социально-опасными элементами. Но в действительности ст. ст. 30, 31 и 32 Осн. Нач. в существенных своих чертах воспроизводят положения, содержащиеся в ст. ст. 24 и 25 Угол. Кодекса и III, п. п. 11 и 12 Рук. Начал, но лишь в более развитой и утонченной форме.

Соответствующее постановление Руков. Начал (III, п. 11) указывало судьям, чем им следует руководствоваться при выборе меры воздействия, и представлялось вполне понятным при отсутствии уголовного кодекса и его особ. части, где отдельные преступные деяния разграничены и взвешены с точки зрения их социальной опасности.

Ст. ст. 24 и 25 Угол. Код. давали указание судье, как ему следует поступать при выборе наказания, в виду широких рамок относительно определенной санкции.

Ст. 30 Осн. Начал и прежние ст. 24 Угол. Код. и III, 11 Рук. Начал имеют общий руководящий характер, указывая сторону, в которую прежде всего должен быть направлен взгляд судьи; дальнейшие постановления указывают конкретные обстоятельства, влияющие на выбор меры воздействия в смысле ее повышения или понижения. При этом следует отметить, что целый ряд пунктов, влияющих на усиление ответственности (как, например, п. п. а, б, в и г), имеют в виду объективную сторону деяния; таким образом, здесь в целях усиления классового характера правосудия опускается из виду усвоенный основной критерий уголовного законодательства—критерий социально-опасной личности.

Таким образом, в вопросе о мерах борьбы с преступностью Осн. Начала устранили до известной степени то, что м. б. названо „терминологической невыдержанностью", но не сделали еще решитель-

ного шага к устранению „невыдержанности по существу“... Поэтому представляются не лишенными основания те замечания, которые были сделаны в Харьковском Юридическом Обществе при обсуждении доклада проф. Гродзинского об основных началах уголовного законодательства и которые квалифицировали реформу уголовного законодательства в отношении замены наказаний мерами соц. защиты как „терминологическую“ [1]).

В. Ширяев.

IX Международный тюремный конгресс.

Нарушенное империалистической войной научное содружество стран цивилизованного мира восстанавливается, к сожалению, крайне медленно. Война с ее бессмысленным и диким взрывом шовинизма и узкого национализма ворвалась и в кабинеты ученых, в лаборатории и библиотеки и разорвала веками установленные тесные узы, связывавшие научных работников всех стран. И несмотря на то, что грохот оружия уже давно стих на полях сражения, европейская наука которая, казалось бы, первая должна была явить образчик примирения, все еще делится на два враждебных лагеря.

Разительнейшим примером этого является известный уже русскому читателю факт создания криминалистами Антанты нового международного союза криминалистов, от которого ученые стран побежденных фактически устранены. Под знаком разделения науки на науку победителей и науку побежденных созывался и IX Международный Тюремный Конгресс, состоявшийся 4—8 августа 1925 г. в г. Лондоне.

Хотя представители стран побежденных и были приглашены участвовать в Конгрессе, но никто из них не был приглашен в качестве докладчика, и в обширных трудах Конгресса, среди 120 докладов Конгрессу, почти не имеется принадлежащих перу ученых стран побежденных, несмотря на то, что не по одному вопросу очень много значительного и непревзойденного было написано именно германскими учеными. И даже в регламенте Конгресса страны участницы поставлены были в неравное положение. Так, например, по требованию участников Конгресса прения могут быть переводимы только на английский и французский языки. Этот маленький, но характерный выпад был явно направлен против германских и австрийских ученых.

После подготовительных работ по созыву Конгресса, организаторы его снова продемонстрировали свою полную идейную зависимость от политики своих правительств. В связи с совпавшим по времени изменением политической ориентации Англии в сторону сближения с Германией, изменилось отношение Конгресса к представителям Германии. С подчеркнутой теплотой были встречены делегаты Германии и Австрии. „Нас принимали по дружески и гостеприимно, подчас даже более дружественно, чем других“—писал проф. Фрейденталь из Лондона в письме к проф. Кольраушу, делясь с ним

---

[1]) См. „Вестник Сов. Юстиции“, 1925 г., № 9, стр. 280 и сл.

впечатлениями от конгресса. В число генеральных докладчиков были выбраны германский делегат проф. Липман и австрийский—проф. Глейспах [1]). Было забыто правило регламента о том, что официальным языком является французский язык, и никто не помешал профессору Ашефенбургу говорить на заседаниях конгресса по немецки.

Но хотя первый шаг к примирению ученых стран-победительниц и стран-побежденных явился лишь отражением перемирия между правительствами стран обеих группировок, все же на IX-м Международном Тюремном Конгрессе впервые после войны встретились за одним столом представители науки уголовного права и пенитенциарии всех почти буржуазных стран Европы, Америки, Азии, Африки и Австралии [2]).

Впрочем и по составу участников Конгресса и по его программе Конгресс следовало бы скорее назвать съездом криминалистов, чем Конгрессом тюрьмоведов. В то время, как все 30 вопросов повестки дня первого Международного Тюремного Конгресса (1872 г.) были посвящены вопросам тюрьмоведения, на IX Конгресе из 13 вопросов только три относились к тюрьмоведению, а все десять остальных—к уголовному праву, процессу и уголовной политике. Эта разительная разница в характере программы Конгрессов отнюдь не случайная. Если просмотреть программы всех Конгрессов: Лондонского 1872 г., Стокгольмского 1878 г., Римского—1885 г., Петербургского—1890 г., Парижского—1895 г., Брюссельского—1900 г., Будапештского—1905 г. и Вашингтонского—1910 г., мы замечаем, как постепенно завоевывает себе общее признание то положение, что пенитенциария является не каким-либо самодовлеющим замкнутым в себе явлением, а составляет одно из звеньев в сложной системе борьбы с преступностью. Согласно этого понимания, деятельность пенитенциарных органов находится в неразрывной связи не только с деятельностью судебных учреждений, но и с общей системой уголовной политики, стремящейся к борьбе с преступностью путем не только репрессии, но, главным образом, путем мер, направленных к уничтожению факторов, создающих самую преступность и благоприятствующих ей. Более того—если Лондонский Конгресс 1872 г. был посвящен исключительно вопросам тюремного режима и если Стокгольмский Конгресс 1878 г. только начинает интересоваться вопросами уголовного законодательства и уголовной политики, изучением детской беспризорности, как источником преступности и изучением факторов преступности, то на последующих конгрессах, как отмечает и Реггльс-Брайс „пенитанциария, la sciense penitentiaire развивается в науку об изучении факторов преступности—в науку криминологии—или в пенологию, т. е. учение о характере и целях репрессивных и предупредительных мер“ [3]). Эта тенденция, как мы увидим ниже, нашла свое окончательное утверждение на последнем Лондонском Конгрессе.

---

[1]) См. Kohlrausch. „Der neunte Internationale Gefängniskongress in London, в Zeitschrift für die gesamte Strafrechtswissenschaft, 1925, 5-6.

[2]) На конгрессе были представлены следующие страны: Англия, Аргентина, Австрия, Бельгия, Бермуда, Болшия, Болгария, Канада, Чили, Китай, Колумбия, Куба, Дания, Египет, Германия, Греция, Гвиана (британская), Голландия, Венгрия, Индия, Ирландия, Италия, Япония, Латвия, Литва, Норвегия, Новый Южный Валис, Новая Зеландия, Палестина, Перу, Персия, Польша, Португалия, Квинсланд, Румыния, Сиам, Сиерра-Леоне, Испания, Стрете-Сеттльмент, Швеция, Швейцария, Чехо-Словакия, Тринидад, Турция, Южная Африка, Соединенные Штаты Америки.

[3]) E. Ruggles—Brise. Prison Peform at home and abroad, p. 10.

По заведенной исстари традиции, работа международных тюремных конгрессов распадается на работу трех секций: секции законодательной, секции административной и секции предупреждения. Тринадцать различных, большей частью, глубоко принципиальных вопросов явились предметом обсуждения этих трех секций на последнем Конгрессе. Около 120 докладов были представлены Конгрессу и розданы его участникам. В устной форме доклады не делались. По каждому вопросу выбирался один генеральный докладчик, дававший общую сводку всех представленных по этому вопросу докладов. Секции вырабатывали резолюции, которые выносились на обсуждение пленарного заседания. Независимо от этого, каждое из четырех пленарных заседаний открывалось докладом одного из английских „сановников“ [1]) на следующие темы: „принципы наказания“, „альтернативы тюремного заключения“, „неопределенные приговоры“ и „значение наказания“. Эти доклады на научное и практическое значение (правда, насколько можно судить по имеющимся у нас газетным отчетам) претендовать не могут и носили преимущественно приветственный характер.

Материалами для настоящей статьи послужили подлинные „предварительные труды“ (Travaux Preparatoires) Конгресса, содержащие полный текст всех представленных докладов, („Precis of Rapports“), т. е. резюме последних, официальные бюллетени Конгресса (Bulletin de IX Congrès Penitentiaire International), а также „Гид“ и другие вспомогательные материалы, раздававшиеся участникам Конгресса.

Переходя к трудам Конгресса, остановимся в порядке секций, на секции, посвященной законодательству. Следующие четыре вопроса были представлены на ее обсуждение:

I. Следует ли предоставить власти, уполномоченной на возбуждение преследования, право дальнейшего направления дела или его прекращения.

В утвердительном случае, должно ли это право быть ограничено известными пределами и подчинено контролю.

Следует ли при этом предоставить судье право не выносить обвинительного приговора, несмотря на то, что преступное деяние фактически установлено.

II. Какие меры могут быть установлены взамен тюремного заключения в отношении преступников, совершивших преступления маловажные или не представляющиеся опасными для общественной безопасности.

III. Возможно ли и в каких пределах применение принципа неопределенных приговоров в борьбе с рецидивом не только в случае тяжких преступлений, но и во всех других случаях.

IV. Каким образом можно облегчить применение принципа индивидуализации наказания судье, который должен вынести приговор о наказании виновного.

Совершенно правильно неапольский профессор Массари указал в своем докладе, что первый вопрос является одним из важнейших, серьезнейших вопросов, которые IX-му Конгрессу представляло разрешить. Никем из докладчиков, однако, не была в этом вопросе поставлена точка над i и не было указано, что важность этого вопроса заключается в том, что он имеет значение не только специальное, но в значительной степени и политическое.

---

[1]) Лорда Асквита, лорда Хюварта и др.

Принцип легальности, в возбуждении преследований, в противоположность принципу оппортунистическому, принято считать одной из гарантий равенства всех перед законом. По словам того же профессора Массари, наличие этого принципа является характерным признаком правового государства в противоположность государству полицейскому, где господствует принцип оппортунизма. Предоставление органам, облеченным правом судебного преследования, права отказываться из-за соображений целесообразности, или оппортунизма, от возбуждения преследования, в том или ином случае, обратило бы эти органы в послушное орудие в руках правительства и дало бы возможность, обрушиваясь всей силой закона на врагов правительства, предоставлять в то же время полную безнаказанность всем преступлениям, имеющим целью поддержку правительства. Это рассуждение, приводимое Массари в его докладе, достаточно иллюстрируется, хотя бы в практике Италии на процессах фашистов, с одной стороны, и контр-фашистов—с другой. И несомненно, что ввести в широких размерах принцип оппортунизма значило бы совершенно развязать руки реакционным правительствам в борьбе с их противниками. И весьма характерно, что тот же итальянский профессор Массари, горячо ратующий в своем докладе за принцип легальности, делает одно „маленькое исключение" в пользу принципа оппортунизма. Применение этого последнего принципа он допускает только в отношении политических преступлений. Теоретическое обоснование этому исключению представляется Массари весьма простым. Политическое преступление, говорит он, не задевает интересов отдельных лиц. Оно нарушает исключительно интересы государства. Потому государство, взвесив все выгоды и невыгоды возбуждения преследования, вправе отказаться от преследования. Правда, такое незамаскированное стремление поставить политические дела вне закона мы находим только у Массари. Остальные докладчики, поддерживая допустимость применения принципа оппортунизма, тщательно обходили политическую сторону вопроса и оперировали соображениями деловой целесообразности. Так, например, будапештский профессор Цегери в качестве примеров, когда отказ от преследования явился бы целесообразным, указывает на следующие случаи: когда преследование может нарушить внутренний порядок и спокойствие государства (т. е. implicite все решительно случаи, когда по политическим соображениям правительству неугодно слушание того или иного дела); когда преследование повлечет для государства международные осложнения; когда розыск преступников связан с исключительными расходами; когда вследствие возраста или болезни преступника, наказание все равно не сможет быть приведено в исполнение и т. п. Представитель Японии Мотой, глава японского тюремного ведомства, указал, что по закону 1 января 1924 г. принцип оппортунизма в возбуждении преследования уже введен в Японии и что результаты этого закона весьма благоприятны. Он дал возможность избавлять ежегодно до 130.000 человек от клейма судимости, дает государству ежегодную экономию в 40.000.000 иен и, наконец, предоставляет полицейским, судебным и следственным властям возможность сосредоточить все свое внимание на тяжких преступлениях. Все остальные докладчики (профессора Горро, Берле и Ганю—Франция; Денинг и Оллнес — Англия; Кнопиус—Голландия; Миричка и Мотонс—Чехословакия; Шниид—Бельгия) с теми или иными незначительными отклонениями в мотивировке ответили на первый вопрос

также утвердительно, и в результате секция вынесла следующую резолюцию:

„Принимая во внимание общую тенденцию эволюции уголовного права, рекомендуется широкое применение принципа оппортунизма во всех случаях, когда интересы общего будут лучше ограждены, если правонарушение не будет преследоваться.

В отношении преступлений против полицейских правил и преступлений несовершеннолетних, применение принципа оппортунизма должно быть сильно расширено".

Следует заметить, что последняя часть резолюции не вытекает из содержания докладов. Повидимому она появилась в результате прений. Не было ее и в первом проекте резолюции, не получившем большинства. Она появляется в принятом проекте резолюции, предложенном Ферри, Липманом, Ру и Шнейером.

Вторая часть первого вопроса—о формах контроля—не получила точного разрешения. Резолюция по этому поводу гласит:

„Применение принципа оппортунизма должно быть предметом контроля. Однако, принимая во внимание разнообразие судебных систем в различных странах, на международном конгрессе невозможно установить точную форму контроля, которая могла бы осуществляться, в особенности судебными властями и общественными организациями".

Третья часть вопроса не получила в резолюции никакого ответа. Протоколы конгресса не содержат объяснения этому.

Известное разочарование в тюремном заключении, как мере социальной защиты, характерное для последних десятилетий, особенно сильно проявляется в отношении краткосрочного тюремного заключения, назначаемого за маловажные проступки. Стремление найти какую-либо альтернативу к нему проходит красной нитью чрез всю историю международных тюремных конгрессов. Уже в программе и первого Лондонского Конгресса 1872 г. мы видим следующий вопрос: „возможно ли заменить краткосрочное заключение и неплатеж штрафа усиленными работами без лишения свободы". Хотя общее мнение этого Конгресса и сводилось к желательности такой замены, рассмотрение вопроса было перенесено на следующий конгресс. На Римском Конгрессе 1885 г. вопрос был поставлен во всей широте. Однако, и на этом Конгрессе не пришли к единогласному решению, хотя отдельные докладчики и предлагали разные альтернативы краткосрочного заключения: штраф, судебный выговор, принудительные работы без лишения свободы, ограничение в выборе местожительства как в форме запрещения проживать в определенной местности, так и в обязательстве не покидать свой дом. Было снова решено перенести рассмотрение вопроса на следующий конгресс. На Петербургском Конгрессе 1890 г. вопрос рассматривался в связи с обсуждением выговора, как меры наказания, и условного осуждения. Парижский Конгресс 1895 г. выносит уже определенную резолюцию, согласно которой объявлению судебного приговора придается то же значение, что и отсрочке (sursis) исполнения приговора (т.-е. условному осуждению). Будапештский конгресс 1905 г. снова возратился к этому вопросу, точно также как и Вашингтонский 1910 г., при обсуждении вопроса об условном освобождении. Большое количество краткосрочных приговоров во всех странах, отсутствие в них устрашающего момента, невозможность достижения в короткий срок каких-либо исправительных результатов и частое отрицательное влияние опытных преступников на случайных во время краткого их пребывания в тюрьме—

снова выдвинули вопрос об альтернативах краткосрочного заключения и на последнем Конгрессе. Девять докладов были посвящены ему (Хейдорд и Маргарита Фрай—Англия; Маньоль и Бикер—Франция; А. Стопатто—Италия; Мюллер—Голландия; Ангиоль—Венгрия и Везель—Чехословакия). Следующая резолюция была единогласно принята:

„Должны быть приняты все меры к тому, чтобы в соответствующих случаях выносились иные приговоры нежели тюремное заключение.

В частности:

а) система попечительного надзора должна быть расширена как только возможно;

б) должна быть расширена система штрафов, чтобы возможно чаще заменять штрафом тюремное заключение".

Третий вопрос первой секции, вопрос о неопределенных приговорах неоднократно обсуждался на различных международных конгрессах. Он стоял в программе не только Брюссельского и Вашингтонского Тюремных Конгрессов, но также III, VI и VII-го Конгресса антропологов (в 1892, 1906 и 1913 г.г.) и ряда съездов международного союза криминалистов (1893, 1910, 1913 и др. г.г.). Громадная литература по этому вопросу, насчитывающая наряду с убежденными противниками неопределенных приговоров, целый ряд различных группировок среди их сторонников, нашла свое отражение и на Лондонском Конгрессе. Крайними полюсами в этом вопросе явились доклады мадридского профессора Жимено Д'Ашуа и французского криминалиста Хюгне. В то время, как первый в качестве „научного принципа" принимает систему абсолютно неопределенных приговоров без минимального и максимальных сроков для всех классов преступников и для всех видов лишения свободы,—второй заявляет, что „мы, французы, к ним (т.-е. неопределенным приговорам) питаем непреодолимое отвращение, так как они оскорбляют ту „старую догму права человека и гражданина", над которой другие страны могут насмехаться, но которой мы, вспоминая нашу собственную историю, остаемся верно, слепо, страстно преданными". Однако, и сторонник абсолютно-неопределенных приговоров, Д'Ашуа, совершенно справедливо указал на ту опасность, которую таит в себе широкое допущение таких приговоров. По Д'Ашуа она состоит в возможности нарушения „права индивидуальной свободы" и может выразиться в чрезмерно долгом содержании неумелого несчастного и в преждевременном освобождении ловкого и искусного. Однако, этот докладчик не делает дальнейшего необходимого вывода и не указывает на не менее серьезную опасность использования реакционными правительствами неопределенных приговоров, как орудия расправы со своими политическими противниками. Этот момент, правда, слабо, но все же был отмечен в докладе будапештского профессора Балога.

Самый вопрос о принципиальной желательности приговоров был в сущности предрешен, тем более, что в положительном смысле он был разрешен еще на Вашингтонском конгрессе 1910 г. С тех пор принцип неопределенных приговоров сделал большие завоевания. Соединенные Штаты первые широко восприяли его. В Австралии, в Новой Зеландии эти приговоры допускаются в отношении к привычным и неисправимым преступникам. Для последних законодательство Трансвааля допускает даже абсолютно-неопределенные приговоры. В Англии они введены в 1908 г. Prevention of Crime Act, как мера воспитательная для юных правонарушителей в борстальских учрежде-

ниях и как мера превентивная для профессиональных или привычных (habituals) преступников. В той или иной степени эти приговоры введены уголовными кодексами Норвегии (1902 г.) и проектами Швейцарским (1918 г.), Германским (1918 г.), Австрийским (1912 г.) и др.

Как указывает в своем докладе Д'Ашуа, неопределенные приговоры введены и нашим уголовным кодексом 1922 г. И это не без основания. Двое из докладчиков, стокгольмский профессор Штьернберг и французский прокурор Кулон выдвинули положение, известное в нашей пенитенциарной литературе, что возможность применения условно-досрочного освобождения (и права помилования) в сущности превращает всякий определенный приговор в относительно неопределенный.

Однако, современное почти всеобщее признание относительно неопределенных приговоров для особо опасных рецидивистов не удовлетворило организаторов Конгресса. Как мы видели выше, в Лондоне вопрос стоял уже о границах и распространении неопределенных приговоров не только на тяжелые, но и на другие преступления. Резолюция конгресса, недостаточно конкретная и точная, санкционировала любое расширение границ неопределенных приговоров, а именно:

„Законы каждой страны должны определять, должны ли быть установлены максимальные сроки неопределенных приговоров и в каких случаях. В каждом случае должны быть установлены гарантии и правила условного освобождения и приспособления заключенного, согласно национальных условий".

По четвертому вопросу первой секции—о мерах облегчения судейского применения принципа индивидуализации наказания было представлено сравнительно мало докладов,—а именно: пять (американского тюремного деятеля Бетса, американского же криминалиста-практика Бэттлера, секретаря венгерского министерства иностранных дел Иштвани, брюссельского адвоката Сассерата и Лондонского судьи Холла).

Выводы докладчиков полностью отразились в следующей пространной резолюции конгресса:

В уголовном процессе всех стран существенным условием является выяснение судьей всех обстоятельств, относящихся к характеру, предшествующей жизни, поведению и образу жизни преступника, а также всего остального материала, который может быть нужен для вынесения справедливого приговора.

Практически—

1) Уголовный закон должен предоставить судье выбор наказаний и других мер предупреждения и защиты и не должен ставить строгие границы правомочиям суда. Он должен дать судье только общие указания и предоставить ему свободу в применении принципа индивидуализма.

2) Суды должны быть как можно больше индивидуализованы и, в частности, суды для несовершеннолетних должны быть отделены от судов для взрослых.

3) Занятия юриспруденцией должны быть дополнены криминологией. Все, желающие стать судьями, должны быть обязаны прослушать лекции и провести практические работы по психологии, социологии, судебной психиатрии и пенологии.

4) Судьи должны посвятить себя исключительно и навсегда уголовному праву и должны иметь возможность совершенствоваться в этой области.

5) Должны быть организованы курсы лекций для пополнения их знаний по криминологии. Они должны иметь полные сведения о тюрьмах и подобных учреждениях и должны часто посещать их.

6) Прежде чем определить наказание, судья должен иметь точные сведения о физических и психических особенностях, о социальной жизни подсудимого и о мотивах его преступления.

7) С этой целью судом должны быть расследованы все эти обстоятельства. Расследование должно производиться не полицией, а самим судьей или уполномоченными им на то лицами, которые должны быть в достаточном числе в его распоряжении.

8) Уголовный закон должен предоставить судье право получать информационные сведения от каждого, кто знает что-либо о личности преступника и о его социальной жизни.

9) Если этим путем судья не может получить достаточного представления о физических и душевных особенностях подсудимого, ему должно быть разрешено подвергнуть его обследованию врачем и психологом.

10) Судебный процесс должен быть разделен на две части: в первой следствие и решение вопроса о виновности; во второй должен быть обсужден и решен вопрос о наказании. При последней части публика и подсудимый удаляются.

Не останавливаясь на комментариях этой резолюции, заслуживающей самостоятельного разбора, переходим к трудам второй секции конгресса—административной.

Программа работ этой секции содержит следующие вопросы:

1) Если принять систему специального заключения, как средство репрессий в отношении некоторых рецидивистов, то какою властью это заключение должно быть назначаемо и как оно должно быть осуществлено.

2) Желательно ли установление в пенитенциарных учреждениях органов для научного изучения преступников.

Какое значение могут иметь эти органы для определения причин преступности и для установления индивидуального режима для заключенных.

Не следует ли использовать эти же органы в целях исследования обвиняемых, вызывающих сомнения со стороны умственных способностей, прежде чем они преданы суду.

3) Следует ли классифицировать заключенных по их характеру, по тяжести назначенного наказания или совершенного преступления в целях применения различного и соответствующего режима и как следует организовать для этого учреждения.

4) Какие правила следует установить относительно вознаграждения взрослых заключенных и относительно его использования во время и после заключения.

Как могут быть организованы контроль управления и расходования сумм, следуемых малолетним как заработная плата, или как награда, или по другому основанию в то время, когда они находятся под действием исполнения решения суда.

Наиболее видные представители западно-европейской науки уголовного права выступили докладчиками по первому вопросу—о превентивном заключении. Среди докладчиков—мы встречаем имена Гарофало, шведского криминалиста Тирена и французского ученого Ру. Особенно следует пожалеть об отсутствии на конгрессе докладчиков германских ученых по этому именно вопросу, так как и на конгрессе и в предшествующей ему литературе вопрос этот нераз-

рывно связывался с целым рядом других проблем (опасное состояние, меры социальной защиты и наказание и др.), в которых особенно много ценного внесли германские криминалисты.

Идея превентивного заключения особо-опасных рецидивистов нашла весьма откровенное выражение в цитировавшихся на съезде словах английского автора Р. Андерсона. Последний говорит: „если предположить, что в данный момент в тюрьмах находится половина всех рецидивистов, то ясно, что, если бы эта половина была на свободе, то число совершаемых рецидивистами преступлений удвоилось бы. Если же, наоборот, держать в тюрьме и вторую половину, то число совершаемых рецидивистами преступлений свелось бы к нулю". Это несколько упрощенное понимание приводит в своем последовательном развитии к выводу о необходимости пожизненного заключения особо-опасных рецидивистов, как это и имеет место в Relegation perpetuelle французского права.

Поскольку превентивное заключение особо-опасных преступников вводится большинством проектов уголовных уложений, а во многих странах уже введено в действие, вопрос на конгрессе шел лишь о том, какой властью, т. е. административной или судебной, это заключение должно устанавливаться и каким образом оно должно быть осуществляемо. Гарофало решительно высказался за судебную власть, считая при этом, что доказательство факта наличия опасного состояния должно быть обставлено такими же процессуальными гарантиями, как и доказательство всякого другого факта, являющегося предметом судебного разбирательства. На противоположной точке зрения стоял проф. Тирен, доказывавший, что только административная комиссия, состоящая из начальника тюрьмы, в которой отбывал наказание данный рецидивист, представителя суда, врачей-психиатров и других компетентных лиц,—может правильно разрешить вопрос о необходимости в каждом отдельном случае применения превентивного заключения. Большинство конгресса высказалось за предоставление права назначения превентивного заключения судебным органам.

Различные мнения были высказаны по вопросу о сроке превентивного заключения. Проф. Гарофало не высказался прямо по этому вопросу. Только вскользь он упоминает, что этот срок предполагается неопределенным. За неопределенный срок для рецидивистов-профессионалов высказался Ру. На этой же точке зрения стояли и докладчики Хорват (советник министерства юстиции в Венгрии) и др. Проф. Тирен говорил о заключении „пожизненном или на весьма продолжительное время". Конгресс стал на точку зрения сторонников неопределенного срока.

Немало внимания было обращено докладчиками на режим для превентивно-заключенных: должен ли он быть аналогичным общему тюремному режиму, или же должен быть более суров или, наконец, более мягким. Резолюция конгресса стала на последнюю точку зрения.

В согласии с большинством докладчиков, конгресс признал также, что в отношении превентивно-заключенных должно применяться условно-досрочное освобождение.

Одиннадцать докладов было посвящено второму вопросу,—вопросу пенитенциарному—об изучении личности заключенных. Шесть из докладчиков были медики, психиатры и антропологи, в том числе директор Отдела Пенитенциарной Антропологии в Бельгии, д-р Вервак. Четыре доклада принадлежали тюремным и судебным работникам и только один теоретику-тюрьмоведу, французскому профессору

Кюшу. По этому вопросу конгресс принял следующую резолюцию:

„Необходимо, чтобы обсужденные и неосужденные преступники исследовались с физической и душевной стороны квалифицированными специалистами врачами и чтобы специальные должности были введены с этой целью в пенитенциарных учреждениях.

Такая система должна помочь установлению биологических и социальных причин преступности и помочь установлению надлежащего индивидуального режима для преступников".

И следующий вопрос — о классификации заключенных — был одним их немногих чисто пенитенциарных вопросов, занимавших Конгресс. Правильная классификация заключенных является, как известно, задачей, от верного разрешения которой зависит успех исправительно-трудового воздействия. Не случайно поэтому большинство докладчиков по третьему вопросу—это практические тюремные работники. Не случайно и то, что из девяти международных тюремных конгрессов—вопрос о классификации заключенных занимал внимание трех конгрессов (Лондонского 1872 г., Будапештского 1905 г. и Лондонского 1925 г.). Но нужно вместе с тем признать, что из всех докладов, представленных конгрессу, наименьшую ценность представляют доклады по данному вопросу. Классификации, предложенные одними докладчиками, не представляют ничего нового. Классификации других вряд ли имеют практическое значение. К числу первых относится, например, классификация В. Альмквиста (директора тюремного ведомства в Швеции). Он делит заключенных по следующим группам: мужчины и женщины; осужденные на краткие сроки и осужденные на продолжительные сроки; молодые и более взрослые; заключенные одиночные, полуодиночные, т. е. работающие и совершающие прогулки с другими заключенными, но остальное время находящиеся в одиночках, и заключенные в общих камерах; работающие в самой тюрьме, работающие к концу срока наказания на тюремных полях и помещенные в сельско-хозяйственные колонии. К числу хотя и утонченных, но мало практически пригодных классификаций следует отнести следующую, дословно приводимую нами классификацию, предложенную А. Патерсоном (членом тюремного совета Англии).

„1) Осужденные впервые;

2) средняя группа;

3) рецидивисты. Нужно различать три группы простого рецидива:

a) индивидуумы, которые возвращаются в тюрьмы за преступления разных видов;

b) преступники, осуждаемые за одни и те же преступления, но не делающие тем не менее из преступления источника существования;

c) преступники стойкие и профессиональные;

4) неспособные по физическим и душевным особенностям к исправлению;

5) привычные преступники, которые должны быть под наблюдением на неопределенные периоды в условиях относительной свободы. К этому классу относятся рецидивисты по маловажным проступкам, а также виновные в нескольких преступлениях более тяжкого характера".

Мало нового и интересного, в особенности для советской пенитенциарии представляет и резолюция конгресса по этому вопросу. Приводим ее, однако, полностью.

1) Существенным условием тюремного режима является предупреждение порчи менее преступных заключенных более опытными в преступлениях.

2) После того как проведено обязательное деление по полу и возрасту и принято во внимание душевное состояние заключенных, должна быть осуществлена классификация, сообразно характера и способности к исправлению каждого заключенного.

3) Заключенные с краткими сроками должны подвергаться иному режиму, чем заключенные с длительными сроками, с тем, чтобы был установлен режим, подходящий для последних и непригодный для первых.

4) Различные категории заключенных должны помещаться отдельно друг от друга и, где это возможно, в различных зданиях, или в одном и том же учреждении под одним управлением, или в соответственных случаях в специальных учреждениях.

5) Трудно осуществлять необходимый индивидуальный режим для заключенных, если их в одном учреждении превышает 500.

Не больший интерес представляет для советской пенитенциарии и последний вопрос административной секции—о вознаграждении заключенных за труд. Вопрос этот разрешен ст. 70 Исправительно-Трудового Кодекса в единственно приемлемой для современного правосознания форме: заключенные получают за свой труд вознаграждение, нормы и порядок регулирования которого устанавливаются Народным Комиссариатом Внутренних Дел РСФСР по соглашению с Народным Комиссариатом Труда. При этом, как известно, из заработка заключенного не удерживается ничего за его содержание. С грустью приходится констатировать, что это право заключенного на вознаграждение за свой труд все еще не только не признано действующими правилами Европы и Америки, но было и отвергнуто IX-м Конгрессом". „Хотя государство и не обязано оплачивать принудительный труд заключенных, гласит резолюция Конгресса, но все же желательно поддержать их усердие к работе при помощи наград".

Но даже и эта подачка, которая бросается заключенному, подлежит различным ограничениям. Вместо всяких комментариев приводим подлинный текст резолюции:

„1) Хотя государство и не обязано оплачивать принудительный труд заключенных, но все же желательно поддержать их усердие к работе при помощи наград.

2) В тех случаях, когда вознаграждение принимает форму денежной оплаты, оно не может подлежать аресту. Как правило заключенный не может тратить его, делая платежи на стороне, исключая, быть может, случаев серьезной болезни в его семье, когда не имеется возможности получить бесплатную врачебную помощь, или в случае нищеты в его семье. Неприкосновенность этого вознаграждения не распространяется на суммы, принесенные заключенным в тюрьму или полученные им извне во время его заключения.

3) Желательно, чтобы вознаграждение (увеличенное или нет наградами за хорошую работу) было, между прочим, использовано для возмещения долгов заключенного своей жертве и государству.

4) Заключенный по его освобождении, не может на свободе распоряжаться своим вознаграждением так, как он хочет. Оно должно быть рассматриваемое, как находящееся у опекуна, который может тратить его в действительных интересах заключенного.

5) Несовершеннолетние должны быть в состоянии заработать сумму, достаточную для образования небольшого капитала, который должен дать им возможность достичь совершеннолетия. Меры предосторожности против расточительства должны применяться еще строже, чем в отношении взрослого.

Несомненный зато интерес представляет первый вопрос секции предупреждения:"

„Как организовать наиболее действительный контроль государственных органов, обществ и частных лиц за условно-осужденными и условно-освобожденными".

Среди семи докладчиков по этому вопросу отметим профессоров Гарро, Тормано и Бартолато. Проф. Гарро в своем докладе проводит ту мысль, что одной угрозы приведения приговора в исполнение (при условном осуждении) или возвращении в тюрьму (при условно-досрочном освобождении) недостаточно для того, чтобы устранить опасность рецидива. Кроме этой угрозы нужна еще помощь условно-осужденному и условно-освобожденному: они должны получить поддержку в своих усилиях честно вести себя не только в отношении их самих же, но и в отношении безразличия или даже враждебности социальной среды. Помощь эта должна выразиться в патронате и в попечительном надзоре. Если обращение за помощью в патронат добровольно, то подчинение попечительному надзору, полагает Гарро, должно быть обязательным. Наоборот, проф. Бартолато считает обязательный попечительный контроль несовместимым с юридическим положением условно-освобождаемого или осуждаемого. Для докладчика надзор является лишь одним из видов помощи, оказываемой патронатом, обращение за которой является добровольным.

Значительное место в остальных докладах уделено было вопросу об органах надзора. Должен ли надзор осуществляться органами полиции, или специальными государственными чиновниками (Probation Officers Англии и Америки), или, наконец, частными обществами, носящими благотворительный характер. Проф. Финкей высказался за возложение обязанности надзора на органы юстиции; Моризо-Тибоза— за совместный надзор полиции и патроната. Некоторые докладчики предлагали, чтобы каждому условно-осужденному или освобожденному назначался специальный патрон. Это станет понятным при незначительном числе условно-освобождаемых в Европе. Укажем для примера Францию, где в 1922 г. из 2043 представленных к досрочному освобождению было освобождено 490 человек, а в 1923 г. из 1117—491 осужденных.

Конгресс принял по этому вопросу следующую резолюцию:

Контроль над лицами условно осужденными или условно-освобожденными не должен осуществлять полицией. Организация должна состоять или из частных обществ, денежно поддерживаемых и контролируемых государством, или из официальных, или полуофициальных учреждений, оплачиваемых государством и находящихся в распоряжении суда (вне какой-либо связи с полицией). Для всех лиц, условно-освобожденных, наблюдение обязательно. Добровольное подчинение наблюдению допускается только для лиц, полностью отбывших срок приговора.

Должно быть заключено международное соглашение между центральными обществами всех стран для наблюдения над теми освобожденными, которые уезжают из страны, в которой они были осуждены, в другую страну.

Преимущественно уголовно-розыскной характер имеет второй вопрос секции предупреждения:

„Каким образом сделать наиболее успешной борьбу в каждом государстве против так-называемых международных преступников".

Большинство докладчиков по этому вопросу были практики — представители прокуратуры и тайной полиции. Докладчики указывали, что только в рамках международных соглашений возможна борьба с этими преступниками, которые не знают государственных границ, особенно при современных быстрых способах передвижения. Конгресс вынес следующую резолюцию по этому вопросу:

„Борьба с преступниками будет облегчена, если различные государства договорятся о том, чтобы была допущена непосредственная связь между судебными и полицейскими властями различных государств в целях скорейшего задержания определенных групп преступников или для обмена информациями об опасных преступниках. Каждое государство должно уполномочить центральную полицейскую власть сообщаться непосредственно и без ненужных осложнений с соответствующими властями других государств".

Усиленного внимания Конгресса не мог не привлечь третий вопрос секции предупреждения:

Какой метод является наилучшим для предохранения молодежи от развращающего влияния некоторых картин, и особенно в кино, воспроизводящих преступные или безнравственные действия.

Победоносное шествие кинематографа по всему миру, его блестящие технические и художественные достижения, все растущее применение его в области науки и просвещения, скрывают за собой другое его лицо: стремление в погоне за наживой спекулировать на фильмах, вызывающих нездоровые чувства, изображающих в заманчивом виде преступления и преступников или расчитанных на возбуждение половых инстинктов. Особенно сильное развращающее влияние подобных фильм на детей слишком хорошо известно, чтобы на нем останавливаться. Не менее несомненна и связь кино с детской преступностью, вызвавшая уже большую литературу. Вот почему вопрос на Конгрессе шел не о доказательстве развращающего влияния некоторых фильм на молодежь, а о принятии действительных мер борьбы с ними. Эта задача являлась тем более трудной, что финансовая мощь некоторых кинематографических предприятий в капиталистических странах настолько сильна, что борьба с ними оказывается подчас не под силу даже и закону. Вот почему представитель Америки И. Райт, повидимому достаточно уже изверившийся в действительность других мер борьбы, свой краткий доклад начинает словами: „есть только одно место, на котором можно радикально бороться с демонстрированием фильм, имеющих тенденцию вызывать преступность и безнравственность—это место, где фильмы фабрикуются". Другое радикальное требование было выставлено Словером (Бельгия), Казабианкой (Франция) и др. Это абсолютное запрещение детям до 16 лет посещение общих кинематографов. Однако, по известным нам соображениям Конгресс не принял ни того, ни другого предложения и ограничился следующими весьма общими пожеланиями, не имеющими особого практического значения:

1) Действительная цензура фильм должна быть введена во всех странах, главным образом, с целью защиты молодежи. Необходимо принять специальные меры для контроля над кинематографами и для приведения в исполнение решений цензуры.

2) Цензура не должна ограничиваться вопросами непристойности, но должна иметь в виду все то, что может испортить или развратить молодежь.

3) Необходимо организовать специальные сеансы со специальными фильмами для молодежи.

4) Государство должно субсидировать организации для производства фильм, имеющих действительную ценность для молодого поколения и для публики вообще.

5) Вопрос о фильмах имеет международное значение и должен регулироваться международными договорами. Каждое государство должно делать все возможное для того, чтобы воспрепятствовать вывозу осужденных им фильм в другие страны.

6) Что касается всяких иных картин, то все государства должны, по мере возможности, ускорить введение в действие международной конвенции от сентября 1923 г. о неприличных произведениях печати.

Вопрос о ненормальных (отсталых, слабоумных и т. п.), обнаруживающих социально-опасные наклонности, занимает международные конгрессы и криминологическую литературу с последних лет прошлого столетия. На Парижском Конгрессе 1895 г. вопрос шел о лицах невменяемых или с пониженной вменяемостью; на Будапештском—1905 г.—о специальных учреждениях для лиц с пониженной вменяемостью и для закоренелых алкоголиков; на Вашингтонском—1910 г.—о преступниках-алкоголиках. Криминологическая литература посвятила за этот же период времени исключительно усиленное внимание душевно-больным преступникам и обще—опасным душевным больным. На Лондонском конгрессе вопрос шел о ненормальных, обнаруживающих опасные влечения. Все докладчики по этому вопросу подходили к нему с точки зрения превентивного заключения, считая при этом второочередной целью—лечение и перевоспитание. Ни в одном из девяти докладчиков самый вопрос о необходимости такого заключения не вызвал сомнений. Подымались лишь вопросы, какая власть, т.-е. суд или административные органы, должны выносить постановления о заключении. (Проф. Деляки—с ответом в пользу суда); каков должен быть срок заключения (Совар и Геллер—с ответом в пользу относительно-неопределенных сроков), должно ли быть применяемо в данном случае досрочное освобождение (Совар, Поль Бонкур и Кан—с положительным ответом) и др. Все поднятые вопросы нашли ответ в следующей принятой Конгрессом резолюции:

1) Желательно, чтобы взрослые, обнаруживавшие опасные наклонности, направлялись судебными властями в учреждения и колонии не карательного характера, в которых они должны оставаться до досрочного освобождения, предоставляемого компетентными властями, которым должны помогать наблюдательные комитеты в каждом учреждении.

2) С несовершеннолетними этой же категории следует поступать точно также, но в специальных учреждениях, если профилактические меры не помогли.

3) Условное освобождение, действительный патронат и тщательное наблюдение над такими лицами, освобожденными из учреждений, являются абсолютно необходимыми мерами.

4) С точки зрения общественного благополучия необходимо развитие учреждений для душевной гигиены и профилактики, которые должны дать нам возможность открыть каждый случай ненормальности и душевных дефектов.

Таковы в самых общих чертах труды IX Международного Конгресса. Как мы видим, на Конгрессе этом было затронуто так много глубоких и принципиально важных вопросов, а материал, предложенный Конгрессу в виде столь многочисленных докладов, настолько значителен и по объему и по интересу, что проработка трудов Конгресса потребует несомненно еще немалого времени и явится предметом не одного специального исследования.

Нужно полагать, что труды Конгресса окажут известное влияние и на законодательство стран—участниц Конгресса. Придавать им впрочем, в этом отношении большое значение не приходится. Тюремное заключение все еще является для западно-европейской криминологической и пенитенциарной мысли фетишем, борьба с которым требует больших усилий и длительного времени.

Нужно, однако, надеятся, что многочисленные мелкие „тюремные реформы“ мало по существу что-либо изменяющие, уступят место действительной реформе и что старый „тюремный дух“, который все еще царит в каменных мешках, мертвых домах и кладбищах живых,—исчезнет под напором молодого веяния жизни.

Б. Утевский.

Городская и сельская преступность.

Статистическое наблюдение издавна указывает на различие преступности города и деревни. По количеству уголовных дел, численности осужденных, города обычно идут впереди сельских местностей. Даже больше того, статистические исчисления показывают что в пределах одного государства преступность тем выше, чем более городской характер имеет та или другая местность.

Большинство исследователей совершенно сходятся в объяснении этого явления. Значительная часть обитателей городов имеет далеко не постоянный заработок, их благополучие зависит от меняющейся экономической конъюнктуры и подвержено колебаниям и случайностям. Наплыв свободных сил из деревни, безработица, ожесточенная конкуренция и т. д. делают материальное благосостояние многочисленных слоев городского населения неустойчивым, особенно в эпоху кризисов.

Материальная необеспеченность, болезни, алкоголизм процветают в городах и имеют своим последствием переход части населения в деклассированные элементы. Вместе с тем города с их магазинами, роскошью возбуждающе действуют на неустойчивые элементы.

Наконец, в городе преступление совершить и укрыть следы его легче, чем в деревне; имеется больше богатых людей, учреждений, легче сбыть полученное путем преступления; поэтому профессионалы преступники естественно в своей огромной массе предпочитают город. К тому же город дает возможность бесконечных „развлечений“, которые так свойственны профессиональному преступнику.

Надо заметить, что есть единичные голоса, которые пытаются объяснить интенсивность городской преступности более энергичной там деятельностью розыскных органов, а также интенсивностью городской жизни, приводящей к большему числу столкновений, усиленным социальным общением, *в частности денежным и товарным оборотом, приводящим к увеличению различных обманов.*

Эти последние доводы могут, однако, быть признаны убедительными лишь отчасти, так как наличие в городах деклассированных элементов, профессионалов преступников и громадное количество именно краж (а не только мошенничеств) не согласуются с ними.

Тогда как мошенничества, кражи, подлоги, подделки (имущественные преступления) более часто совершаются в городах, убийства, телесные повреждения (преступления против личности) выше в сельских местностях.

Таким образом, если городская преступность направлена против собственности и объясняется вышеупомянутыми общественно-экономическими условиями, сельская преступность направлена против личности и объясняется грубостью и темнотой деревни. Опубликованные в настоящее время данные *милиции и уголовного розыска* о возникших в городе и деревне преступлениях в высокой степени интересны для нашей темы, так как они охватывают наиболее существенную часть преступности, притом при самом ее возникновении, и содержат сведения о различных видах преступности. К сожалению, вследствие разных причин, *эти данные весьма неточны, выверка их и исчисления требуют большой работы.* Тем не менее, *с грубым приближением мы их используем.*

Числа возникших в судебных учреждениях уголовных *дел*, как показал анализ их, являются наиболее, для интересующего вопроса, полным, устойчивым материалом, *к сожалению грубо суммарным.*

Наконец, сведения *об осужденных судебными* учреждениями *совершенно расходятся в отношении города и деревни с остальными данными.* Значительная доля осужденных падает на так называемые преступления против порядка управления, именно: на лесопорубки и уклонения от налогов и повинностей. Так как по этим делам зачастую бывает громадное количество осужденных (в отличие от краж, напр., когда одному преступнику вменяется несколько преступлений), то числа осужденных и не идут параллельно возникающим или разрешенным делам. В земледельческих местностях, например, большое число осужденных, но совсем не большое число дел, в городах же наблюдается обратное явление. Мы приводим и данные об осужденных, хотя эти данные и не дают, по указанной выше причине, вполне ясной картины.

Располагая имеющиеся в нашем распоряжении данные о преступности и другие (на 1000 населения) по районам в нисходящем порядке по % городского населения, получаем за 1922 и 1923 г. нижеследующую таблицу [1]):

---

[1]) Математическая статистика дает возможность вычислить так называемые коэффициенты корреляции, показывающие связь двух явлений. Коэффициенты выражаются дробью и колеблются от 0 до 1. Чем меньше дробь, тем меньше зависимость явлений одного от другого и, наоборот, чем больше дробь приближается к 1, тем в большей степени связаны между собой. Полное отсутствие связи выражается 0 и полная зависимость 1. Если у дроби положительный знак (+), то это значит, что связь между явлениями прямая, т. е. чем больше одно явление, тем больше и другое; если у дроби отрицательный знак (—), то между явлениями обратная зависимость, т. е. чем больше одно явление, тем меньше другое. Для того, чтобы сказать насколько связаны два явления, кроме коэффициентов вычисляют поправки и частное от деления коэффициента на поправку (во сколько раз коэффициент превышает поправку) показывает зависимость одного явления от другого. Проф. П. А. Вихляев в „Очерках теоретической статистики" говорит, что превышение в 4 раза является показателем большой зависимости.

Таблица № 1.

РАЙОНЫ.	% гор. насел. по перепи. 1923 г.	Возникло уг. дел в нарсудах.		Возникло в милиции дел:							Количество лошадей на 1000 населения.	Число поступ. в ком НКП несов.	Осужденных нарсудами.	
		1922	1923	Кража и скуп. крад.	Мошенничт.	Разбой и грабеж.	Тайное винокурен.	Телесн. повредж.	Убийство.	Конокрадство.			1922 г.	1923 г.
	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	14
Крымск. респ.	42,3	—	36,9	4,9	0,35	0,97	1,73	0,59	0,26	0,20	73,2	—	5,90	9,83
Астраханская губ. . .	39,0	42,5	33,3	6,6	0,23	0,40	5,91	0,47	0,16	1,58	111,2	1,40	5,67	6,27
Сев.-Западн. .	30,5	34,8	35,8	5,0	0,55	0,21	3,52	0,44	0,22	0,45	139,3	1,25	23,23	29,93
Москов.-пром. .	24,8	25,7	25,4	4,6	0,39	0,19	5,57	0,48	0,14	0,31	127,4	1,08	17,94	15,58
Белоруссия . .	16,9	34,9	28,3	2,3	0,20	0,30	2,58	0,54	0,26	0,97	198,5	0,29	36,31	20,00
Уральский . .	15,7	23,3	18,9	2,3	0,30	0,18	5,30	0,48	0,22	0,68	224,8	0,26	11,99	12,90
Крайний сев. .	15,4	28,8	20,1	2,3	0,29	0,06	1,80	0,67	0,14	0,08	134,8	0,45	11,72	11,55
Западный . .	14,6	23,8	26,8	1,7	0,14	0,20	3,71	0,27	0,21	0,68	224,7	0,33	14,17	21,08
Волжский . .	13,8	19,1	20,9	2,0	0,19	0,12	4,24	0,33	0,11	0,41	126,1	0,38	8,27	12,94
Сибирь	11,8	17,6	19,1	2,0	0,26	0,25	3,84	0,28	0,22	0,81	387,3	0,32	6,00	10,45
Киргизия . . .	10,2	—	—	0,7	0,08	0,11	1,12	0,10	0,06	0,59	305,4	0,10	—	—
Цент.-Земледел .	9,5	18,4	19,0	4,5	0,14	0,13	3,95	0,32	0,13	0,46	129,9	0,31	13,08	13,76
Волжск.-Камск	7,0	19,9	16,8	1,3	0,20	0,13	2,90	0,32	0,13	0,37	133,3	0,20	13,96	13,18
Северный . .	7,2	19,8	18,2	2,3	0,17	0,05	2,08	0,47	0,23	0,23	174,0	0,66	40,36	20,25
Башкирия . .	6,6	6,8	15,4	1,1	0,17	0,10	2,98	0,23	0,14	0,47	149,5	—	5,20	9,37
В среднем .	15,3	21,8	22,0	2,4	0,24	0,17	3,94	0,36	0,16	0,50	179,2	0,50	13,90	14,79

Если исчислить коэффициенты корреляции между % городского населения и величиной преступности по таблице № 1, а также между числом скота и конокрадством, то получим:

Корреляционные ряды.	Коэффиц. коррел.	Поправка	Во сколько раз коэфф. превышает поправку.
1. % городск. насел. и число поступ. в суды угол. дел в 1922 г.	+0,85	0,08	11
2. Тоже в 1923 г.	+0,92	0,04	23
3. % городск. насел. и число краж в 1923 г.	+0,83	0,08	10
4. „ „ „ „ мошенничеств в 1923 г.	+0,61	0,16	4
5. „ „ „ „ разбоев и грабежей в 1923 г.	+0,80	0,09	9
6. % городск. насел. и число тайного винокурения в 1923 г.	+0,16		
7. % городск. насел. и число телесных повреждений в 1923 г.	+0,21		
8. % городск. насел. и число убийств в 1923 г. . .	+0,08		
9. „ „ „ „ конокрадств в 1923 г.	+0,10		
10. Число скота на 1000 душ насел. и конокрадство в 1923 г.	+0,55	0,19	3
11. % городск. насел. и число осужд. в 1922 г. . . .	—0,17		
12. „ „ „ „ „ в 1923 г. . . .	—0,07		
13. „ „ „ „ несовершеннолетних в комиссиях НКП	+0,88	0,06	15

Отсюда мы видим громадную зависимость между % городского населения в том или ином районе („урбанизацией" населения) и числом поступивших в суды уголовных дел, числом краж, мошенни-

честв, разбоев и грабежей и числом поступивших в комиссии НКП несовершеннолетних. Другие преступления: тайное винокурение, убийства, телесные повреждения, конокрадство, а также числа осужденных, не обнаруживают такой зависимости от городского характера местности. А вычисление коэффициента корреляции между количеством скота (10) и конокрадством обнаруживает, что величина этих преступлений зависит от числа скота: чем больше в данной местности скота, тем чаще его крадут.

Таким образом, даже по этим весьма не точным данным видно, что интенсивность уголовной преступности тем выше, чем больше % городского населения в районе. С другой стороны более заметно влияние города на кражах, разбоях и грабежах и мошенничествах, чем на других преступлениях.

Выше уже указывалось, что современные данные об осужденных в общей массе мало пригодны для характеристики напряженности преступности, и приведенная таблица (а также коэффициенты корреляции) это подтверждают в полной мере. Но если данные об осужденных рассматривать не суммарно, а по отдельным преступлениям, то и они обрисовывают различие в характере городской и сельской преступности.

Действительно, в опубликованных суммарных данных за 1922 г. [1]) отмечалось, как исключительно „уездное преступление“ нарушение правил об охране лесов, охоте, пользовании земли.

Самоуправство также дает 89,2% всех преступлений в уезде, убийства в драке—98,2%, вообще убийства—82,8%, наконец резко уездными оказались различные виды повреждений имущества (в том числе поджог). Напротив, более городскими оказались: подделка платежных знаков, нарушение правил о труде, об охране народного здравия, о печати.

В настоящее время имеется возможность привести данные по самым разнородным преступлениям, как за 1922 г., так и за 1923 г. и за 1-ю половину 1924 г. [2]). Выбирая более характерные или многочисленные преступления и располагая осужденных мужчин в нисходящем порядке по %% совершивших преступление в городах в 1922 г. получаем следующие ряд:

Таб. № 2.

НАЗВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.	Из общего числа мужчин, осужденных за каждое преступл. приходилось на соверш. его в городе в %		
	1922 г.	1923 г.	1-е пол. 24 г.
Растрата и порча казен. имущ. военнослужащими . .	75,7	75,9	79,2
Неисполнен. воинских приказаний	74,4	86,2	90,8
Наруш. правил о труде	67,7	67,8	62,4
Подделка госуд. платежн. знаков	65,2	50,5	56,1
Мошенничество	60,3	64,1	60,4
Покупка и скупка краденого	59,3	60,0	59,2
Вымогательство и шантаж	58,2	44,2	42,5
Взлом тюрем и побег из-под стражи	58,2	53,5	55,9
Присвоен. и растрата казен. имущест.	53,1	55,3	51,2

[1]) „Бюллетень ЦСУ“ № 84 стр. 118 ст. М. Н. Гернета и Д. П. Родина.
[2]) Материалы ЦСУ.

НАЗВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.	Из общего числа мужчин, осужденных за каждое преступл. приходилось на совершив. его в городе в % %		
	1922 г.	1923 г.	1-е пол. 24 г.
Наруш. правил о торговле и промышл.	52,8	59,8	57,9
Подлог (подделка)	50,7	46,1	42,0
Взяточничество	47,6	41,9	32,7
Дискредитирование власти	45,7	39,9	44,2
Служебный подлог	45,2	51,4	54,0
Злоупотр., превышен. и бездейств. власти	43,4	42,6	46,2
Кража	39,1	49,8	45,3
Разбой и грабеж	35,5	44,7	37,0
Приготовлен. и сбыт спиртн. напитк. (самогон)	33,6	19,6	14,1
Оскорблен. и неуважен. власти	29,0	38,3	34,2
Массов. беспорядки и бандитизм	28,0	18,1	18,5
Оскорблен. словом и действ.	27,3	32,4	32,6
Присвоен. и растрата части. имуществ.	25,2	34,2	31,7
Наруш. правил о записи акт. гражд. сост.	23,2	26,5	21,1
Умышлен. убийство	14,9	11,4	9,7
Удары, побои, насил. над личн.	10,9	14,9	13,3
Самоуправство	9,3	13,5	10,1
Поджог	7,8	12,8	10,2
Уклонен. от госуд. повин. и налогов	4,2	5,7	4,3
Наруш. правил об охране лесов. охоте, рыбн. ловле и т. д.	1,1	1,3	1,7

Т. о. мы видим, что на первых местах в городе идут воинские преступления, затем квалифицированные виды имущественных преступлений: скупка краденого, вымогательство и т. д., затем служебные преступления, за ними примитивные имущественные преступления: кражи и разбой с грабежами. Менее всего городскими являются: убийства, удары, побои, самоуправство, поджоги, уклонение от повинности и налогов, на самом конце нарушение правил об охоте, рыбной ловле и т. д.

Не трудно объяснить причины такого распределения. Растрата и порча имущества военнослужащими („промотание“) и неисполнение приказаний военнослужащими совершаются в городах вследствие местонахождения войск главным образом в городах.

„Нарушение правил о труде“ является преимущественно городским преступлением, так как именно в городах наемный труд более применим, с одной стороны, а с другой—и наблюдение за охраной труда в городах ведется энергичнее, чем в сельских местностях.

Следующие 4 преимущественно городские преступления, являясь имущественными, „корыстными“, отличаются от краж (наиболее частого вида посягательства на чужое имущество) так сказать „квалифицированным“ составом исполнителей. Подделка денег, мошенничество, покупка и скупка заведомо краденого, вымогательство и шантаж—в сельской местности, среди земледельцев, не могут находить широкого применения, так как для совершения их требуются технические приспособления, повышенный уровень развития преступника и т. п. К этим же преступлениям должно отнести и несколько ниже стоящий подлог. Почти вся масса должностных (служебных) преступлений располагается группой одно за другим; это в значительной мере объясняется тем обстоятельством, что все они совершаются слу-

жащими, составляющими твердый % в массе как городского, так и сельского населения.

Конец ряда отмечен преступлениями против личности с одной стороны и таким всегда сельским преступлением как поджог, а далее идут уклонения от повинностей и налогов и нарушения правил об охране лесов (лесопорубки) и т. д.

Из этого видим, что в современных условиях как и всегда преступность, направленная против личности, свойственна деревне в большей степени чем другие преступления.

Если принять во внимание, что по взятой нами территории % городского населения равняется 15, то лишь по незначительному числу из взятых нами преступлений деревенская преступность интенсивнее городской [1]): умышленные убийства, самоуправство, побои, поджоги, уклонения от повинностей и лесопорубки, а за последние годы сюда еще следует присоединить изготовление самогона.

Влияние города проявляется не только в роде совершаемых преступлений, но и в *составе* преступников.

В настоящее время есть возможность выявить половой состав преступников в зависимости от места преступления.

Издавна известно, что в городах женщины интенсивнее участвуют в преступности, чем в сельских местностях. Никакого сомнения в объяснении этого явления быть не может. Так, где (как это имеется в городе) женщина выступает энергичнее на рынке труда и общественном поприще, она принуждена чаще сталкиваться с законом.

Конечно и пол, как таковой, проявляется в преступности. Убийство новорожденного ребенка, например, совершает чаще мать его, изнасилование и растление, наоборот, мужские преступления, хотя соучастницами изредка выступают и женщины. Убийцы самосудом, разбойники и т. д. также обычно мужчины, поскольку для совершения этих преступлений требуется физическая сила. Но гораздо больше особенности женской преступности зависят от ее социального положения. В тех социальных группах, где наблюдается в высокой степени тот или иной вид мужской преступности, также и среди женщин данное преступление встречается чаще. Например, разбой и грабежи присущи как мужчинам, так и женщинам из деклассированных элементов. В покупке и скупке краденого виновными являются весьма часто кустари и ремесленники—как мужчины так и женщины. Городские огородники, рыболовы и т. п. сельские хозяева, проживающие в городах, весьма часто бывают виновными в ударах, побоях и других насилиях над личностью, при чем это в равной мере относится как к мужчинам так и женщинам [2]). Подобных примеров можно бы привести весьма много, и интенсивность преступности в связи с урбанизацией населения дает новое этому доказательство. Раз мужская преступность в городах более интенсивна, то и женщины здесь более часто выступают нарушителями закона. Располагая женские преступления по % совершенных в городах в нисходящем порядке (по 1922 г.), имеем по более интересным (с точки зрения женской преступности) рубрикам:

---

[1]) Необходимо, однако, оговориться, что данные об осужденных в сельских местностях более дефективны чем в городах, что до некоторой степени отразилось на повышении городского процента по всем преступлениям.

[2]) См. Д. П. Родин. Социальный состав осужденных в 1923 г. Бюллетень ЦСУ № 93.

Таб. № 3.

НАИМЕНОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ.	Из общего числа женщин, осужденных за каждое преступление, приходилось на совершивших его в городах (в %%).		
	1922 г.	1923 г.	1924 г.
Принужден. к запят. проституц. сводн. и разврат	92,1	84,8	89,1
Подделка госуд. платеж. знак.	79,1	66,9	55,6
Служебн. подлог	78,1	66,7	83,8
Наруш. правил о труде	75,0	84,5	78,0
Наруш. прав. о занят. промыш. и торг.	73,7	76,2	71,3
Взлом тюрем и побег	65,0	56,8	65,4
Подлог (поддел. бумаг и докум. кроме госуд.).	67,9	72,2	74,4
Мошенничество	66,9	74,1	69,1
Покупка и скупка заведомо краден.	63,7	64,7	71,2
Приготов. и сбыт спиртн. напитк. (самогонка)	62,4	39,1	30,8
Злоупотр. власт., превышен. и бездейств.	61,5	67,1	79,2
Нар. прав. публичн. порядка	49,2	50,7	53,9
Взяточничество	48,8	48,7	42,8
Разбой и грабеж	46,4	63,2	45,5
Кража	44,6	53,8	51,8
Ложн. донос и лжесвидет.	41,8	44,5	47,8
Наруш. правил о записи акт. гражд. сост.	44,4	48,5	46,3
Присвоение и растрата	39,7	47,8	52,6
Оскорблен. и неуваж. власти	38,4	51,8	47,4
Оскорблен. словом и действ.	38,9	46,1	50,4
Массов. беспорядки и бандитизм	33,1	33,3	21,7
Клевета	30,7	38,6	41,4
Самоуправство	29,2	31,8	28,8
Сопротивл. и неисп. законн. требован. власти	27,1	31,7	30,6
Наруш. правил о видах на жител.	27,1	24,1	23,8
Умышлен. убийство	24,7	20,2	19,8
Удары, побои, насил. над личн.	24,3	30,5	28,5
Поджог	9,5	7,9	23,3
Уклонен. от государ. повин. и налог	3,1	7,4	3,2
Наруш. правил об охране лесов	3,0	3,8	5,1

Нельзя не признать, что распределение женской преступности по нисходящему ряду аналогично выше рассмотренным данным о мужчинах: подделка денег, наруш. правил о труде, взлом тюрем, наруш. правил о торговле и промышленности, квалифицированные имущественные преступления, вроде скупки краденного, мошенничества, подлоги—идут в числе наиболее часто совершаемых в городах. Посредине располагаются, как и в мужских рядах, служебные преступления, а также более примитивные имущественные преступления: разбой, грабеж и кражи.

Преступления против личности у женщин, как и у мужчин, идут во второй половине ряда (кроме такого городского преступления, как „сводничество“), а в конце идут сельские преступления: поджог, уклонение от государственных повинностей и налогов и нарушения правил об охране лесов (лесопорубки).

Далее, сравнивая ряды женской и мужской преступности, можно видеть, что % женщин, совершивших преступление в городах, по всем преступлениям выше такого же % мужчин. Это значит, что по сравнению с мужчинами в городе женщины интенсивнее участвуют в преступности, чем в деревне. В особенности это становится ясным,

если принять во внимание, что % горожанок в общей массе женского населения таков же, как и % мужского городского населения—15%.

Кроме этих данных о различии в городской и сельской преступности имеются некоторые сведения о различии предварительного до суда содержания под стражей и репрессии [1]).

Предварительное заключение под стражу в деревне вообще применяется по все группам преступлений *реже*, чем в городе, очевидно вследствие того, что чаще нет опасений об уклонении от суда сельского жителя, нежели горожанина. Зато если деревенский преступник попадает под стражу, то он проводит в предварительном заключении больше времени, чем городской преступник. Видимо это происходит вследствие необходимости препровождать арестованного из деревни в город, большей трудности ведения в деревне дознания, предварительного следствия и т. п.

По одинаковым группам преступлений наказания, наложенные на сельских преступников, мягче, нежели применяемые к горожанам. Объясняется это, видимо, отсутствием среди первых большого числа социально-опасных элементов (в частности рецидивистов), которые, конечно, в большей степени имеются в городах.

Д. Родин.

Мужеубийцы.

Супругоубийство, как и вообще убийство родственников, всегда совершалось женщинами, изолированными в семейном кругу, чаще, чем другие виды убийства, кроме преступлений против жизни ребенка. При обследовании женщин-убийц, произведенном нами в Новинском Исправдоме, на супругоубийство падало 28%. Все обследованные нами случаи супругоубийства, из коих 3 являются покушениями, а 10 законченными убийствами, распадаются на 3 группы: 8 случаев убийства, совершенного из желания избавиться от мужа, 4 случая убийств из ревности и 1 случай убийства, совершенного во время пьяной драки. Самой крупной и интересной по бытовому материалу является первая группа. О женщинах, убивших мужей из желания от них избавиться, говорит и Вульфен в своей книге „Женщина, как половая преступница“, в отделе, посвященном группе „насильственных убийц“; и здесь он, как исключение, выдвигает не только половой, но и социальный момент. Причиной этого вида убийства является „почти всегда неудачный брак. Виновата, более или менее, жена, но также и муж: он пьяница и развратник, груб, бьет жену и не уважает ее. Она вышла за него без любви и не удовлетворена браком: она чувствует себя одинокой и покинутой и ищет развлечений на стороне. Появляется любовник. Чаще всего она с ним и совершает убийство; редко одна. Иногда помогает и сын, возмущенный поведением отца или возбужденный матерью. Иногда такой женщине приходится бороться с алкоголизмом мужа, иногда он толкает ее на проституцию. Убийство рассматривается, как средство освобождения от мужниной кабалы и приводится в исполнение с поразительной жестокостью“. Из 8 обследованных нами случаев мужеубийства из желания избавиться от мужа, 1 был совершен под влиянием и при участии сестры, 1 при участии брата, 1 при участии

[1]) См. „Бюллетень ЦСУ“ № 84.

сына, 3 при участии и под влиянием любовника и 2 убийства были совершены женами единолично, при чем оба раза мужья были убиты сонными.

Перейдем к детальному рассмотрению отдельных случаев.

Х. 35-летняя здоровая и моложавая крестьянка с широким, румяным и тупым лицом. Родители были зажиточными крестьянами Пермской губернии. Х. отправили в школу, но через 2 дня она перестала ходить. „Не хотела учиться, ревела; тоскливо было". Но вообще была послушной, и ее никогда не наказывали. 19 лет ее против воли выдали замуж за 30 верст за захудалого мужика. Заплакала, как заговорила о свадьбе. „Не мог нигде высватать—за него никто не шел. Он шибко непутный. Напьется—как попало лезет. Нехорошо мы с ним жили. Хозяйство у него было худенькое: только лошадь да корова; что я от отца принесу, он возьмет да пропьет. Пил он сильно. Пьяный напьется, только у него в ногах и валяешься. Бил чем попало; косой замахивался: „я тебе башку усеку!" Бил и при детях. Просила у него разводную, не давал!" Не видя иного выхода из положения, имея на руках двух маленьких детей, Х., воспользовавшись болезнью и сном мужа, в ночь на 8 августа 1922 г. задушила его руками. „Как увидела, что сделала, испугалась, стала реветь, побежала в люди; сказала, что убила". Произвела впечатление очень тупого человека; временами трудно было понять, что говорила, часто, вместо ответа, повторяла фразу: „темная я".

Несмотря на явную интеллектуальную дефективность, Х. не произвела впечатления моральной дефективности, и совершенное ею тяжкое преступление—убийство беззащитного человека, в котором она немедленно покаялась перед народом, было вызвано крайне тяжелой обстановкой и невозможностью, в особенности при ее „темноте", изыскать способы избавиться от нее иным путем.

Перейдем к 2-му случаю:

С. миловидная блондинка 24-х лет; кажется значительно моложе. Родители ее крестьяне, но жили в городе Тихвине, Череповецкой губернии, где отец С. служил десятником и шлюзовым мастером водного транспорта на Мариинской системе, где и родилась С.

Семья жила дружно. „Хорошо дома при маме жилось!" 17-ти лет С. поступила на службу в качестве машинистки. Была очень религиозна и любила ходить в церковь; веселиться не любила, но иногда бывала в кинематографе. 20-ти лет С. вышла замуж. Вышла по любви и против воли отца. Муж работал слесарем на железной дороге; был красив и высок ростом;—по возрасту ей ровесник; когда ухаживал за ней, был любезен и ласков. Через полгода, после знакомства с ним, они повенчались. Полгода жили хорошо. Потом он стал пить—оказался пьяницей и картежником. За пьянство и манкирование уволили со службы. Тогда стал торговать самогоном, но больше сам выпивал и прокучивал с товарищами. Домашний скарб тоже шел на самогон. Жилось очень трудно, заработка С. на двоих не хватало. Когда она стала просить его бросить самогон и заняться делом, начались побои; бил ее по чему попало и, беременную, бил по животу. „Отцу я не смела сказать, потому что сама я за него пошла, против воли отца; потому и уйти к отцу не смела. Когда родился ребенок, пришлось бросить службу. Тогда в семье наступил голод—и в августе 1922 года они уехали в деревню. Поселились у свекрови. С. там понравилось. С. все время работала в поле. В ноябре, против воли С., муж ее отделился от братьев, сделал самогоночный аппарат, и вся полученная при разделе от братьев рожь

пошла на самогон. Кроме того, он стал изменять жене. Когда пробовала возражать, бил. С. в то время была беременна вторым ребенком. Однажды он привел любовницу в дом, что и переполнило чашу терпения С.

„Это было в ночь на 10 марта 1923 года. Он приехал с ней выпивши, веселый. Я сижу с девочкой. Он ее раздевает, сам раздевается. „Шура, ставь самовар". Я поставила самовар, поставила 2 прибора на стол и говорю: „садитесь". Они сели. Я налила им, а сама не села. Он кричит: „садись за стол!" А я и говорю: „вы посажены — и сидите и пейте, а я не хочу". Я его добром спросила при ней: „Федя, кто эта женщина?" Он ответил: „это моя будущая жена". Я заплакала. Мне было тяжело. Он вскочил, стал меня бить. „Чего, дура, расплакалась?" (Плакала, вспоминая обиду). „Я его стала просить: Федя, не бей меня". Тогда он стал гнать меня из дому. Я стала его просить: „Если привел новую жену, давай разойдемся по-хорошему; я детей возьму к себе и ничего с тебя не спрошу". А он опять стал меня бить и говорит: Заставлю вот ей ноги вымыть и воду выпить—и сделаешь это!" Тогда я обратилась к ней: „Как Вам не стыдно! Разрушаете семейную жизнь! Знаете, что он женат и у него дети!" Он говорит: „Уйди с глаз долой! А то голову переверну!" Так я и ушла с ребенком, в чем были. Пошла к своему сараю и сидела там. Была ночь. Я озябла, пожалела ребенка и пошла к нему наверх. Вошла,—а он с нею сидит, обнявшись. Я опять стала просит: „Федя, опомнись, не ради меня, а ради детей!" Он сказал: „я хочу новой жизни, хочу жить веселей!" Пошел вниз, созвал братьев, гуляли они; у него самогон был. А я была, как оплеванная; сидела у порога". Когда гости ушли, и он лег спать, С. к утру, в состоянии аффекта гнева, вызванного обидой, накопленным озлоблением, и, наверное, и ревностью, зарубила пьяного и спящего мужа топором. „Схватила топор и ударила, сама не знаю как. Опомнилась только на третий день". Согласно выдержке из следственного материала, когда брат прибежал на стоны, раздавшиеся сверху, и увидев брата, лежащего поперек кровати с разрубленной головой, спросил С., что она сделала, она сказала: „что хотите, то и делайте; хоть расстреляйте; теперь уже все сделано". Многочисленность ран на голове убитого свидетельствует о силе аффекта, очевидно усугубленного беременностью.

С. Приговорена к 10 годам заключения.

Следующие случаи мужеубийства совершены в соучастии близких родственников.

С-на, 46-тилетняя старуха, с изнеможденным лицом, выглядит гораздо старше своих лет. Родители были крестьяне Московской губернии. С-на 8 лет осталась круглой сиротой и воспитывалась у брата—огородника возле Воробьевых гор. Сноха, воспитывавшая ее, была вспыльчива и часто ругала, но все же любила, и покупала наряды; в школу С-ну не пустили: „не в лавке ей сидеть" и заставляли тяжело работать. 19 лет ее против воли выдали замуж. Муж по зимам занимался извозом. Хозяйство было плохое и была большая нужда. „Муж сильно пил и играл в карты. Пьяный озорничал надо мной, дрался, чем попало; уходила с детьми ночевать к соседям. Каждый день... каждый день бил... Вымыться не давал... насекомые завелись. Во время беременности бил меня, и были из-за этого 2 выкидыша—соседка в больницу возила. Всего у С-ной было 9 человек детей, из которых 6 умерли грудными. Во время убийства было трое: 16, 11 и 9 лет. Однажды, после подобного „озорничанья"

в присутствии детей, когда пьяный муж не пустил жену к соседям и запер двер на крючек, она, „не помня себя", в феврале 1922 года в 9 часов вечера убила его топором, в соучастии с старшим сыном. О преступлении заявила сама. Говорит, что сперва плакала и жалела мужа, а потом была рада. Сын был оправдан, а С-на осуждена. В настоящее время она на свободе.

Все три обследованные женщины относятся нами к категории случайных убийц.

Т. 45-ти летняя женщина с старообразным измученным лицом. Родилась в селе Московской губернии в бедной крестьянской семье, настолко бедной, что Т. пришлось бросить школу, так как не в чем было ходить. Всего было 9 человек детей; из них 6 умерли. 17-ти лет Т. насильно выдали замуж. „Он был глух и ревнив. Дом хорош, да свекор хорош—так за свекра да за дом и отдали, а человек-то прости Господи!" (махнула рукой). „Невыносимыми побоями бил. Все волосы выдрал; об печку колотил. Если дети за меня заступались, и детей бил. Чем попало бил. Он сапожник; что заработает, то и пропьет. Придем с детьми с поля, а он обедать не даст—так в поле голодные и уйдем. Свекор помер; брат мужнин сперва за нас заступался, так он на него с ножом... Брат и перестал ходить". Всего у Т. было 8 человек детей; 3 умерли; в момент убийства детям было от 17-ти лет до 6-ти месяцев. Было полное хозяйство: лошадь, две коровы, овцы. Всем ведала Т., так как муж часто жил в Москве и не приезжал по 1½ года.

Так прожили 24 года. Незадолго перед убийством женили сына, и на свадьбу приехала из Москвы 50-тилетняя сестра Т., служившая там прислугой; после свадьбы осталась погостить и, видя поведение зятя, сначала предложила сестре отравить его, а затем была подстрекательницей и главным действующим лицом убийства. „27 февраля 1924 года он запряг лошадь и уехал гулять на целый день. Воротился—щека у него синяя, пола у тулупа оторвана, и пьяный, и бутылка самогона с собой. Сын стал лошадь отпрягать, поставил дугу возле саней; он схватил дугу—и за ним. Мне стало жалко сына; я вышла на крыльцо; он схватил полено—и за мной; ударил меня поленом по спине; я тут и присела. Потом вошел и избу, побыл там и ушел гулять к соседям с бутылкой. Там стал буянить, и его привели домой. Он начал ко мне приставать, драться. Я стала отходить, а он все бегает. Повалил меня на пол и давай бить. Ударил меня по глазу — глаз распух, а из носа кровь". Сестра Т. сидела в каморке на сундуке и пряталась от него; за сундуком лежали коньки сына с привязанной к ним веревкой. Она отвязала эту веревку и когда зять угомонился и заснул пьяным сном, она накинула ему петлю на шею и вместе с сестрою задушила его. Совершенное убийство и мотив его весьма похожи на описанные раньше, но поведение Т. после убийства разнится от поведения предыдущих женщин, хотя, может быть, и под влиянием сестры. После убийства между Т. и сестрой ее происходит следующий диалог: „Она говорит: — Неш под пол его?—Я говорю: что ты! Неш влезешь туды! (нужно, ведь, по хозяйству). Она подхватила его—на двор". После этого, согласно выписке из приговора, они сели пить чай, и за чаем обсуждался вопрос, как быть с трупом (убийство произошло в 5 часов вечера). В 8 часов вечера сестра Т., пригрозив племяннику топором, велела ему запречь лошадь и везти с ней тело отца в лес. В лесу она закопала убитого в снег. „Брала с собой топор, хотела ему голову отрубить и забросить—да грех-то попутал, видно, вот и не отрубила.

На утро приходит женщина; спрашивает, где отец? Она отвечает: он в Москву уехал.—Так и осталось. Нашли его перед Пасхой. Лесник нашел. Кабы летом, скорей бы испортился, а зимой его и узнали". Говорила спокойно, временами повторяя фразу: „что теперь скрывать"!—Т. забитая, изнуренная женщина; 24 года покорно выносила семейную каторгу, и если бы не влияние сестры, она бы, наверное, терпела и дальше. Все это дало бы нам право отнести Т. к категории случайных убийц, но поведение ее после убийства, нежелание покаяться в нем, свойственное случайным убийцам, и спокойное повествование о содеянном, внушают некоторое сомнение.

Приговорена к 4-м годам заключения, сокращенным до 2-х лет.

С-на родилась в средней. чрезвычайно многодетной крестьянской семье в Московской губернии. Всего было 14 человек детей, но в живых осталось только 5. Никакого присмотра за всей этой детворой дома не было. Некоторые дети учились в школе, но С. не пришлось, в виду того, что ей надо было няньчиться с младшими ребятишками, а с 12 лет, с ранней весны до поздней осени, она служила в няньках у чужих. После смерти отца, ей пришлось за мужчину работать в поле. Года через 3 после смерти отца, мать вышла вторично замуж за одинокого вдовца в другую деревню и перешла туда со всеми детьми. Отчим не обижал пасынков, и они жили с ним не плохо. Скоро С-на вышла замуж за 28-летнего крестьянина их же деревни, вернувшегося с военной службы. Но через 2 года он умер от воспаления почек. После смерти мужа С-на с годовалым мальчиком вернулась к матери. Мать и отчим приняли ее хорошо. Через некоторое время знакомый пастух стал ей сватать сожителя и, съездив в Тверскую губернию, привез его к ней. Месяца через 2 С-на стала просить сожителя узаконить их брак; тот послал ее в волость с документами, оказавшимися недействительными, а сам идти туда отказался; скоро он заявил ей: „я попью, погуляю — и уйду от тебя; ничего мне не надо". С тех пор стал гнать самогон, напиваться пьяным и бить жену и детей (от второго брака у С-ной была грудная девочка). „Я уйду косить, а он напьется пьяный и заставит мальчика девочку качать; он маленький, не умеет, а тот его бить: положит на пол — и давай пряжкой стегать. Я за детей заступлюсь — а он меня и кулаком, и веревкой... Я стала ходить к матери жаловаться; она говорит: „прогони его". Я ему говорю: „если ты жить не хочешь, нечего тебе надо мной мытариться и над моими малыми детьми. Уйди от меня". Он сказал: „я от тебя так уйду! Я тебе руки и ноги изувечу, чтобы ты знала, как в дом принимают". Я заявила председателю. Он только сказал: „не наше дело. Как его принимала, в обществе не спросилась. Как принимала, так и расходись". Я опять к брату пошла. Говорю: „остается уйти с детьми из своего дома". А сноха: „мало он тебя колотит? Я бы давно ему голову отрубила"! Стала звать своих зайти ко мне посидеть. У нас драка и скандалы каждый день; никто к нам не ходит; я совсем одичала. Пришла ко мне сноха. В этот вечер мы с ним ругались из-за мальчика. Он его избил, пока я в больницу ходила. Я ему сказала: „если ты не уйдешь, я завтра пойду и заявлю". А он соскочил и давай меня колотить. Одной рукой к стене прижал, а другой по лицу бил. Я прошу сноху: „Наташа, заступись". Она хотела его оттолкнуть, а он схватил ее за кофточку и разорвал ее. Она испугалась и бросилась бежать. Навстречу ей брат. Она позвала его на помощь. Брат вошел с ней в избу, а я уже на полу лежу, и он меня колотит. Брат говорит: „ты долго будешь над моей сестрой мытариться"! Он хотел брата уда-

рить, сноха заступилась за него, и брат его схватил. Брат ударил его, кажется, по виску—я не видела, и сшиб с ног, и начал колотить. Поколотил и говорит: „он теперь будет помнить". А я стала просить: „добей его совсем. Живем мы на хуторе; он меня, когда захочет, убьет". Брат говорит: „у меня руки устали, я не могу бить". У меня на полке гирька от часов; он его гирькой и дошиб. Пока брат его бил, мы с снохой его держали. Брат и сноха говорят: давай возьмем детей и отнесем к нам". Сноха взяла мальчика и понесла домой, а брат понес девочку. Дети не проснулись; мы ему кричать не давали. Только брат вышел за порог, а он на другой бок перевернулся и меня за ногу рукой схватил. Я стала кричать брату: „Миша, Миша, вернись!" Брат вернулся. Глядит: он меня держит за ногу крепко. Брат говорит: никак мы его еще не убили? Что же нам с ним теперь делать"? Я говорю: „давай накинем ему на шею веревку, чтобы он скорей отходил"! Затянули ему веревкой шею — и он скончался. Пришла сноха, и мы втроем отнесли его в лес. 4 дня лежал в кустах. (Убили в ноябре 1923 г.). Через 4 дня зарыли. Я перешла к брату: жутко было—ведь он в 50 шагах от моего дома зарыт. Через несколько месяцев, во время ссоры С-ной со снохой, они стали попрекать друг-друга убийством; ссору случайно услышал мальчик и заявил в милицию. „Вызвали нас со снохой на допрос. Она не сознавалась, и я не сознавалась, что мы его убили (засмеялась). Потом сноха поругалась с братом и раскрыла все дело. Я показала, где его зарыли. Как на смех — ничуть не испортился, как бревнышко лежит. Осенью, ведь, убили (опять усмехнулась). Тело нашли 12 апреля 1924 года. Согласно выдержке из приговора, С-на заранее уговорила брата убить сожителя и сама спровоцировала ссору. Хотя убийство, начавшееся дракой и обусловленное безвыходным положением С-ной, и дает нам основание отнести ее к категории случайных убийц, но спокойное повествование картины убийства, усмешка при описании найденного трупа и особое, упорное желание во что бы то ни стало убить мужа, внушает некоторое сомнение. С. приговорена к 8 годам заключения, сокращенным до 4-х лет.

Перейдем теперь к случаям мужеубийств, совершенным при участии и под влиянием любовника.

Л. 46-тилетняя женщина с миловидным и молодым лицом. Родилась в зажиточной крестьянской семье Вологодской губернии. Всего было 11 человек детей, из которых 8 померли. Семья была степенная и религиозная; отец пел на клиросе, и брат теперь тоже поет. „Вот у меня какие! А я в тюрьму попала!" (заплакала). В школу Л. ходить не пришлось. Ходила в школу уже замужем. 25-ти лет Л. вышла замуж. На вопрос, почему так поздно, ответила: „Женихов много было, но отец не отдавал; жалел; хорошо мне жилось в девках!" Дома Л. никогда не наказывали: „была послушной — в воду пойду, как пошлют". Вышла своей волей в очень богатую крестьянскую семью. На второй год родилась девочка, но через 2 дня умерла.

Так как Л. уверяет, что она с мужем жила очень хорошо и к убийству его совершенно не причастна, то приходится обратиться к выдержке из приговора. „Установлено, что в ночь на 28 марта 1923 года Л. выстрелом в голову из нагана убила мужа, занятого гонкой самогона. Ее любовник, Ш., 23 лет, передал ей револьвер и уговорил ее убить мужа, с целью завладеть хозяйством и окончательно сойтись с ней. Они оба уговаривали крестьянина Решетова взять вину на себя и дали ему за это жеребенка".

Убийство происходило, по словам Л., при следующей обстановке: вечером муж ушел на гумно за 1/4 версты от дома гнать самогон. Л. его сама туда провожала и помогла свезти барду для самогона. („Я раньше не ходила к нему и не видала, как его гонят"). „Я стою у порога, а он огонь раскладывает. Он мне и говорит: „ты иди домой, дом не заперт." Это муж мне говорит, а я и говорю: „ты взял бы кого-нибудь, тебе не весело". А он опять послал меня домой. Я и пошла". Не известно, убила ли его Л. тут же, когда стояла у порога или она сходила на гумно вторично. Говорит, что придя домой, пошла в подполье, где у нее рожала овца, сильно промерзла, залезла на печь и уснула. „Когда проснулась, было светло. Не знаю, за что взяться: печь ли затоплять, или мужа проведать, что долго не идет. Пошла к мужу. Бегу в гуменок, заглядываю к нему, а у него одни угольки; я его и воплю: „Иван! Иван!" Думаю спит. Раз 5 молвила. Послушала—нигде не шипит. Шибче закричала. Ответу не было. Думаю, ушел куда-нибудь. Повернула от порога и запнулась: ровно человек лежит! Без ума сделалась и побежала к деверю". Деверь собрал мужиков, и все вместе пошли на гумно. Веской уликой против Л. было то обстоятельство, что она знала, что у мужа была рана под глазом, тогда как мужики ее не заметили и деверь донес следователю, что Л., повидимому, отравила мужа. Когда следователь сообщил ей об этом подозрении, она потребовала, чтобы ей разрешили присутствовать при вскрытии. „Я говорю: пойду с тобой на вскрытие; если я отравила, делайте со мной, что хотите. Вот увидите, как будете вскрывать!" Он говорит: „почто ты пойдешь? Плакать будешь." Я говорю: „если я отравила, я плакать не буду, а мне охота поглядеть на моего мужа". При мне стали вскрывать. Как снимали череп, пуля и выпала из мозга. Я и говорю: вот деверь говорит, что я отравила, так вы анатомьте живот. Приехала я на вскрытие с Ш. (любовником)".

Так как муж Л., по ее словам, был хорошим, и она его ни в чем не упрекнула, то единственным мотивом убийства была, повидимому, особенно сильная привязанность пожилой женщины к молодому любовнику и желание ему угодить. Следует также вспомнить ее слова о послушании в детстве: „в воду пойду, если пошлют". Но желание присутствовать при вскрытии трупа убитого ею мужа, спокойное повествование об этом и требование вскрытия брюшной полости являет некоторую душевную грубость, приближающую Л. к профессиональным убийцам.

Приговорена к 8 годам.

С. Укше.

Судьба Лиги Наций.

11-го ноября 1918 года закончилась мировая война, и через год получил ратификацию большинства участвовавших в ней государств Версальский мирный договор. Одновременно с ним родилась и Лига Наций.

Возникновение Лиги было чрезвычайно симптоматично. Оно лишний раз подтвердило старую, но часто забываемую истину, что одинаковая социальная обстановка вызывает к жизни и соответствующую ей одинаковую идеологическую реакцию. Уже не раз на протяжении

истории народы Европы приходили к мысли о создании единой международной организации, призванной сменить царящую между ними вражду атмосферой мира и солидарного сотрудничества. И каждый раз эта идея международного союза приобретала симпатии широких слоев общества в периоды длительных и кровопролитных войн. В годы тридцатилетней войны мы встречаемся с проектами Эмерика Крюссе и Сюлли, в XVIII веке мы имеем популярный проект вечного мира аббата Сен-Пьера, представленный им на рассмотрение Утрехтского конгресса. Наконец, эпоха войн конца XVIII и начала XIX века закончилась Священным Союзом, заключенным 14 сентября 1815 года после разгрома Наполеона I.

Прочной междугосударственной организации осуществить, однако, до сих пор не удавалось, и каждый раз эгоистические интересы отдельных государств побеждали стремление народов к международноправовому объединению.

Сейчас на наших глазах Лига Наций вновь повторяет историю своих предшественниц. Рожденная в атмосфере кровопролитнейшей войны, она должна была, по мысли ее инициаторов, ввести, наконец, взаимоотношения всех государств мира в рамки права и создать надлежащие гарантии „взаимно обеспечивающие политическую независимость и территориальную неприкосновенность как великих, так и малых государств“ [1].

С момента возникновения Лиги прошло шесть с половиной лет. Большинство ее творцов и созидателей не успело еще сойти с политической авансцены, а ей уже приходится бороться с многочисленными затруднениями и противоречивыми интересами отдельных государств, разъедающими ее хрупкое тело.

Последняя сессия Пленума Лиги была в этом отношении чрезвычайно симптоматична. Она демонстрировала полное политическое бессилие Лиги. И сейчас за ее судьбы тревожатся все ее верные защитники и апологеты.

В чем, однако, кроются причины слабости Лиги Наций?

Многие европейские политики видят их в дефектах ее организации. Создавший Лигу международный договор возглавил ее двумя органами: собранием ее членов, в котором на равных правах участвуют все государства—члены союза, и Советом, составленным из постоянных представителей великих держав Антанты (principales Puissances alliées et associées) и четырех представителей других государств, избираемых в Совет на срок (число последних членов Совета было впоследствии увеличено до шести). Таким образом, в основу организации первого органа был положен принцип равенства членов, тогда как Совет оказался построенным на принципе преобладания великих держав. Это различие в конструкции руководящих органов Лиги сразу же сказалось на взаимоотношениях ее членов. Второстепенные державы почувствовали себя обделенными. Не получив постоянных мест в Совете, они стали добиваться передачи им временных мандатов или, как это имело место в последнюю сессию Пленума Лиги, расширения постоянного состава Совета и признания за ними права на новые места. Путь, избранный наиболее энергичными из этих держав для поддержания своих притязаний, оказался чрезвычайно несложным. Они просто прибегли к старому и излюбленному методу политической борьбы польской шляхты, воскресив liberum veto польского сейма. Сделать это оказалось легко,

[1] Послание 8 января 1918 г. Президента С.-А.С.Ш. В. Вильсона к конгрессу.

так как, согласно § 5 Устава Лиги, по всем важнейшим вопросам решения должны приниматься как Советом, так и Пленумом единогласно. Стоит, следовательно, любому государству отказать в своем согласии по тому или другому вопросу, возникающему в жизни Лиги, как воля последней оказывается парализованной. Приходится поэтому в порядке длительных предварительных переговоров, компромиссов и давлений заранее добиваться уступок со стороны упорствующих членов. Достигнуть благополучного результата не всегда при этом удается, и порой самые искусные дипломаты Европы оказываются бессильными преодолеть сопротивление отдельных членов Лиги.

Легко себе представить, какую благоприятную почву для политических интриг и дипломатической игры создает такой порядок работы Лиги. Не надо ведь забывать, что за спиной мелких государств обычно стоят их покровительницы—великие державы. И каждый раз, когда той или другой из них оказывается неудобным лично открыто выступать против того или другого шага Лиги, на арене появляется патронируемое государство, которое своим veto приостанавливает решения Лиги. В результате, целый ряд важных вопросов, рассматривавшихся Лигой за годы ее существования, остался не разрешенным. Лига не смогла урегулировать польско-литовского и англо-турецкого конфликтов, ей не удалось решить судьбы Восточной Галиции и Рура и, наконец, сейчас она обнаружила свое полное бессилие в вопросе, от которого зависят судьбы мира всей Европы.

На повестке мартовской сессии Лиги стоял, согласованный со всеми великими державами, вопрос о принятии в Лигу Германии. Последняя ставила, однако, условием своего вступления предоставление ей постоянного места в Совете. Этого оказалось достаточным, чтобы сложная политическая интрига некоторых из держав-руководительниц Лиги привела к параличу ее воли. Лига оказалась не в силах разрешить стоящего перед ней вопроса. Вполне понятные притязания Германии вызвали неожиданные контрпритязания Польши, а затем Испании и Бразилии. Никакие компромиссные предложения не удовлетворяли претендентов и в конце концов Бразилии удалось сорвать разрешение вопроса, от которого, по мнению европейских политиков, зависит сейчас умиротворение Европы.

Правда, устав Лиги давал известный выход из создавшегося положения. Лига могла принять в число своих членов Германию, не предоставляя ей места в Совете, т. к. простое вступление в Лигу отдельного государства требует не единогласного решения пленума, а согласия двух третей ее членов. Однако, Германия по весьма понятным причинам не соглашалась войти в Лигу без одновременного признания за ней права на постоянное место в Совете. А это потребовало уже того единодушия в решении пленума, которого признанной руководительнице Лиги—Англии, добиться не удалось.

В результате, вопрос о судьбах европейского мира и даже самой Лиги поставлен сейчас под сомнение. И не только советская, но и европейская буржуазная печать полна статьями, в самых мрачных красках рисующих создавшуюся международную политическую конъюнктуру.

Где же выход из положения?

Совет Лиги, как видно из сообщений иностранной печати, ищет его в изменении своей собственной конституции. С этой целью создана специальная комиссия, которой поручена выработка проекта реформы Совета, при чем в частности намечается пересмотр § 5 устава Лиги,

требующего единогласия при разрешении огромного большинства рассматриваемых Пленумом и Советом вопросов.

Возможно ли будет изжить переживаемый Лигой кризис тем путем, который намечают ее сегодняшние руководители?

Нам не представляется это вероятным. Конституционными реформами не удастся вырвать Лигу из того порочного круга, в котором она сейчас находится. Причина ее немощи кроется не только в этих конституционных дефектах. Рожденная в атмосфере Версальского договора, Лига Наций с самого начала не отражала тех чаяний и надежд, которое связывало с ее созданием уставшее от войны европейское общество. Вместо организации мира она сразу превратилась в орудие политического господства Антанты. И чем дальше отдалялась Европа от момента окончания войны, чем более обнаруживались противоречия между отдельными группировками держав, тем яснее и яснее обнажалось истинное лицо Лиги.

Пышная фразеология Вильсона, так красноречиво проповедывавшего о высоких задачах Лиги, настолько диссонирует с обстановкой сегодняшнего дня, что о ней сейчас просто уже и не вспоминают. Ее сменила неприкрытая игра дипломатов, борющихся за первенство представляемых ими государств. Лига Наций быстро идет по тому же пути, по которому в начале прошлого столетия пошел и „Братский Христианский Союз" монархов. Подобно Священному Союзу она выполнила свою миссию экономического и политического порабощения побежденных и подобно Священному Союзу сейчас отходит в Лету истории, разъедаемая внутренними противоречиями и борьбой ее творцов и руководителей.

История на судьбе Лиги лишний раз, таким образом, демонстрирует непреодолимость своих законов, и никакими реформами европейской дипломатии не удастся поэтому ее гальванизировать.

Б. Плетнев.

Хроника.

Бюро Юрисконсультов экономических учреждений и организации при институте экономических исследований НКФ СССР.

Обзор деятельности за 1925 год.

Вступившее в 4-й год существования Бюро юрисконсультов возникло 24 апреля 1922 г. по инициативе бывшего старшего юрисконсульта НКФ—*Э. Э. Гей*, как особая секция при институте экономических исследований.

Жизнедеятельность Бюро и назревшая уже к тому времени потребность в его образовании в достаточной степени сказалась в интенсивном росте состава его сотрудников, отметившемся уже в первые годы существования Бюро.

К 1-му января 1924 г. в составе Бюро числилось 114 сотрудников, в 1925 г. состав увеличился почти вдвое (210 сотр.), а к концу отчетного года достиг 384 человек, представляющих 179 учреждений.

Помимо юрисконсультов всех экономических Наркоматов, в состав бюро входят юрисконсульты крупнейших Московских государственных и кооперативных учреждений и предприятий отдельных акционерных о-в, а также юрисконсульты некоторых иногородних госпредприятий, имеющих столичные представительства.

Организационную работу Бюро в отчетном году вел Президиум в составе: Председателя *Л. С. Биска*, Зам. председателя *Э. Э. Понтовича* и членов *М. И. Агаркова*, *К. А. Граве* и *А. А. Гибшмана*.

Руководствуясь идеей общения коллектива юристов, Президиум Бюро расширил в отчетном году уже ранее установленную связь с провинцией, а также вошел в тесное общение с образовавшимся бюро юрисконсультов госпромышленности при В. С. Н. Х.

Работы Бюро протекали как в общих собраниях и консультационных совещаниях, так равно и в отдельных комиссиях, организуемых по мере надобности для разработки специальных вопросов, возникших в практике того или иного учреждения.

В целях наибольшей систематизации работ—при Бюро существует научно-организационное совещание, вырабатывающее программу работ на отдельные периоды по различным отраслям права.

При Бюро организована также комиссия по изучению иностранного права, информационный отдел и библиотека.

В числе сообщений (33), сделанных за истекший год, общими собраниями заслушаны доклады: *Б. Д. Плетнева* „К вопросу о правовом оформлении синдикатов“, *Э. Э. Понтовича* „Источники действующего права в СССР“, *С. М. Оградовича* „Об имущественных правоотношениях с международными элементами, возникших до 7 ноября 1917 г.“ и *Л. С. Эльяссона* „Каков должен быть наш будущий закон о чеках“.

Доклад Г. Д. Рындзюнского. Январь 1926 г.

На состоявшемся 5 января с. г. Общем собрании Бюро заслушали доклад Г. Д. Рындзюнского: „Пути гражданского суда“. В представленных тезисах автор указывает на все возрастающий процесс укрепления правовой жизни страны и останавливается на вопросе о том, какое место в этом процессе должно занять построение и развитие суда гражданского.

„Область суда гражданского“, по мнению докладчика, „далеко еще не достигла той степени завершения, на которой можно бы признать, что дальнейшее его усовершенствование есть дело естественного развития всякого учреждения“, в то время, как „гражданский суд играет первостепенную роль и в развитии права и в укреплении законности“.

Отграничив функции суда уголовного, автор оставляет для суда гражданского „установление наличности положительного права и охрану в законных пределах индивидуальной автономии“.

Сузив, таким образом, общие задачи гражданского права до „портативных“ размеров, докладчик попытался в дальнейшем заполнить предложенные им формы, при чем допустил ряд существенных противоречий. „Закон“, по мнению докладчика, „не может полностью совпасть с моментом его применения. Он неизбежно или в прошлом,—когда в нем закреплено уже *отстоявшееся правосознание*,—или в будущем, когда он пытается предопределить развитие жизни. Это гражданский судья, применяя законы, примиряет в нем оба слагающих

его момента и определяет, что из прошлого и будущего, одинаково в них содержащихся, применимо для сегоднешнего дня, творя и предугадывая таким образом *каждый раз заново содержание права*". Рассуждения эти отличаются бесспорно оригинальностью, но вряд ли их можно считать убедительными.

В резолютивной части доклада автор указал на необходимость повышения квалификации судейского персонала, как непременного условия, обеспечивающего в будущем успешность работы гражданского суда, а также на объединение суда и арбитража и замену народных заседателей—заседателями из числа хозяйственников.

Доклад вызвал оживленные прения.

И. А.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ТЕРЕХОВ.

(Некролог).

Немногочисленная семья работников кооперативного права понесла тяжелую утрату. 6 января 1926 г. в г. Харькове скончался Алексей Иванович Терехов, много и плодотворно работавший в области кооперативного права.

А. И. Терехов по окончании в 1904 г. Томского университета работал в адвокатуре первоначально в Воронеже, а с 1910 г. в Харькове, при чем, начиная с 1915 г. и до смерти, состоял юрисконсультом ряда кооперативных союзов и организаций. В течение последних лет главным местом его работы был Всеукраинский Союз потребительских обществ (Вукопспилка), где он был главным юрисконсультом.

Кроме практической работы А. И. Терехов уделял много времени и внимания науке кооперативного права в качестве преподавателя в Харьковских ВУЗ'ах и на курсах Вукопспилки и автора ряда работ.

Несомненно, наиболее ценной и основной работой покойного является книга „Советское Кооперативное Право", изданная в 1924 г. НКЮ Украины. В основу этой книги А. И. Терехов положил те лекции, которые он читал в Харьковском Институте Народного Хозяйства. Работа эта ценна как самостоятельностью в подходе к разработке ряда вопросов, в особенности при правовом определении кооперативного товарищества и имущественных правах кооперации, так и тем, что представляла собой первую, в условиях советского государства, попытку дать построение *системы* советского кооперативного права, что особенно трудно в виду его дифференции. Вопрос, разработке которого А. И. Терехов посвящал особое внимание—это вопрос об имущественных правах кооперации. В „Вестнике Советской Юстиции" 1924 г., № 8 помещена его статья „Особенности имущественных прав кооперации" и в журнале Вукорады „Украинская кооперация" за 1923 г. № 3—12 ряд статей под общим заглавием „Имущественные права кооперации сравнительно с правами частных лиц". Основная работа А. И. Терехова „Советское кооперативное право" была подготовлена им для второго издания и находится в настоящее время в печати. Несомненно мимо этой работы не пройдет ни один работник, изучающий советское кооперативное право.

Из других печатных работ А. И. Терехова можно указать „Многолавочные кооперативы“, изд. 1918 г.; „Сборник декретов и распоряжений УССР по налоговому обложению и кооперации“, 2 изд. Книгоспилки 1923 г. (работа эта имеет теперь только историческое значение) и комментарий к ст. 180—207 Гр. Код. купля-продажа и мена в практическом комментарии, изданном под ред. А. Малицкого.

Практические и теоретические познания А. И. Терехова нашли свое полное и блестящее применение в работах Комиссии при Главкооперкоме Украины по выработке проекта Украинского Кооперативного Кодекса. А. И. Терехов был одним из активнейших участников этой Комиссии. Смерть от паралича сердца настигла А. И. Терехова на 49 году (он родился в 1877 г.), и, стоя перед этим неумолимым фактом, можно испытывать только глубоко грустное чувство по поводу потери наукой кооперативного права работника, который мог бы внести в нее еще не один ценный вклад.

Л. И. Поволоцкий.

БИБЛИОГРАФИЯ.

Соколов В. В. Права женщины по советским законам. Издание 2-ое, переработанное и дополненное с предисловием и под редакцией И. А. Ростовского. *Юридич. изд-во НКЮ Москва. 1926 г. 109 стр. Цена 80 к. Тираж 8000.*

Автор предисловия, отмечая полную уравненность прав русской женщины с правами мужчины, констатирует факт малого ее участия в государственной и общественной жизни страны и стремление руководящих органов поднять это участие. Издаваемые с этою целью узаконения и распоряжения разбросаны в разных актах. Задачею книжки и является собрать и дать в систематическом виде весь законодательный и ведомственный материал.

Сравнительно с предшествующим первым изданием настоящее второе издание представляет собою не беглый очерк, а полный сборник всего материала, относящегося к теме книги. После краткого вступления со сведениями о положении женщины до революции и в иностранных государствах, а также о росте политического ее самосознания, составитель сборника дает в форме изложения намеченные им сведения, разбивая их на семь глав, а каждую главу на целый ряд параграфов. Эти главы дают сведения о публичных правах женщины, ее положении в браке и семье (в частности об алиментах), об охране труда, об отношении к ней уголовного закона и др. Большинству глав предшествуют вводные замечания, хотя и очень краткие, но заинтересовывающие читателя и уясняющие важность законодательства СССР по данному вопросу (например, „бюджет времени" женщины, показывающий насколько рабочий день женщины в действительности продолжительнее мужского, насколько время сна и отдыха у женщины меньше, чем у мужчины и проч.).

Изложение сжатое, но вместе с тем достаточно полное для общей осведомленности в данном вопросе и не редко дающее возможность, пользуясь ссылками на разные указанные материалы, разыскать в подлинных актах и более полные и исчерпывающие сведения. Подробное оглавление облегчает быстрое нахождение нужных справок. Несомненно, что книжка не только справочник, но и общедоступное по форме изложение отношения действующего в СССР законодательства о женщине.

Мих. Гернет.

Проф. Б. С. Мартынов. „Земельный строй и земельные отношения РСФСР". *Издательство „Наука и Школа", 1925 г., стр. 222. Цена 1 р. 50 к.*

Содержание выписанной выше работы направлено, по словам автора, на изучение структуры отдельных земельных фондов и основных начал, связанных с этим имущественных отношений. Представляя собою ряд очерков, рассматриваемая работа в первой главе дает изложение основ организации государственной земельной собственности; во второй главе автор весьма обстоятельно рассматривает положения Земельного Кодекса о структуре государственного земельного фонда и предусматриваемых Ко-

дексом различных форм трудового землепользования. Третья же глава посвящена рассмотрению организации специальных земельных фондов, как-то лесного и горного хозяйства, а также городских земельных участков. С прекрасным знанием вопроса автор подробно останавливается на выяснении всех указанных вопросов, попутно касаясь и технической стороны столь широкого и имеющего громадное значение для хозяйства РСФСР вопроса о земельных отношениях в Республике и землеустройства. Наибольшей по своему содержанию и наиболее интересной является глава вторая, подробно выясняющая различные формы трудового землепользования, как-то: земельное общество, поземельная община, участковая форма землепользования, товарищеское землепользование, и имущественные отношения, вытекающие из отношений по трудовому землепользованию; в этой же главе излагаются сведения о ведении земельного и землеустроительного процесса.

К наибольшим пробелам данной работы, имеющей в виду, как мы уже видели, изложение основных начал имущественных отношений, связанных с отношениями земельными, нужно отнести отсутствие указаний автора на громадную разницу в подходе при разрешении имущественных отношений Гр. Кодекса и Кодекса Земельного, а с тем вместе и всего своеобразия как разрешения этих имущественных отношений, вытекающих из отношений земельных, так и общей политики Рабоче-Крестьянского правительства в вопросе регулирования земельных отношений. Между тем, только при наличии такого сопоставления и можно точно определить своеобразие означенных имущественных отношений. Далее, автор не остановился на вопросе о пределах применения Гр. Кодекса к отношениям земельным, вообще, и, в частности, к отношениям имущественным, вытекающим из земельных отношений.

Неправильным представляется нам проводимое автором различие между правом собственности государства и правом государственной собственности (стр. 7—8); под последним автор понимает имущество, изъятое из гражданско гооборота, а под первым—всякое имущество, не изъятое из имущественного оборота. Для такого различия не представляется никакого основания: если промышленный трест имеет какие-либо машины и изготовленные предприятиями треста фабрикаты, то и то и другое имущество будет предметом *собственности государства* с той лишь разницей, что одно имущество изъято из гражданского оборота, а другое является оборотным имуществом.

Также представляется нам неправильным указание автора, будто „в отношении трудового землепользования устанавливается способ защиты двоякого рода: защита *права* на землепользование и защита *факта* землепользования, независимо от вопроса о правомерности последнего“ (стр. 59). Это указание находится в противоречии с указанием автора на различие между вопросом о праве получить участок земли в целях использования его посредством приложения к нему собственного труда и вопросом о земельной правоспособности; ст. 26 Зем. Кодекса говорит о восстановлении нарушенного землепользования, в случае нарушения *земельных прав* землепользователя; следовательно, ясно, что речь идет о защите *права*, а не факта, тем более, что при своеобразии земельных отношений в РСФСР защищаемого законом факта землепользования не может быть без права на такое землепользование, без предоставления пользования землей в одном из видов, обстоятельно изложенных автором рассматриваемой работы.

Весьма слабое значение, по нашему мнению, придает автор „Временным правилам об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах“ от 18 апреля 1925 г. (стр. 65); между тем, этим „Временным правилам“ придается громадное значение в деле развития производительных сил в сельском хозяйстве; в то время, как по

ст. 39 ЗК применение наемного труда допускалось только в тех случаях, когда трудовое земледельческое хозяйство по состоянию своей рабочей силы или инвентаря не может выполнить своевременно необходимые сельскохозяйственные работы,—„Временные правила" предоставляют право найма рабочих для подсобного труда без ограничения, в любом количестве.

На стр. 66 автор совершенно правильно указывает, что „новым в положении трудового землепользования является признание оборотоспособности этих (производственных) имуществ", при чем ссылается на циркуляр Верховного Суда № 24—24 г., но ни слова не говорит о праве наследования в этом имуществе, как одном из видов „оборотоспособности". А на стр. 124—125 автор устанавливает, что „право участия в имуществе двора не подлежит наследственному переходу, и смерть члена двора не открывает наследства". Между тем Отделом Законодательных предположений и Кодиф. НКЮ, [1]) как и Пленумом Верхсуда от 19 января 1925 г. [2]) разъяснено, что постройки и сельско-хозяйственный инвентарь могут быть завещаны или же перейти по наследству по закону, если двор прекращает свое существование за смертью последнего его представителя. Хотя это еще не есть право наследования в крестьянском быту, но во всяком случае подтверждение указаний автора о признании оборотоспособности имущества.

В рецензируемой работе встречаются lapsus'ы в роде противопоставления домам и строениям—„движимого имущества" (стр. 66), или указания, что „горный отвод представляет собою особый вид „недвижимого имущества" (стр. 205).

Несмотря на указанные недостатки, рассматриваемая работа проф. Б. С. Мартынова является ценным и весьма полезным трудом по серьезному изучению автором материала; содержа в себе в сжатом и довольно популярном изложении подробные сведения о формах земельных отношений РСФСР и вытекающих из них имущественных отношений, эта работа является прекрасным пособием для всех интересующихся вопросами землепользования и землеустройства РСФСР.

Л. И. Фишман.

[1]) Еженед. Совет. Юстиции 1924 г., № 32, стр. 757.
[2]) Еженед. Совет. Юстиции 1925 г., № 6, стр. 150.

Н. Г. Бердичевский. а) Декрет о потребительской кооперации 20 мая 1924 г. б) Закон о с.-х. кооперации 22 августа 1924 года. в) Закон о жилищной кооперации. Практические постатейные комментарии.

Издание Центросоюза. Москва. 1925 г. а) 2 изд. 56 стр. ц. 30 к. б) 84 стр. 45 к. и в) 83 стр. 45 к.

Н. Г. Бердичевским составлены комментарии к законам СССР о потребительской, с.-х. и жилищной кооперации (20 мая, 22 и 19 авг. 1924 г.), относящиеся к числу практических постатейных комментариев. Все три книги составлены по одному плану: в начале дан полный текст декрета, а затем уже идет перепечатка декрета по отдельным статьям с постатейными к ним объяснениями.

Этот метод мы считаем правильным, так как читатель прежде всего знакомится со всем содержанием декрета, а затем уже переходит к его постатейному изучению. Некоторые комментаторы практических пособий не придерживаются этого метода, и у неподготовленного читателя, на которого обычно такие комментарии расчитаны, не получается полного представления об изучаемом законодательном акте.

Н. Г. Бердичевский называет свои справочники практическими комментариями, на большее, в данном случае, он, видимо, не претендует, и потому мы подходим к этим работам

только как к практическим справочникам.

С этой точки зрения мы должны признать эти справочники вполне отвечающими своему назначению. Автор хорошо знаком с тем материалом, над которым работает и при разъяснении статей закона пользуется рядом законодательных актов, относящихся к разбираемому вопросу, инструкциями о регистрации, нормальными и типовыми уставами и ведомственными циркулярами. В последнем отношении особенной полнотой отличается комментарий по жилищной кооперации. Весь подсобный материал цитируется правильно, с точным указанием где и когда он опубликован, что в подобного рода справочниках совершенно необходимо. Автор пользуется главным образом законодательством и ведомственной практикой РСФСР, но указывает и главнейшие особенности кооперативного законодательства Украины.

Так как наше кооперативное законодательство построено по диференциальному принципу, по отдельным видам кооперации, то в законах о потребительской, с.-х. и жилищной кооперации повторяется ряд аналогичных статей; невольно приходится повторяться и автору, приводя в каждой работе одни и те же объяснения, что для практического работника отдельного вида кооперации пройдет незамеченным. Конечно, эти повторения вполне естественны и вызываются самой системой законодательства о кооперации. Однако, благодаря этому и некоторые недостатки повторяются во всех трех книгах.

Считая, что все работы вполне отвечают своему назначению, мы укажем некоторые отдельные недочеты этих работ.

К числу основных мы относим то, что автор не снабдил свои работы хотя бы краткими вводными статьями, устанавливающими или разъясняющими общее место, занимаемое данным видом кооперации в системе народного хозяйства СССР и отношение к нему законодателя и руководящих кругов. В этом отношении исключением является комментарий по с.-х. кооперации, снабженный введением (ст. 9—13) и отдельной главой „Обзор последних директив компартии и соввласти в области с.-х. кооперации (стр. 76—80). Общим недостатком, недостатком именно для практического комментария, является любовь автора к иностранным словам, вследствие чего иногда для практического работника его язык будет трудно понимаем, между тем их легко было бы избегнуть. Напр., „контрагент членов" (стр. 15 о потр. кооп.), „индиферентность членов" (ст. 44 о потр. кооп., стр. 63 о с.-х. коопер.). „Вопросу о соединении потребительских обществ и их союзов посвящены настоящие четыре статьи, фиксирующие все важнейшие этапы процесса соединения потребительских объединений. Но необходимых конкретных правил." (стр. 47 о потр. кооп., стр. 67 о с.-х. кооп.). „Раздел второй декрета (о потр. и с.-х. кооп.) конкретизирует общее положение о запрещении обращать взыскание на паевые взносы" (ст. 52 о потр. кооп., стр. 73 о с.-х. коопер.) и пр.

В работе о *потребительской кооперации* автор недостаточно использовал нормальный устав потр. обществ (Собр. Уз. 1925 г. № 37), вследствие чего некоторые бесспорные положения, приобретают вид спорных. Напр., Н. Г. Бердичевский указывает, что порядок исключения членов потреб. об-ва, утративших избирательные права, может быть двоякий—или через общее собрание, или постановлением Правления (стр. 12). Между тем этот вопрос и именно в последнем смысле разрешен ст. 10 норм. устав. Равным образом вопрос о том, что вступительные взносы не возвращают (стр. 23), не требует толкования, т. к. на него дает определенный ответ ст. 11 норм устава. Равным образом, для установления функций Совета значительно проще, в особенности, как указание для практика, сослаться на ст. 55 норм. устава потр. об-ва, управляемого собр. уполн., чем на постановления Правления Центросоюза от 23 марта 1923г., т. е. состоявшееся еще при действии декрета 7 апреля 1921 г.

Несомненным пропуском является отсутствие указания, что все производство по регистрации потребит. обществ и союзов освобождено от герб. сбора (стр. 34). По отношению к с.-х. кооперации сведения эти даны (стр. 83). Ошибочно утверждение автора, что роль Центросоюза, как „хозяйственного и организационно идейного центра потреб. кооперации Союза" „недавно оформлена в соответствии со ст. 23 настоящего декрета". Роль эта до сих пор не оформлена, уставы Центросоюза СССР и РСФСР еще не утверждены, да и среди самой кооперации еще не закончилась дискуссия по этому вопросу, и 39 Сбор. Уполн. Центросоюза (март. 1925 г.) признало необходимым проработать эти вопросы на местах.

Остановимся на некоторых неточностях и ошибках в работе по *с.-х. кооперации*.

Автор цитирует ст. 40 Уг. Код. (стр. 40) в редакции, отмененной еще 11 августа 1924 г. (Собр. Уз. 1924 г. № 70). Ту же ошибку, но в еще более яркой форме, он повторяет на стр. 57 в работе по жилищной кооперации. Разъясняя ст. 10 декрета о потр. коопер., Н. Г. Бердичевский правильно подчеркивает, что неприкосновенность паев по частным взысканиям члена относится только к обязательному одному паю и не распространяется на дополнительные—добровольные паи (стр. 10 ср. ст. 12 Норм. устава). Однако, указание на это отсутствует в работе по с.-х. кооперации (стр. 44) и жилищной (стр. 33). Неясно, держится ли автор иной точки зрения по отношению к этим видам кооперации, или это случайный пропуск. Неудовлетворительным является образец заявления о регистрации устава с.-х. кооп. т-ва, приводимый на стр. 48, т. к. он был выработан Н. К. Земледелия до издания декрета 22 августа 1924 г. При регистрации устава необходимо представление доказательств, что учредители пользуются избирательными правами; циркуляр об этом НКЗ от 12 ноября 1924 г. автору известен (стр. 81); на стр. 47—автор указывает, что при заявлении о регистрации надо представить два экземпляра устава, а на стр. 50—три, последнее правильно.

Кроме уже приведенных неточностей в работе о жилищной кооперации, укажем, что мы не можем признать правильным взгляд Н. Г. Бердичевского на право жилищно-арендного кооператива устраивать „закрытые распределители продуктов первой необходимости и предметов широкого потребления" (стр. 26). Эти операции относятся к функциям потребит. кооперации, и организация такого распределителя возможна только путем открытия его в данном домовладении потреб. обществом. Мы считаем, что это утверждение Н. Г. Бердичевского противоречит и общему положению советского права о специальной правоспособности юридического лица.

На отдельных деталях мы останавливаться не будем. Книги хорошо изданы Центросоюзом и по недорогой цене. Бросается только в глаза недопустимая корректурная ошибка. На стр. 24 работы о жилищной кооперации выпала строчка с наименованием декрета от 21 ноября 1921 г., и это место для несведующего читателя теряет часть своего значения.

Л. И. Поволоцкий.

Новая книга по английскому акционерному законодательству.

Iordan and Borrie. Company law and Practice, 16 edition, London, 1925 г., стр. XXXI+472.

Английское акционерное законодательство регулируется The Companies (Consolidation) Act 1908, кодифицировавшим предшествующее законодательство, изданное с 1862 г., и дополнительными к нему узаконениями: The Companies Act, 1913, The Companies (Foreign Interests) Act, 1917

и The Companies (Particulars as to directors) Act, 1917. Все эти законодательные акты цитируются обычно, как „законы об акционерных компаниях 1908-1917 гг." („The Companies Acts 1908-1917 гг."). Вопросы акционерного законодательства затронуты также „Registration of Business Names Act" (закон о регистрации торговых фирм), 1916 и некоторыми другими узаконениями.

В настоящей книге помещены тексты названных выше законодательных актов, а также правила о ликвидации акционерных компаний—The Companies (Winding-Up) Rules, 1921 г. Кроме того в соответствующих местах вышеприведенных законодательных актов отмечены изменения, внесенные в них различными узаконениями, не относящимися непосредственно к акционерным компаниям.

Главную часть книги составляют, однако, не тексты законодательных актов, а подробное изложение этого законодательства. Порядок изложения принят алфавитно-предметный, т. е. каждый вопрос акционерного законодательства рассматривается отдельно, при чем эти вопросы помещены в книге в алфавитном порядке: Acts, affecting companies, Advantages of Incorporation, Allotment of shares. (Законы, регулирующие акционерные компании, выгоды акционерных компаний, распределение акций) и т. д. В тексте изложения сделаны ссылки на соответствующие места законодательных актов, на которых оно основано. Учтена также практика административных и судебных учреждений.

Изложение очень ясное и исчерпывающее вопрос с достаточной полнотой. Алфавитно-предметный порядок изложения облегчает ознакомление с отдельными вопросами акционерного законодательства. Книга полезна и как справочное руководство, тем более, что она снабжена хорошо составленным указателем и подробным оглавлением.

Выход книги 16-м изданием в течение сравнительно небольшого периода времени (1-е издание вышло в 1908 г.) лучше всего свидетельствует об ее достоинствах.

Н. Дмитревский.

Franz Breyer. „Leitfaden durch das österreichische Arbeitsrecht". Vien. 1923. Verlag Hölder-Piehler-Tempoky.

Мода на справочную литературу всякого рода, породившая у нас неисчислимое количество „руководств", „справочников", „путеводителей", „спутников" и т. д. во всех областях человеческого знания и, в частности, по вопросам труда, как видно не чужда и зарубежным юристам. Бессистемность и хаотичность, свойственные большинству европейских законодательств в области трудового права, прежде всего объясняются, конечно, отсутствием у них трудового кодекса, который объединял бы все разрозненные, издаваемые по большей части без всякого плана, бесконечно дополняющие, отменяющие и изменяющие друг друга законы и постановления. Запутанность трудового законодательства за рубежом делает его малодоступным даже для специалиста, юриста-теоретика, не говоря уже о практиках, которым приходится соприкасаться с вопросами трудового права.

С этого обычно и начинает всякий автор появляющегося вновь руководства. Подробно обосновав в своем предисловии весь вред описанного выше положения вещей, он обещает в своей книге дать читателю и в частности практику (практик оговаривается всегда особо) столь недостающую ему возможность ориентироваться. Общей участи не избег и автор рецензируемой книги. Он начал как и все, но не сдержал опрометчиво данного обещания.

Вся ценность книг подобного рода заключается в их системе, которая

должна позволить читателю с максимальной быстротой найти ответ на интересующий его вопрос. В таких книгах оглавление и алфавитный указатель играют первенствующую роль, так как к их помощи приходится прибегать читателю для нахождения нужной ему справки. Система книги, скелет ее, должен соответствовать общей системе трудового права. В справочнике существенное значение имеет не только изложение самого материала, сколько его подбор и распределение. Как скомпанована книга в данном случае играет почти большую роль, чем то, как она изложена. Если изложение сделано добросовестно, не извращает текста приводимых законодательных актов, то его уже можно считать удовлетворительным. Но для отвечающего своему назначению справочника этого еще мало. Ярким примером в этом отношении может служить книга Breyer'a. Автор добросовестно и со знанием дела излагает австрийское законодательство и практику коллективных договоров. Он подробно знакомит читателя с основными трудовыми законами и постановлениями, подробно комментируя их в подстрочных примечаниях и мелком шрифте, и приводит даже кое-где судебную практику. Но от всего этого книга очень мало выигрывает. Материал расположен таким образом, что при самом богатом воображении читателю никогда не придет мысль искать его там, где он находится.

Книга распадается на три части: 1. Трудовое право в узком смысле этого слова. 2. Охрана труда. 3. Обеспечение рабочих. Первая часть содержит определение понятий нанимателя и трудящегося, несколько слов о трудовом договоре и подробное изложение (§ 3—§ 12) содержания коллективного договора. Пользуясь тем, что коллективный договор очень богат содержанием, так как нормирует все условия труда, автор валит под этим заголовком в одну кучу и положения о рабочем времени и сверхурочной работе, воскресном отдыхе и ночном труде, заработной плате (где параллельно он излагает позицию профсоюзов в отношении оплаты учеников и говорит о существующих в этом вопросе разногласиях), положения о натуральной оплате, компенсации и т. д. Эта же часть содержит изложение норм Промышленного Устава о правилах внутреннего распорядка. Отдельный параграф посвящен порядку расторжения трудового договора, и следующий и последний параграф — разрешению конфликтов. Таким образом, материал расположен как раз обратно тому, как это представлялось бы целесообразным, так как читателя несомненно интересует не где нормируется вопрос (в законе или коллективном договоре), а как он нормируется; читатель вряд ли будет искать в параграфах о содержании коллективного договора интересующие его вопросы о рабочем времени или заработной плате, особенно, если учесть, что оглавление не содержит даже заголовков отдельных параграфов.

Ко 2-ой части, охране труда, автором отнесено: право коалиции, советы предприятий, примирительные камеры, рабочие камеры, особые нормы по борьбе с безработицей, обязывающие нанимателя замещать всякого увольняемого рабочего новым, порядок получения компенсации, сверхурочная работа, особые нормы по охране труда служащих и лиц, работающих по найму в предприятиях находящихся за границей. К этой же части относится раздел, названный автором „гигиенические мероприятия“ и распадающийся на рабочее время и отпуска. Последний раздел той же части посвящен инспекции труда.

Третья часть содержит положения об ученичестве, предоставлении работы инвалидам войны, семейных прибавках и социальном страховании.

Материал, как мы видим, расположен без всякой системы, и автору приходится по два, а иногда три раза возвращаться к одному и тому же вопросу (например, при изложении норм о рабочем времени, сверхурочных работах, разрешении конфликтов и т. д.).

Оглавление не содержащее, как мы уже отметили, даже заголовков от-

дельных параграфов (напр. § 3—§ 12 „Содержание коллективного договора") и алфавитный указатель, составленный чрезвычайно кратко, приносят мало пользы читателю, который хочет разобраться в книге.

Книга может служить хорошим примером того, куда может завести автор, давший своей книге громкое название „путеводителя", и остается только пожалеть, что книга так мало дает в смысле ознакомления с австрийским трудовым правом, литература по которому вообще крайне бедна.

А. И.

В. И. Куфаев. „Юные правонарушители". *Изд. „Новая Москва" 1925 г. 2-ое изд., стр. 356. Цена 1 р. 20 к.*

В 1921 г. был выработан особый статистический листок, который должны заполнять комиссии по делам несовершеннолетних на каждого проходящего через них несовершеннолетнего и отсылать его в Наркомпрос. За три года (1922—24) поступило свыше 79 тысяч листков, из коих почти половина—в последний (1924) год. Обработка этого материала произведена под руководством В. И. Куфаева и на основании этого материала составлена им книга о „юных правонарушителях", вышедшая теперь вторым изданием с большими дополнениями. (120 ст.).

Уже одно то обстоятельство, что книга, изданная в половине 1924 г. в количестве 3 тысяч экземпляров, вся разошлась и потребовала второго издания, свидетельствует об ее исключительной ценности и с другой стороны о том выдающемся интересе к вопросам борьбы с детской беспризорностью и правонарушениями, который в настоящее время наблюдается. И, действительно, те комбинационные таблицы, которые приводит автор, принимая момент семейного положения ребенка правонарушителя (т.-е. сиротство, наличие какого-либо одного из родителей или обоих) за основу построения таблиц о занятиях детей различными видами труда, о характере их жилищ и пр., представляют весьма большой интерес, особенно если имеешь в виду, что подобных им нет ни в нашей ни в западной литературе.

Вывод из этой большой и ценной работы можно сделать только один и именно тот, который делает автор: юные правонарушители не только экономически необеспечены, но и не получили воспитания; чтобы предупредить детские правонарушения, надо обеспечить детей средствами к существованию и надлежащим воспитанием; наибольший процент дают сироты и те дети, которые рано принуждены вести самостоятельную жизнь, в особенности занимающиеся торговлей; меры репрессии не помогут, надо изменить те условия жизни несовершеннолетнего, которые привели его на путь правонарушения, и он изменится сам, потому что он ничем не отличается от детей и подростков, не совершающих правонарушений, разве только своим внешним видом. Но чтобы суметь помочь ребенку правонарушителю, суметь к нему подойти, надо знать его и ту среду, где он находится, а это даст возможность книжка В. И. Куфаева. Есть и еще одно пожелание автора, которое хотя и не подкрепляется им такими же точными, можно сказать, математически точными доказательствами, как предшествующее, но с которым тем не менее нельзя не согласиться: это сосредоточение перевоспитания всех правонарушителей в возрасте до 18 лет в ведении органов Наркомпроса. Передача в Нарсуды дел юношей от 16 до 18 лет и тех подростков от 14 до 16 лет, для которых, по мнению комиссий, медико-педагогические меры не принесут пользы (на самом деле комиссии передают главным образом тех, для которых у них нет места в детских домах),—не дает юным правонарушителям ничего, так как суды либо при-

говаривают их условно, что никакого улучшения не приносит, т. к. никакого присмотра при этом нет, либо отдают на поруки родителям (это та же мера, которую могла бы применить комиссия) либо приговаривают их на короткие сроки, при том не в специальные трудовые дома подростков, где никогда почти места нет, а в общие места заключения, где они совершенствуются в обществе взрослых преступников.

В прекрасной статье, являющейся введением к рассматриваемой книге, М. Н. Гернет говорит, что в лице автора он видит не только убежденного союзника во взглядах на социально-экономическое происхождение детских правонарушений, но и соратника, сильного своими вескими и научно обоснованными выводами.

К книге приложен указатель литературы о беспризорности и правонарушениях несовершеннолетних за 1913—25 г.г.

С. А. Зилов.

И. И. Шейман. Комиссии по делам о несовершеннолетних.

Прекрасным дополнением к работе *В. И. Куфаева* является статья *И. И. Шеймана*, помещенная в сборнике „Детская беспризорность и детский дом", изданном Отделом социально-правовой охраны несовершеннолетних Наркомпроса в 1926 г. Она отчасти использовывает материал, обработанный В. И. Куфаевым, но кроме статистических листков, И. И. Шейман использовал еще месячные и годовые отчеты комиссий и подлинные дела, затребованные с мест отделом социально-правовой охраны несовершеннолетних Наркомпроса. В 1924 г. функционировало 275 комиссий. В общем И. И. Шейман приходит к выводу об успешности работы комиссий, но отмечает несколько недочетов, объясняемых недостатком штатов, частой сменой председателя и членов, отсутствием или недостатком обследователей-воспитателей, обязанности которых в таких случаях несут сами председатели комиссий или детские социальные инспектора, местные школьные работники, члены РЛКСМ, делегатки женотделов, члены Волисполкомов. Однако и привлечение перечисленных лиц не дает возможности по всем делам производить обследования, и мелкие дела идут на рассмотрение комиссии без обследования, что является неправильным и крайне нежелательным, потому что, если нет обследования, комиссия располагает только данными о совершенном правонарушении, а это последнее для комиссии, в отличие от суда, не является решающим моментом. Оно в цепи других обстоятельств, указывающих на опасное состояние юного правонарушителя, является только одним звеном, симптомом этого состояния и доказательством необходимости применения какой-то меры медико-педагогического воздействия; какая же мера необходима, комиссия может правильно установить, только собрав через обследователя-воспитателя все те сведения, которые отчетливо рисуют условия жизни ребенка, получаемое им воспитание и проч. Возьмем для примера такие дела, которые часто остаются без обследования на дому, именно уличная торговля, езда на буферах трамвая и т. п. маловажные правонарушения. О чем они свидетельствуют? Торговля—о самостоятельных средствах подростка, езда—об отсутствии надзора со стороны родителей и воспитателей, а именно эти два факта и вызывают, как это видно из работы В. И. Куфаева, наибольшее количество серьезных правонарушений несовершеннолетних. Правильно избранная и своевременно примененная мера воздействия—помещение на работу юного торговца и присмотр обследователя-воспитателя над любителем езды на буферах—могли бы предотвратить кражи и другие более тя-

желые проступки. Понятно, что непроизводство обследований по этим делам объясняется исключительно недостаточным числом обследователей-воспитателей и для устранения этого необходимо увеличение отпускаемых на комиссии средств. Широко применяются (до 30%) и дают хорошие результаты замечания и беседы с детьми и подростками, совершившими правонарушение по несознательному отношению, легкомыслию и т. п.; почти вдвое меньше применяется присмотр родителей (16%); далее идут: помещение в детские дома нормальных детей (7%) и для трудно воспитуемых (10—12%), недостаток этих учреждений объясняет несоответствие этих процентов количеству сирот (свыше 40%). Менее 5% падает на присмотр обследователей-воспитателей, но в абсолютных цифрах (2349 за 1924 год) это дает значительную работу, т. к. присмотр сплошь и рядом продолжается больше года. Особенно развит присмотр в Москве (15,3%). Опыт Москвы и других мест где эта мера широко применяется, показывает большую целесообразность ее, как важной педагогической работы, только в редких случаях не дающей положительных результатов.

Чаще всего несовершеннолетние привлекаются за имущественные правонарушения (82%); незначительные кражи (продуктов и плодов) составляют 11,5%; мошенничество, грабеж — дроби процентов; поджоги совершаются почти исключительно вследствие неосторожного обращения с огнем; умышленные убийства—единичные явления, обычно причиной лишения жизни является неосторожное обращение с оружием (более 1%).

Выводы, которые можно сделать,— те же, что и по работе В. И. Куфаева: надо усилить педагогическую работу увеличением штата работников комиссий и числа учреждений для воспитания правонарушителей.

С. А. Зилов.

Harder O. Postrat und Brüning, A. Dr. Die Kriminalität bei der Post. Berlin 1924 г. Стр. 148.

Эта работа всецело относится к области криминалистики. Ее авторы поставили своею целью дать руководство по раскрытию преступлений, связанных с деятельностью почтово-телеграфных учреждений, т. е. главным образом хищений из конвертов и посылок. В книге шесть разделов: I. Описание и употребление разных вспомогательных для розыска средств— лупа, микроскоп, фотография и мн. др. II. Материал для написания и упаковка—микроскопич. и химич. исследование бумаги, чернил, карандаша и проч. В III разделе в особых параграфах говорится об исследовании преступлений над простой, заказной корреспонденцией, посылках, денежных переводах и пр. В трех последних разделах говорится о мерах борьбы с злоупотреблениями, об обращении с доказательствами и пр.. Рецензируемое исследование отличается большою обстоятельностью, богато снабжено очень хорошо исполненными фотографиями и предметным указателем.

М. Гернет.

Bizard, Léon, d-r. Médecin de Saint-Lazare. Histoire de la Prison de Saint-Lazare du moyen âge à nos jours. Préface de Lenotre G. Dessins originaux de Albert Morand et Jane Chapon. Paris E. de Boccard, édit. 1925. Pages 279.

На редкость роскошное издание. Криминология знает немного таких книг. По большому количеству помещенных в книги переснимков с гравюр и планов тюрьмы Сан-Лазар, устроенной в помещении быв. монастыря, относящихся даже к 16 веку, а также по хорошо исполненным со-

временным фотографиям (все рисунки на особых вкладных листах) эту книгу можно назвать альбомом. Текст написан в живой форме, расчитанной на круг читателей, стоящих и за пределыми пенологии. Особые разделы посвящены описанию жизни в тюрьме в эпоху террора и в частности казненному поэту Шенье. Последние страницы книги описывают тюрьму в период 1914—1919 г., когда там были заключены женщины, приговоренные к расстрелу за шпионство. Этот том получает особое значение, как „нетленный и вечный" памятник тюрьме Сан-Лазар, относительно которой состоялось постановление правительства об ее сносе, разрушении зданий этого творения средних веков и об устройстве взамен ее новой тюрьмы. Принимая во внимание большое число и качество рисунков, надо признать цену книги в 10 руб. недорогою.

Мих. Гернет.

Из иностранной жизни и литературы.

Новый германский законопроект о трудовых судах.

Правительственный законопроект о трудовых судах, опубликованный в № 28 „Reichsarbeitsblatt" 1925 г., является новой переработкой прежнего законопроекта 1923 г. Перед комиссией министерства труда при выработке проекта закона встала двойная задача: 1) реорганизовать судебное разбирательство трудовых споров, подчинив его единому руководству *государственной* власти и 2) распространить его компетенцию на трудовые споры *всех* категорий наемного труда.

6-го июня 1923 г. Комиссия представила разработанный ею проект закона о трудовых судах (опубликованный вместе с докладной запиской Комиссии в 28 Sonderheft zum Reichsarbeitsblatt). Во время обсуждения его во Временном Экономическом Совете разразился в Германии известный кризис 1923 года, вызвавший суровое сокращение государственных расходов. Проект был взят обратно и лишь в конце 1924 г. министерство труда снова приступило к его проведению. Происшедшие за это время некоторые изменения трудового законодательства (в особенности постан. 30 октября 1923 г. о примирительно-третейском разбирательстве) и гражданского процесса повлекли за собой необходимость переработки законопроекта.

Система трудовых судов состоит из: 1) трудовых судов 1-й инстанции, 2) областных [1]) трудовых судов и 3) имперского трудового суда.

К подсудности трудовых судов относятся независимо от суммы иска: 1) споры, возникающие из коллективного договора между сторонами его заключившими, 2) споры, возникающие между нанимателем и нанявшимся на почве трудового отношения или отношения ученичества, за исключением споров, связанных с правами изобретателей, а также споров судовых команд, 3) споры работников между собою на почве совместной работы, 4) споры между нанимателями и нанявшимися, возникающие в связи с применением закона о советах предприятия, временных правил о сельскохозяйственном труде и закона о социальном страховании. Кроме того, трудовые суды могут рассматривать также дела, хотя и не входящие в число перечисленных выше дел, но находящиеся с ними в юридической или экономической связи.

Работниками в смысле настоящего закона являются *все* рабочие и слу-

---

[1]) Термином „область" здесь, как и в дальнейшем, мы переводим немецкий термин „Land", означающий отдельное государство, входящее в состав Германского Союза.

жащие, включая учеников. К работникам приравниваются также лица, хотя и не состоящие в отношениях трудового найма, но выполняющие для других лиц работу по их заказу и за их счет, не исключая и тех случаев, когда закупка сырья производится за счет работника.

Трудовые суды первой инстанции учреждаются в качестве самостоятельных судов областным управлением юстиции по соглашению с областным управлением социальных дел для каждого судебного органа, или для нескольких судебных округов вместе, или же для определенного промышленного района. Каждый трудовой суд состоит из нескольких камер. Во главе каждой камеры стоит председатель, назначаемый областным управлением юстиции по соглашению с областным управлением социальных дел. Членами каждой камеры являются два заседателя, из которых один назначается из числа работодателей, другой из числа рабочих. Отдельные камеры организуются для споров рабочих и для споров служащих, а также могут быть организованы для отдельных отраслей производства. Председателями трудовых судов должны назначаться лица, не являющиеся ни предпринимателями ни рабочими и имеющие права замещения судейских должностей. Они назначаются на срок от 1 года до 9 лет. После трехлетнего беспорочного выполнения своих обязанностей их должность может быть сделана пожизненной. Председатели и их заместители пользуются всеми правами судей общих областных судов.

Заседатели трудового суда назначаются областным правительством по соглашению с председателем областного суда сроком на 3 года из числа кандидатов, представляемых союзами предпринимателей с одной стороны и союзами рабочих и служащих—с другой. Заседателями могут быть все германские граждане обоего пола, достигшие 24 лет и не менее одного года занимающиеся своей профессией в данном округе. К работодателям приравниваются: 1) директора и руководители предприятий и лица, имеющие право найма и увольнения, 2) представители и ответственные служащие союзов предпринимателей. Должность заседателя является почетной, и отказ от нее допускается лишь по особо предусмотренным в законе основаниям. Заседателям оплачиваются путевые расходы, а также возмещается потерянный, вследствие исполнения своих обязанностей, доход или заработок. В случае нарушения заседателем своих обязанностей он может быть лишен своих полномочий председателем областного суда. Дисциплинарные взыскания (штрафы) могут налагаться на заседателей председателем трудового суда.

В каждом трудовом суде, имеющем более одной камеры, создается комитет заседателей, состоящий из равного числа заседателей от рабочих и от предпринимателей. Этот комитет рассматривает вопросы, касающиеся организации камер, распределения работы и пр., а также сообщает председателю суда и органам надзора обо всех прочих пожеланиях и предложениях заседателей. Заседатели участвуют в заседаниях суда по очереди согласно списка, устанавливаемого в начале года.

Областной трудовой суд учреждается областным управлением юстиции и областным управлением социальных дел при общем областном суде. Областной трудовой суд может быть организован по соглашению заинтересованных областей также для определенного района, находящегося на территории не одной, а нескольких областей. Областной трудовой суд, также как и трудовые суды первой инстанции, состоит из нескольких камер, состоящих в свою очередь из двух заседателей—одного из числа предпринимателей и одного из рабочих,—и председателя. Председатели областных трудовых судов назначаются из числа постоянных членов общего областного суда, обладающих специальными познаниями в области трудового и социального права. Заседатели областных трудовых судов должны быть не моложе 30 лет и в течение не менее 3 лет занимать должность заседателей в трудовых судах.

Имперский трудовой суд учреждается при общем имперском суде и разделяется на несколько „сенатов" (аналогичных „камерам" низших инстанций). Каждый сенат имперского трудового суда состоит: 1) из председателя, назначаемого из числа председателей сенатов общего имперского суда, 2) членов - судей, назначаемых из числа имперских советников суда, обладающих специальными знаниями в области трудового и социального права и 3) членов - заседателей, назначаемых министром труда по соглашению с министром юстиции из числа кандидатов, представляемых объединениями работодателей, с одной стороны, и рабочих и служащих—с другой. Заседатели имперского трудового суда должны быть не моложе 35 лет и в течение достаточно долгого времени (срок в законе не указан) заниматься в пределах Германии своей профессией.

Судопроизводство в трудовых судах подчиняется правилам общегражданского судопроизводства, за исключением некоторых указанных в законе особенностей, установленных в целях упрощения и ускорения судебного разбирательства. Наиболее важной особенностью трудового разбирательства является предварительный разбор дела единолично председателем соответствующей камеры. Это разбирательство имеет чисто примирительный характер, так как председатель суда не может принимать никаких решений, а должен лишь содействовать примирению сторон. Если примирение сторон не достигается, то дело переходит на рассмотрение камеры трудового суда в полном составе и решается в судебном порядке. Решения трудовых судов, независимо от обжалования, подлежат предварительному исполнению. В случае если ответчик докажет суду, что предварительное исполнение может нанести ему невосстановимый ущерб, суд может отсрочить исполнение приговора до разрешения дела в высших инстанциях.

Обследование в аппелляционном порядке решений трудовых судов допускается в двухнедельный срок в областной трудовой суд в двух случаях: 1) если сумма иска превышает 300 марок и 2) если трудовой суд первой инстанции признал аппеляцию допустимой в виду принципиальной важности данного дела. Неправильный состав суда и неправильности судопроизводства не являются поводом апелляционного обжалования решений по трудовым делам. Апелляция ограничена тем, что новые обстоятельства могут производиться перед областным трудовым судом лишь если таковые возникли после последнего разбирательства дела в суде первой инстанции, или если неприведение их на суде первой инстанции произошло, по мнению областного суда, не по вине жалобщика.

Решения областных трудовых судов могут быть обжалованы в 2-недельный срок в имперском трудовом суде. Это обжалование допускается в двух случаях:

1) Если сумма иска превышает пределы, установленные для обжалования решений общегражданских областных судов и 2) если областной суд признал обжалование допустимым в виду принципиальной важности данного дела. Жалоба в порядке Revisionsverfahren может основываться лишь на неприменении или неправильном применении закона или коллективного договора. Допускается также непосредственное обжалование решений трудовых судов в имперский трудовой суд, минуя областной суд, в тех случаях, когда по заявлению заинтересованной стороны или по определению министра труда требуется разрешить данное дело в срочном порядке.

Решения трудовых судов первой инстанции по вопросам, связанным с деятельностью советов предприятий и их взаимоотношений с предпринимателями (регулируемых законом о советах предприятий), по существу окончательны и могут быть обжалованы лишь в кассационном порядке. Кассационной инстанцией для них является областной трудовой суд. Мотивом кассации может являться лишь неприменение или неправильное применение закона.

В особой главе законопроекта регулируются *третейские договоры*, т. е. договоры предпринимателей и рабочих об изъятии возникающих между ними споров из подсудности государственных трудовых судов для разрешения их в примирительно-третейском порядке. Согласно законопроекта такие договоры могут заключаться как в отношении всех вообще могущих возникнуть между сторонами споров, так для отдельных дел, как между отдельными рабочими и предпринимателями, так и между сторонами коллективного договора. В последнем случае действие третейского договора распространяется на всех лиц, на которых распространяется действие коллективного договора за исключением тех, на кого коллективный договор распространен в порядке объявления его общеобязательным (министром труда). Третейские суды должны организовываться на паритетных началах, все же дальнейшие подробности их организации и деятельности устанавливаются самими сторонами.

Кроме трет. договоров (Schiedsverträge), совершенно исключающих разбор дела в государственном трудовом суде, законопроект предусматривает также примирительные договоры (Gütevertrage), согласно которым конфликт, прежде чем разбираться в трудовом суде, передается в примирительную комиссию, организуемую самими сторонами. В случае же недостижения в ней соглашения дело переходит в трудовой суд. По вступлении в силу настоящего закона упраздняются промышленные суды, торговые суды, горные суды, судебные камеры при примирительных камерах, ремесленные третейские суды и судебные органы цехов.

Принятие изложенного закона внесет серьезные изменения в судебное разбирательство трудовых споров в Германии. Главнейшие изменения заключаются в следующем: ряд специальных судов для разрешения споров отдельных профессий заменяется единой судебной организацией, разбирающей все вообще трудовые споры; суды эти изымаются из ведения муниципальных и корпоративных организаций и целиком переходят в ведение государственных органов; в компетенцию трудовых судов включаются трудовые споры тех категорий трудящихся, которые до настоящего времени принуждены обращаться в общие суды, например, сельскохозяйственные рабочие, железнодорожники, домашние служащие и пр.

М. Жемчужникова.

Казнь женщин в Париже, осужденных за шпионство в 1917 г.

В книге врача парижских тюрем Леона Бизара „Souvenirs d'un médecin des prisons" и в его же монографии о тюрьме Сан-Лазар мы находим очень интересные описания смертной казни над двумя женщинами, осужденными военным судом за шпионство в пользу германцев. Эти две публично расстрелянных женщины не были единственными казненными за годы войны в Париже, и нам известны казни еще двух других, приговоренных также военными судами за шпионство. Но из этих четырех публичных расстрелов казнь известной парижской танцовщицы Маты Гари произвела на всех присутствовавших такое впечатление, что оно не забыто и теперь. В этом описании казни, сделанном не только ее очевидцем, но и участником, заслуживает быть отмеченным на ряду с поразившим всех поведением осужденной также и вся обстановка казни с толпой любопытствующих зрителей, с „сердобольными" монахинями-надзирательницами тюрьмы, тем самым пастором Арбу, кровожадную защиту которым смертной казни я отмечал в моей книге „Смертная казнь" еще 13 лет тому назад, с церемониальным маршем войск мимо трупа расстрелянной женщины...

Мата Гари, родившаяся в Голландии, была известна всему Парижу. Это была очень „модная“ танцовщица восточных танцев, исполнявшая их без костюма на сценах парижских и других театров, кафе-концертов и т. п. Ее профессия давала ей возможность вести жизнь полную роскоши. Война положила предел этому. Шпионство должно было поправить ее средства, но ее деятельность была раскрыта контр-разведкою, и военный суд единогласно приговорил ее к смертной казни. Она нисколько не сомневалась, что просьба о помиловании будет отвергнута, но не впадала в отчаянье, хотя, ложась спать и спрашивала сторожившую ее монахиню: „как она думает, это не будет сегодня ночью“? Накануне казни она показывала доктору, уже знавшему, что просьба о помиловании отклонена, несколько па своих танцев и показывала их сияющая, улыбающаяся, по просьбе... монахини-надзирательницы, также знавшей, что казнь Маты Гари предстоит завтра.

За восемь месяцев своего строгого заточения Мата Гари не получила ни одной передачи, к ней никто не приходил на свиданье и никто не прислал ей письма, а три отосланные ею, были ей возвращены. Но целая сотня военных и штатских пришла в тюрьму посмотреть танцовщицу перед смертью. Когда комендант тюрьмы объявляет, что пришло время разбудить осужденную (доктор дал ей на ночь усиленную дозу снотворного средства), толпа бросается за ним к входной в корридор двери, но председатель военного суда, видя этот натиск любителей сильных ощущений, отдает приказ остаться у двери всем, кто не имеет специального разрешенья на вход в камеру осужденной. Несколько человек входят в камеру. Монахиня стоит здесь „на коленях и молится“, а Мата Гари спит. Комендант будит ее и говорит: „Зелла, мужайтесь, президент отклонил вашу просьбу; час расплаты настал“. Мата Гари смотрит глазами, полными ужаса. Водворяется тишина. Затем Мата Гари повторяет сначала глухим голосом, потом постепенно окрепшим по крайней мере десять раз: „Это невозможно, это невозможно“. Но очень быстро она берет себя в руки и ободряющей ее монахине говорит: „Не бойтесь, сестра, я сумею умереть, не падая духом. Вы увидите красивую смерть“. Она отказывается от нашатырного спирта, который предлагает ей понюхать доктор: „мерси, доктор, вы же видите, что я не нуждаюсь в этом“, говорит она, но выпивает грог, который подает ей другой „доктор“. Во время одеванья рубашка ее поднимается и обнажает ее ногу выше колена. Монахиня спешит натянуть эту рубашку, но осужденная говорит ей: „Оставьте же, сестра, теперь совсем не время заботиться о стыдливости“. Мало-по-малу ее лицо принимает обычное гневное выраженье и она говорит: „О, эти французы. К чему им послужит мое убийство. Если бы это доставило им победу.. А! они увидят“... Она просит дать ей самое теплое платье. „Дайте мне, говорит она, мои красивые туфельки: я всегда любила хорошую обувь“. Во время этого монолога она пудрится. После ботинок и пудры Мата Гари желает пастора. В 1907 г. этот пастор, защищая в заседании главного тюремного общества сохранение смертной казни, проект отмены которой был внесен в палату депутатов, жаловался, что с тех пор, как президент республики стал широко пользоваться принадлежащим ему правом помилования, приговоренные к смерти, уверенные в их помиловании, слушают его, пастора, без волненья... Кажется на этот раз пастор Арбу оказался сам в положении взволнованного: он выходит из камеры со слезами на глазах... Впрочем, может быть это требовалось по ритуалу казни?... Когда вышедшие из камеры на время беседы пастора с Матой Гари вновь входят туда, они видят ее уже в шляпе, в элегантном голубом платье, натягивающую на руки перчатки. У нее вид дамы, принимающей визитеров. Она благодарит доктора за заботы и, обращаясь к монахине Леониде, говорит ей: „Я много путешествовала. На этот раз это мое последнее путешествие. Я отправляюсь к большому

вокзалу и не вернусь оттуда... Но берите пример с меня, матушка, не плачьте"... Один из офицеров приближается к ней и спрашивает, не желает ли она дать какие-либо разоблачения. „Никаких" отвечает она сухо: „если бы я и знала что-нибудь, вы прекрасно понимаете, что я сохранила бы их при себе". В исполнение закона доктор Соке задает ей вопрос, не имеет ли она оснований считать себя беременной? Почти смеясь, она отвечает: „О, конечно, нет, как хотите вы, чтобы..." Она направляется в корридор со всеми присутствовавшими. Главный надзиратель бросается к ней и хватает ее под руку. Но она энергично вырывает у него руку и гневно кричит: „прочь от меня, не дотрагивайтесь до меня. Я не хочу. Я не воровка. Что за манеры..." И главный надзиратель повинуется. Обращаясь к монахине Леониде, она говорит: „матушка, дайте мне Вашу руку и не покидайте меня". Эта „матушка" (та самая, которая проливала слезы) после говорила врачу, что держала Мату Гари за руку изо всех своих сил, так как боялась, что та на последок „выкинет какую-нибудь штуку"... Проходя длинным корридором тюрьмы к выходу, Мата Гари достала рукою высоко подвешенную электрическую лампочку и, смеясь говорила сестре-монахине: „держу пари, что Вам ее не достать: Вы слишком малы для этого". Увидя в нижнем этаже целую толпу зрителей, она смеется и говорит: „Сколько народа, какой успех". Получив разрешенье написать прощальные письма, она снимает перчатку с правой руки и твердым почерком пишет три письма в течение десяти минут. Жандармы расписываются в получении Маты Гари для исполнения над нею смертной казни и садятся вместе с нею, монахиней Леонидой и пастором в автомобиль и едут в Венсенский парк. Пастор от волнения почти не может говорить. Вместо него старается монахиня. Она убеждает Мату Гари простить перед смертью всем врагам, но та отвечает: „я совсем не хочу прощать французам". Монахиня убеждает ее простить и им. Тогда Мата Гари вполголоса говорит ей: „так как вы этого хотите, то прощаю им".

На месте казни войска расположены с трех сторон столба, у которого производится расстрел. Выйдя из автомобиля, Мата Гари подает руку монахине и помогает ей выйти. Эта „громким голосом читает молитвы". Подойдя под руку с монахиней к столбу, Мата Гари быстро отрывается от нее и говорит ей: „поцелуйте меня поскорее и оставьте теперь; встаньте вон там направо; я буду смотреть в вашу сторону. Прощайте". Пока офицер читает приговор, она встает у столба и отказывается от завязыванья глаз. Перед Матой Гари становится отряд стрелков в 12 человек, а она смотрит в сторону монахини, стоящей на коленях, улыбается ей и делает ей прощальный жест. Раздается залп и Мата Гари падает мертвой. Под звуки труб войска проходят маршем мимо трупа казненной женщины. Недалеко от ее трупа лежит солдатик, упавший в обморок и над ним возится доктор Бивар, стараясь привести его в чувство, и таким образом войска дефилируют и мимо него... Вскрытие трупа казненной показало, что смерть последовала от единственной пули, пронизавшей сердце.

Мата Гари была актриса и расточать улыбки было для нее обычным делом. Но признаем, что она блестяще сыграла до конца свою роль спокойно умирающей и проявила громадную силу воли, исполняя свое обещание дать картину „красивой смерти" и улыбаясь под дулами направленных на нее 12 ружей...

Из описания казни Маргариты Франсильяр, происходившей в январе 1917 г., мы отметим только некоторые эпизоды. В одной камере с ней находилась девица Дюфай, также приговоренная к казни. Под благовидным предлогом эту последнюю перевели накануне казни Маргариты Франсильяр в другую камеру, чтобы избавить ее, говоря словами директора тюрьмы, „от генеральной репетиции ее собственной казни". Осужденную, после объявления ей, что „час расплаты настал",

повели в часовню прослушать обедню и она ее прослушала среди монахинь и группы любопытствовавших офицеров. На месте казни произошел, говоря словами автора описания, тягостный эпизод: осужденную доставили к столбу для расстрела на 20 минут ранее назначенного срока и ей пришлось ждать всей церемонии казни, стоя перед войсками, толпой зрителей и столбом. Она вынесла и эту пытку. В противоположность Мате Гари она, также отказавшаяся от повязки на глаза, крикнула, стоя у столба, „прошу прощенья у бога и Франции. Да здравствует Франция".

Мих. Гернет.

Zeitschrift für osteuropäisches Recht. Herausgeben von Osteuropa-Institut in Breslau. Jahrgang I. Mai 1925. Heft I. Ss. 139.

Институт изучения Восточной Европы (Osteuropa-Institut) в Бреславле предпринял издание юридического журнала, заглавие которого мною только что выписано. Программа журнала, как явствует из предисловия редакции (в состав ее входят профессора Бреславского Университета Шотт и Шендорф), охватывает изучение частного и публичного права государств Восточной Европы, к которым относятся—Чехо-Словакия, Польша, Советский Союз, Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Венгрия, Юго-Славия, Болгария и Румыния. В каждой книжке журнала (их предполагается в год четыре) должны появляться обзоры законодательства, судебной практики и литературы перечисленных стран, а также статьи по специальным вопросам. Задача журнала — служить потребностям германской юридической науки, служить потребностям практики и вместе с тем быть связующим звеном между германской наукой и наукой восточно-европейских государств.

Первая книжка журнала содержит справочный материал по ряду стран— по Чехо-Словакии, Польше, Советскому Союзу, Литве, Латвии, Эстонии, Венгрии и Болгарии. Советскому Союзу отведено около трети книжки (стр. 22—64). В рубрике „законодательство" приводятся тексты нескольких законодательных и договорных актов, в том числе торгового договора СССР с Швецией, декрета об основах авторского права, резолюции Южного ЦИК'а (Октябрьской сессии 1924 г.) по внутренней торговле и торговой политике. В отделе судебной практики приведены отчеты о нескольких судебных делах (перепечатка из „Известий ЦИК", в одном случае—из Еженедельника Сов. Юстиции), в том числе о деле по расторжению концессионного договора с Синклером. В отделе „литература" помещены составленный Л. С. Талем обзор советской литературы по хозяйственному праву и рецензия проф. Шендорфа на книги и статьи по международному частному праву.

Для других стран обзоры даются не всегда по тем трем рубрикам, которые намечены программой журнала и осуществлены для СССР: Эстония представлена одним только законом об автономии национальных меньшинств, Болгария—только обзором литературы. Интересны общие обзоры законодательства, составленные проф. Е. Вейсом для Чехо-Словакии, д-ром Лебером для Латвии.

Журнал может представить значительный интерес и для нас: законодательные новеллы наших ближайших соседей до нас, по общему правилу, не доходят, только случайно узнаем мы и о их научной литературе. Следует только пожелать, чтобы обзоры как законодательные, так и библиографические составлялись с необходимой полнотой: этого требует „информационный" характер предпринятого издания.

А. Н. Макаров.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

I. Проф. **А. М. Винавер.** Законодательная техника 3

II. **И. М. Альтшулер.** Юридическая природа Обществ Взаимного кредита 11

III. **Л. И. Фишман.** О договоре комиссии 20

IV. **И. В. Шерешевский.** *(Окончание).* Отличительные признаки трудового договора 28

V. Проф. **В. И. Серебровский.** Понятие страхового договора в советском праве 34

VI. **Е. И. Астрахан.** Страхование гражданской ответственности. 43

VII. Вопросы цивилистики. 1. **А. В. Кусиков.** Исковая давность и бесхозяйственность имущества 52

2. **Е. В. Дунаевский.** Уступка патента 56

VIII. **Р. Гланц.** Вопросы гражданского процесса. 61

IX. Проф. **В. Н. Ширяев.** Эволюция советского уголовного законодательства 70

X. **Б. Утевский.** Девятый Международный тюремный конгресс . 80

XI. **Д. П. Родин.** Городская и сельская преступность 94

XII. **С. А. Укше.** Мужеубийцы 101

XIII. Проф. **Б. Д. Плетнев.** Судьба Лиги Наций 107

XIV. Хроника. Бюро юрисконсультов экономич. учреждений и организаций при Институте экономических исследований НКФ СССР. Обзор деятельности за 1925 г. Доклад Г. Д. Рындзюнского 111

XV. **Л. И. Поволоцкий.** Алексей Иванович Терехов. (Некролог) . 112

XVI. Библиография. **М. Гернет.** В. В. Соколов. Права женщины по советским законам. Изд. 2-ое, переработ. и дополн. с предисловием и под ред. И. А. Ростовского. Юр. изд. НКЮ. М. 1926 г. **Л. Фишман.** Проф. Б. С. Мартынов. Земельный строй и земельные отношения РСФСР. Изд. „Наука и Школа“. 1925 г. **Л. Поволоцкий.** Н. Г. Бердичевский. а) Декрет о потреб. кооперации 20 мая 1924 г. б) Закон о с. х. кооперации 22 августа 1924 г.

в) Закон о жилищной кооперации. Практические постатейные комментарии. Изд. Центросоюза. М. 1925 г. **Н. Дмитревский.** Iordan and Borrie. Company law and Practice, 16 ed., London, 1925. **А. И.** Franz Breyer Leitfaden durch das österreichische Arbeitsrecht. Wien. 1923. Verlag Hölder-Piehler-Tempoky. **С. Зилов.** 1) В. И. Куфаев. Юные правонарушители. Изд. 2-е. Изд-во „Нов. Москва". 1925 г. 2) И. И. Шейман. Комиссии по делам о несовершеннолетних. **М. Гернет.** Harder, O. Postrat und Brüning, A. Dr. Die Kriminalität bei der Post. Berlin. 1924. **М. Гернет.** Bizard, Léon, d-r Médecin de St.-Lazare. Histoire de la prison de St.-Lazard du moyen âge à nos jours. Préface de Lenotre, G. Paris. E. de Boccard, édit. 1925 114

XVII. Из иностранной жизни и литературы. **М. Н. Жемчужникова.** Новый германский законопроект о трудовых судах. **М. Н. Гернет.** Казнь женщин в Париже, осужденных за шпионство в 1917 г. **А. Н. Макаров.** Zeitschrift für osteuropäisches Recht. Herausgegeben von Osteuropa-Institut in Breslau. Jahrgang I. Mai 1925. H. I. 124

Ответств. редактор проф. **А. М. Винавер.**

000161918
ЮФ СПБГУ

КООПЕРАТИВНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВАЯ РОССИЯ“

Москва, Советская площадь, д. 28—Телефон 1-76-81.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА 1926 ГОД

на общественно-политический и литературно-художественный журнал

„НОВАЯ РОССИЯ“

под редакцией И. Г. Лежнева

Выходит ежемесячно не позднее 25 числа.

Журнал „Новая Россия“ дает в каждой книжке исчерпывающую характеристику жизни истекшего месяца. Будут освещены основные вопросы внутренней и внешней политики, хозяйства; будет дана информация о культурной, научной и технической жизни СССР и за границей.

В журнале участвуют лучшие литературные и научные силы СССР.

Журнал по типу приближается к англо-американским ежемесячникам (Magazins) и содержит более 7-ми листов печатного материала.

Подписная цена:

на 1 год . . . 5 р. — к.	на 3 мес. . . . 1 р. 35 к.
„ 6 мес. . . . 2 „ 60 „	„ 1 „ . . . — „ 50 „

Подписка принимается

КОНТОРОЙ ЖУРНАЛА: Москва, Советская площ., 28, и уполномоченными Конторы по приему подписки во всех крупных городах СССР.

Цена 2 руб.

Издательство „ПРАВО и ЖИЗНЬ“.

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ:

Практические Комментарии к действующим Кодексам:

I. Гражданский Кодекс. Проф. М. М. Агарков. Подряд, ц. 60 к., Проф. А. М. Винавер. Неустойка, ц. 30 к. Проф. И. Б. Новицкий. Имущественный наем, ц. 60 к. Проф. И. Б. Новицкий. Заем. 3-ье изд., ц. 35 к. Проф. И. В. Шерешевский. Представительство: а) Поручение, б) Доверенность ц. 1 р. 40 к.. Проф. И. Б. Новицкий. Обязательства из договоров, ц. 60 к. Проф. И. Б. Новицкий. Право собственности, ц. 75 к. Проф. В. И. Серебровский. Наследственное право ц. 1 р. Проф. И. Б. Новицкий. Обязательственное право, ц. 75 к.

II. Гражд. Процессуальный Кодекс. Я. А. Канторович. Государств. учрежд и предпр. в Гражд. Процессе, ц. 90 к. И. Л. Брауде. Третейские суды, ц. 50 к

III. Уголовный Кодекс. Профессора М. Н. Гернет, А. А. Жижиленко М. М. Исаев, П. И. Люблинский и А. Н. Трайнин. Общая часть Уголовного Кодекса, ц. 1 р. 75 к. Проф. М. М. Гродзинский. Преступления против личности ц. 80 к. Проф. А. А. Жижиленко. Воинские преступления, ц. 65 к. Проф. А. А Жижиленко. Половые преступления, ц. 40 к. Проф. А. Н. Трайнин. Хозяйственные преступления, 3-ье изд. ц. 1 р. 25 к.. Проф. М. Н. Гернет. Имущественные преступления, ц. 50 к. Уголовный Кодекс. Научно-попул. практ. комментарий под редакцией М. Н. Гернета и А. Н. Трайнина. ц. 3 р. 90 к.

IV. Уголовно-Процессуальный Кодекс. Проф. А. А. Жижиленко. Судебное заседание, ц. 90 к. Проф. П. И. Люблинский. Меры пресечения. Изд. 3-е, ц. 90 Проф. П. И. Люблинский. О доказательствах в уголовном суде. Изд. 2-ое, ц. 90 А. С. Тагер. Кассационное обжалование судебных приговоров. Изд. 2-ое, ц. 1 р. 70

V. Земельное Законодательство СССР. Проф. И. Б. Новицкий. Трудовая аренда земли и вспомогательный наемный труд в трудовых земледельческих хозяйствах. Ц. 70 к. И. Новицкий. Право трудового землепользования. Ц. 1 р. 25

Сборники: законы о торговле, т. I, II и III (с алф. предм. указателем т. III) ц. по 2 р. за том, т. IV (с алф. предм. указателем) ц. 3 р. Составили С. Гуревич и Н. П. Дмитревский, под ред. проф. А. М. Винавера, Н. К. Муравьев и В. Ю. Вольфа. **Законы о деньгах и валютных операциях,** под ред. проф. А. М. Винавера, ц. 1 р. 40 к. **Законы о кустарях и их артелях,** под ред. проф. А. М. Винавера, ц. 75 к. **Налоговые льготы кустарям и ремесленникам.** Сост. А. С. Костин, Е. А. Розов и А. В. Смарагдов, под ред. и с предисл. нач. Упр. П. Я. Федорова. Ц. 1 р. 20 к. **Законы о торгах** под ред. проф. А. М. Винавера, ц. 1 р. 25 к. **Новые законы о кооперации.** Сост. А. М. Долматовский, под ред. А. М. Винавера, ц. 5 р. **„Законы о строительстве“** сборник сост. Н. Васильев. Ц. 3 р. 50 к. **„Гос. подряды и поставки“** сост. И. С. Плехан, ц. 1 р. 90

Разные издания: И. Брауде. Акционерные Общества и Товарищества в торговле и промышленности (с кратким комментарием и прилож. примерного устава акц. о-в и договора полн. т-ва). Ц. 1 р. Проф. **В. Н. Ширяев.** Дисциплинарная ответственность служащих. Ц. 80 к. Проф. **М. Гродзинский.** Обвиняемый, его обязанности и права в процессе, ц. 1 р. 50 к. Акад. **А. Ф. Кони.** Воспоминания о С. Ю. Витте, ц. 50 к. **Преступный мир Москвы.** Под ред. и с пр. проф. М. Н. Гернета. Издание иллюстрированное, ц. 3 р. 60 к. Проф. М. Н. Гернет **В тюрьме.** Очерки тюремной психологии. Изд. иллюстр., ц. 1 р. 80 к. Проф. М. Исаев. Подпольная адвокатура. ц. 20 к. **Б. А. Ландау.** Концессионное пра СССР, ц. 75 к. Проф. М. Д. **Загрядков.** Административная юстиция и пра жалобы, изд. 2-ое, ц. 2 р. 25 к. Систематический Указатель к циркулярам, оп делениям и решениям Верхсуда СССР, Верхсуда РСФСР, опублик. за время с 192 по март 1925 г., ц. 3 р. **И. Т. Бубнов.** Простой вексель и операции с ним, ц. 7 **Б. В. Иванов.** Практические вопросы гербового сбора, ц. 80 к. **П. А. Крюк** Наглядное пособие к Гербовому Уставу, ц. 20 к. **А. Гельвиг.** Современная к миналистика. Методы раскрытия преступлений. Перев. с нем. под ред. пр Люблинского, ц. 1 р. **Р. Гейндль.** Уголовная техника. Из мастерской Уголовн Розыска. Перевод с немец. под ред. П. И. Люблинского, ц. 90 к. **Г. Шнейке** Тайна преступника и пути к ее раскрытию. Перев. с нем. под ред. проф. Л линского, ц. 60 к.

Серия научно-популярных изданий: **„В защиту** I. Т. Е. Сегалов. Психопатология имущественных престу ц. 3 Вып. II. Проф. П. И. Люблинский, Кинематограф и дет III В Куфаев. Систематический указатель русской юридической и педагогичес литературы по детской беспризорности, ц. 75 к. Проф. М. М. Рубинште Соц.-правовые представления и самоуправление у детей. Ц. 1 р. 80 к.